

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 27

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2021

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензент

В. Н. Ратушняк — д-р ист. наук, проф.,
Кубанский государственный университет

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. В. Кондрашин*, д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории РАН); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенко*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет);
Е. Н. Швейковская, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина художника К. Е. Маковского «Крестьянский обед во время жатвы» (1871).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — Вып. 27. — 249 с.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и современного периодов. Основное внимание уделено конкретным экономическим, социальным и политическим сюжетам аграрной истории страны. Представлены историографические и источниковедческие темы, затронуты вопросы общественного движения.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, кому небезразлична история Отечества.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Степанова Л. Г.</i> Межевые работы в Русском государстве	5
<i>Иванов В. И.</i> Хозяйственные занятия и дифференциация крестьян Поморья в конце XVI — XIX веке.	18
<i>Комиссаренко А. И.</i> Юго-восточные регионы Русского Поморья в системе всероссийского рынка в XVII—XVIII веках (по материалам Вычегодского и Вятского краев).....	32
<i>Черкасова М. С.</i> К изучению хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря в начале XVII века.....	38
<i>Черников С. В.</i> Изменения в родовом составе дворянства и структуре собственности в Новгородском уезде в конце XVII — середине XVIII века.....	54
<i>Кабытов П. С., Баринаева Е. П.</i> Дворянский род Кушелевых: люди и судьбы	65
<i>Козлов С. А.</i> «Мама русского огурца»: Екатерина Григорьевна Аверкиева (1852—1918).....	83
<i>Ланской Г. Н.</i> Концептуальные направления изучения социально-аграрной реформы 1861 года в российской, английской и американской историографии.....	96
<i>Роднов М. И.</i> Музыкант из помещиков.....	109
<i>Никулин В. Н.</i> Кожевенный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX века.....	114
<i>Смирнова О. А.</i> В. А. Кокорев — предприниматель-самородок и идеолог национальной экономической науки — «учения о русской избе».....	123
<i>Жиров Н. А.</i> Сельский социум и государственная власть: проблемы отношений и взаимодействия на рубеже XIX—XX веков	135
<i>Дианова Е. В.</i> Сельскохозяйственные общества Вологодской губернии: организация и деятельность в 1905—1919 годах	146
<i>Суханова Н. И.</i> Крестьянство как политический союзник пролетариата (эволюция взглядов В. И. Ленина на проблему).....	163
<i>Милосердов В. В.</i> Аграрная политика государства в 1920-е — начале 1930-х годов.....	176

<i>Бершадская О. В.</i> Производственный потенциал черноморской деревни в 1920-е годы: историко-экономический анализ	192
<i>Кондрашин В. В.</i> «Великий перелом»: как начиналась сталинская коллективизация	199
<i>Логунова И. В.</i> Трудовые ресурсы фермерских хозяйств в 1990-е годы (на материалах областей Центрального Черноземья)	221
<i>Шевельков А. И.</i> О вкладе академика РАН В. В. Миросердова в аграрную науку, сельскохозяйственное производство и аграрную историю страны	229
Об авторах	247

Межевые работы в Русском государстве

В статье изучается становление межевых работ в Русском государстве. Анализируются законодательные акты, позволяющие выявить особенности межевания в различные столетия, развитие технологии межевых работ и изменения в определении границы земельных владений.

The article studies the formation of boundary works in the Russian state. The article analyzes the legislative acts that allow to identify the features of land surveying in different centuries, the development of the technology of land surveying and changes in the definition of the border of land holdings.

Ключевые слова: межевание, Русское государство, Писцовый наказ, межа, земельное владение.

Keywords: land surveying, Russian state, Scribe mandate, border, land ownership.

Первые свидетельства о межевании на территории Руси относятся к X—XII вв. В Русской Правде были выделены специальные статьи, посвященные установлению границ между земельными владениями. В качестве границ использовались естественные преграды на местности, так называемые живые урочища (овраги, ручьи, берега рек и озер), и различные знаки, обозначавшие межу, которые можно было обнаружить на границе владения (большие камни, вековые дубы, насечки на деревьях, столбы, выкопанные ямы). Уже первый свод норм русского права предусматривал штраф за уничтожение межевого знака и межи в размере 12 гривен [1].

В древнерусском языке слово «межа» означало определенный рубеж, черту или границу и восходило к общеславянскому слову *med-*

hiä, означающему «средний, середина» [2, с. 128]. В дальнейшем в русском языке слово «межа» использовалось для обозначения полосы земли или промежутка между соседними полями или угодьями [3, с. 65], а потом стало более конкретным, означая «границу на поле» [2, с. 129], раздел или черту между земельными владениями [4, с. 317]. При имеющихся земельных просторах долгое время границами владений выступали естественные преграды — берега озер и рек, овраги, а позже линии распашки в полях и линии вырубки в лесах [5, с. 6—7].

В XIII—XV вв. границы владений стали подтверждаться актами землевладельцев: духовными, вкладными, данными. Документами, подтверждающими юридически право на землю, были «крепости» или «купчие», позже «крепостные дачи» на пожалованные за службу земли [6, с. 12]. Документы на землю составлялись в присутствии свидетелей самими землевладельцами. В качестве межевых знаков выступали различные природные объекты, живые урочища, долговечные деревья, на которых наносились различные знаки. Признаком межи могла быть широкая полоса земли, возвышающаяся над поверхностью или, наоборот, углубленная в землю, а также нераспаханная или засаженная между полями. На разграничительной полосе в начале межи, на ее поворотах и в конце копались ямы или насыпались возвышения [7, с. 129—130].

С XV в. в России развивается поместная система, появляются земельные владения, полученные на правах условного «личного» владения. За службу в первую очередь давались пахотные земли, но на местности они нередко соседствовали с другими земельными угодьями, в том числе лесами, лугами, болотами. Поначалу входившие в земли помещика или вотчинника леса воспринимались как маловажные, а сами границы владений были весьма расплывчатыми. Между тем государство было заинтересовано в точных данных о поземельных владениях служилых людей. С конца XV в. в Московском государстве стали составляться писцовые описания, которые содержали сведения для распределения податей и повинностей. Писцы описывали каждое владение, регистрировали население, подсчитывали в расчете на двор и поместье количество сох или их доли. Почти всегда писцовое описание являлось ревизией прав землевладельцев на земли [8, с. 27].

Однако писцовые книги, поскольку они выполняли исключительно административную и фискальную функции, не содержат опи-

сание границ владений. Земли описывались по угодыям — пашням, лугам, лесам [9, с. 11]. С XVI в. в писцовых книгах стало фиксироваться качество земли («добрая», «средняя» и «худая») [10, с. 19—29]. Сведения о времени межевания и специальном указе о нем, имена владельцев, межевщиков, описания дач вносились в писцовые межевые книги. В них же описывались сам ход межевания, межевые признаки и назывались смежные владения. В то же время данные о количестве земли вносились только при проверке размеров поместных дач. В спорных ситуациях размеры владений не указывались. Подлинность сведений межевых книг подтверждалась подписями межевщиков и участников межевания.

В качестве границы земельных угодий в это время выступали реки и речки, болота и озера, курганы и овраги, дороги и деревья, изгороди и заборы, дворы и соседние земли. Для обозначения границы в вырытые ямы закладывались камни, уголь и зола. На деревьях и специально поставленных столбах вырубались грани. Очень часто деревья и столбы с гранями соседствовали на меже с межевными ямами. Однако по каким правилам они ставились, сведений не имеется. На пашне и лугах межей служила невозделанная земля, которую не только не вспахивали, но и не косили.

В конце XVI в. на Поместный приказ была возложена задача описания и межевания земель в Русском государстве. Приказ выдавал грамоты на поместья и вотчины, вел «даточные книги», в которых фиксировалось, сколько и за кем числится поместий и вотчин, где они располагаются. Поместный приказ разбирал дела о переходе имений от одного лица к другому, рассматривал споры по межевым делам, взыскивал пошрины [11, с. 138]. В Поместном приказе хранились документы прежних писцовых описаний и межевания — писцовые, приправочные, дозорные, отводные, отказные и межевые книги. В приказе велись книги, где отмечались переходы поместий и вотчин к другим землевладельцам в результате наследования, купли, конфискации или мены.

С течением времени увеличивалось количество земель, раздававшихся в вотчину и поместье, между землевладельцами нередко возникали споры о границах земельных владений. По достижении 15 лет сын служилого человека — «новик» — зачислялся на службу и верстался поместным окладом. Но получить поместье в определенном месте удавалось не всегда, поскольку в наличии не всегда имелись подходящие земли. Поэтому зачастую «новики» верстались

половиною оклада, а недостающая половина позже восполнялась из свободных земель. Между тем добавочная земля требовалась и для «одабривания» полученной ранее худой или средней земли [5, с. 10]. Юридически и технически разграничить земельное пространство и установить границы владений позволяло межевание.

За нарушение межи в законодательстве XV—XVI вв. предусматривалось наказание в виде денежного штрафа или битья кнутом. Статьи Судебников 1497 и 1550 гг. предписывали владельцам смежных территорий устанавливать изгороди между селами и деревнями пополам, а в отхожих лугах изгородь должен был ставить тот, кому принадлежала пашня. Споры о земле и межах разрешались под открытым небом на спорном месте, при этом учитывались показания старожиллов и других свидетелей, приведенных к присяге. Если старожиллы поддерживали разные стороны в споре, дальнейший спор решал жребий. Доказательством правоты в это время служили старые межи и межевые знаки, крестное целование и отвод земли с образом — святой иконой.

Хождение с образом использовалось при невозможности установить истину другим путем и основывалось на вере и совести. В этом случае по взаимному согласию или брошенному жребию один из спорящих ставил на голову образ Господа Иисуса Христа или Божьей Матери либо одного из почитаемых святых угодников и двигался по спорной границе. Пройденный таким образом путь обозначал межу, никаких споров по ней больше не предпринималось. В некоторых местностях стороны могли сразиться в «поле» или в судебном поединке в спорных местах, под открытым небом [12, с. 53—54]. Считалось, что спор в данном случае решал небесный суд.

В связи с тем что в XVII в. в центре государства уже не оставалось свободных земель, межевание стало проводиться не только с фискальной целью, но и для утверждения прав на землю. С развитием поместной системы ценность и значение владения землей увеличивается, и без государственного участия для бесспорного владения разграничение земельных угодий самими землевладельцами становится недостаточным [13, с. 31].

Созданное в правление Алексея Михайловича Соборное уложение 1649 г. позволило кодифицировать межевые законы, которые раньше издавались различными указами. В Уложении уже выделялось спорное и бесспорное межевание земель, которые еще не межеваны писцами, а также спорное и бесспорное возобновление меже-

вых знаков. Устанавливалось взыскание за порчу межевых знаков и нарушение межевания: кто «писцовую межу испортит и столбы вымечет, или грани высечет, или ямы заровняет, или землю перепашет, а по суду и по сыску про то сыщется допряма, и тех людей на спорных межах бити кнутъем нещадно, и бив кнутом, вкинуги в тюрьму на неделю, а исцу велети на нем взяти за всякую грань по пяти рублев, и велети межи и грани зделати и ямы выкопати попржежнему» [14, с. 147]. Ответственность за неправильные действия при спорном межевании была возложена на межевщиков. В Уложении оговаривались порядки отвода и раздела поместий, устройство поземельных отношений при смежных и совместных владениях, порядок суда в спорных случаях. Межевщику предписывалось при рассмотрении споров разыскивать крепости в писцовых, дозорных и других книгах, учитывать показания старожилов и окольных людей. Спорные земли необходимо было разводить в присутствии старожилов по старым межам и граням. Истина в споре могла устанавливаться присягой или хождением с образом [7, с. 222—223].

В XVII в. законодательно регламентируется применявшийся с XV в. процесс «одабривания» земель, поскольку при их разделе в поместьях учитывалось качество почвы [15, с. 78—79]. Если земля была худой или средней по качеству, то помещику прибавлялось столько земли, сколько требовалось для сбора урожая, который можно было получить с доброй земли. В Соборном уложении 1649 г. регламентировалось «одабривание» земли только за счет расчистки земель поместья, находящихся под лесом или лугами, а также мера этого «одабривания»: «на среднюю землю середняя же земли и на сто четвертей по дватцати по пяти четвертей. А где буде земля худа, и на худую землю худыя же земли наддавати на сто четвертей по пятидесят четвертей, и учинити середняя и худая земля против добрыя земли» [16, с. 172].

Верстание поместными окладами дворян и боярских детей в это время проводилось в зависимости от знатности, службы, имущества и физических достоинств. Новые поместные оклады служилые люди могли получить за походы, успешное окончание войны, боевые ранения, плен и усердную службу. Их отвод производился из земель, либо не принадлежавших никому, либо находившихся в незаконном владении. К раздававшемуся земельному фонду относились дикие поля и свободные земли, сдаточные поместья старых и увечных служилых людей, присвоенные казенные земли, выморочные, примерные земли в поместьях.

Изданные в правление Алексея Михайловича указы позволили выработать определенные правила межевых работ. Указом 1650 г. регламентировалось межевание захваченных от поместных земель поросших пустошей в том случае, когда отсутствовали проживавшие здесь ранее жители: «...а буде старожилов на те земли не сыщется, и рубежей развесть будет некому: и те пустоши мерять против писцовых книг и в поместных землях вымеривать по дачам» [17, с. 224]. В Указе 1670 г. впервые появилось требование составлять чертежи на земли, которые были даны в поместья и вотчины [18, с. 859].

Различные указы регламентировали работу межевщиков. Им предписывалось, приехав в уездный город, сначала обойти окружную межою уездные земли города, а затем проводить межевание дач в пределах этой окружной межи. Межа уездных земель определялась с помощью старожилов. В диких полях межевание проводилось по указанию самих просителей, но с соблюдением регламентируемого законодательством размера дачи. При неявке будущего помещика или его поверенного на межу, если только его отсутствие не объяснялось необходимостью нести службу государю, он мог лишиться дачи. Границы дач подробно описывались в межевых книгах, которые заверялись участниками межевания.

В правление Фёдора Алексеевича предпринимается попытка провести валовое межевание. Она была вызвана многими причинами, в том числе неустроенностью землевладения в государстве, утратой большого количества документов в период Смутного времени и в результате пожара 1626 г. [5, с. 14—15]. Это был целый комплекс землеустроительных мероприятий, во время которых писцы должны были проверить соответствие в поместьях земельных площадей служебным окладам, занести все сведения в писцовые книги и провести межевание [19, с. 398]. Но сперва (в 1679 г.) вводился запрет на раздачу пустых земель, пропущенных в писцовых книгах, до будущего межевания и пополнения этих книг описанием не обмежеванных ранее поместных и вотчинных земель [20, с. 225—226].

Последовавший в 1680 г. указ предписывал послать межевщиков в Московский уезд и во все остальные города межевать земли от городской межи по станам и волостям, поместные и вотчинные земли разводить по писцовым книгам и старым межам и граням. Для определения межи нужно было привлекать старожилов. Примерные земли, обнаруженные при межевании, можно было давать в оклады вла-

дельцев, а лишние за окладами — продавать в вотчину [21, с. 254—255]. Впоследствии межевщикам были даны разъяснения о том, что необходимо описывать в книгах все найденные при межевании старые ямы и грани. Новые ямы и грани предписывалось делать на меже через каждые 50 саж. Земли худые и средние следовало одабривать за счет примерных земель, а для выявления утраченных становых меж использовать выписи из писцовых книг и привлекать околных людей. Как и ранее, не явившиеся на межевание помещики и вотчинники могли лишиться своих владений [22, с. 270—272].

Боярский приговор 25 августа 1680 г. объявил главную цель проводившегося межевания: «поместные, вотчинные, и порозжие земли и всякие уголья, межеванные и немежеванные — мерить все, что по наезду писцов не будет, чтобы неописанных, и немереных и не прописанных земель и угодий не было» [23, с. 272—278]. Под усадьбы помещиков и вотчинников предписывалось выделять по 15 дес. на каждые 100 четв. крепостной земли, становые межи надлежало делать с мерою и гранями. Отменялась отписка земель на государя у помещиков, ранее не представивших крепостей, и разрешалось межевание этих земель по дачам и писцовым книгам с предоставлением владельцам выписей из межевых книг. Сентябрьский указ 1680 г. отменял наказание кнутом за порчу меж, но оставлял штраф за испорченный межевой знак в размере 5 руб. [24, с. 279]. Следующий за ним указ разрешал оставлять безденежно примерные земли в вотчинных дачах за вотчинниками и в то же время требовал состоящие на оброке бортные уголья писать за вотчинниками и помещиками с обозначением знамен и потесов, имевшихся на бортных деревьях [25, с. 279—280].

Начавшееся в сентябре 1680 г. сплошное межевание Московского уезда шло только до зимы [7, с. 220—224]. В мае 1681 г. правительство объявило о скором приезде межевщиков во все города, все вотчинники и помещики до их приезда должны были прекратить все споры [26, с. 311—312]. Отдельные указы издавались в августе 1681 г. В них разъяснялись наказания подьячих за неправомерное межевание, а владельцев — за ложные жалобы [27, с. 346—347], следствие по делам о насильственном завладении землями [28, с. 347], а также размер кормовых денег при межевании [29, с. 343].

Правила межевания разъяснил Писцовый наказ 1681 г. Он ставил задачу проверки прав на земли у всех владельцев независимо от статуса и имущественного положения. Если межевщикам не предо-

ставлялись в срок документы, они должны были межевать землю по писцовым книгам, дачам, сыску и сказкам. В свою очередь, владельцы земли в течение 3 лет обязаны были предоставить все сведения, подтверждающие их права на землю, в Поместный приказ.

Валовое письмо проводили писцовые комиссии. Перед межеванием писцы снабжались наказом, в соответствии с которым им нужно было выполнять свои обязанности, прежними писцовыми и межевыми книгами и другими документами, которые могли понадобиться для проведения межевания. Писец должен был зачитать полученный наказ землевладельцам и взять об этом с них расписку. Межевщикам наказывалось мерить землю в десятинах в одном поле, а на двух других полях делать это на глаз и следуя сказкам окольных людей. Найденные в границах владения примерные земли нужно было по просьбе помещиков давать в оклады, превышающие размер их земли — продавать в вотчину этим же помещикам, найденные земли за границами поместий — отписывать на государя. Старые межевые признаки необходимо было разыскивать по указанию старожилов, в случае их отсутствия требовалось вновь проводить размежевание по дачам. Все городские, становые и волостные межи предписывалось разыскивать по сказкам старожилов и записям писцовых книг. При межевании рекомендовалось описывать реки, ручьи, буераки, овраги, леса и другие уголья, называть их признаки и указывать количество сажень между межевыми знаками.

Живые урочища требовалось описывать по правую и левую сторону. В поле нужно было ставить большие столбы с гранями, в лесах — высекать грани на больших деревьях. Вдоль межи наказывалось копать ямы: на городской меже шириной в 2 саж. и глубиной в 1,5 саж., на становой меже — шириной в 1,5 саж. и глубиной в 1 саж., на меже владельческих земель — шириной в 1 саж. и глубиной в 2 аршина. Грани и ямы нужно было делать на меже через каждые 100 саж. по обе ее стороны. На поворотах межи ставились столбы и рылись ямы с указанием расстояния между поворотами в саженах.

В том случае, если не возникало споров между землевладельцами, межевание проводилось в их присутствии или при наличии от них поверенных и окольных людей. При сопротивлении межеванию наказывалось брать у воевод стрельцов и других служилых людей и межевать с ними и понятыми по наказу. Землевладельцы, сопротивлявшиеся межевым работам, подвергались штрафу в размере 50 руб. Если штраф не уплачивался, то битью батогами подвергались их

крестьяне. По Писцовому наказу требовалось писать, мерять и межевать все земли подряд. Полевые межевые книги должен был писать своей рукой старый подьячий, беловые книги заполнялись под надзором писца [30, с. 348]. При всем своем несовершенстве Писцовый наказ 1681 г. оказал большое влияние на дальнейшее межевое законодательство и всю межевую практику. Вместе с тем существовавшая практика межевания ставила новые вопросы, которые не были еще разработаны, и наказ был отправлен на доработку.

Писцовый наказ 1683 г., появившийся уже в царствование великих государей Ивана и Петра Алексеевичей, был вызван необходимостью проводить текущие межевания. Наказ предоставлял право землевладельцу просить о размежевании земель от всех смежных владений, не обязывал межевать чересполосные и общие владения. При раздаче земель в диких полях межевщики должны были провести повальный обыск и выяснить, не отданы ли эти дикие поля уже кому-то в оклады и не возникнет ли в будущем по этому поводу спор. Дикие поля межевались по государевым грамотам, которые предоставляли челобитчики. В случае, когда челобитные подавались на одни и те же урочища, распределение угодий решалось по жребию. Выявленные излишки по окладу земли землевладельцы должны были покупать в вотчину или отдавать другим челобитчикам. Межевать наказывалось по справедливости, «не нарвая никому и ни в чем, не принимая посулов и поминок, чтобы впредь споров и челобитень о землях не было» [19, с. 401]. Однако Стрелецкий бунт потребовал поддержки престола и вызова в столицу детей боярских и других служилых людей, и межевание было отложено [31, с. 338—339].

Писцовый наказ следующего 1684 г. повторял многие положения предыдущего межевого законодательства, которое уже было отработано на практике. Но он позволял не только межевать, но и описывать все категории земель. Главным принципом межевания являлась проверка прав владельцев на землю, поэтому землевладельцам следовало предоставлять соответствующие доказательства, основными из которых считались письменные документы. При их отсутствии в качестве доказательств принимались бесспорные сказки и свидетельства старожиллов и окольных людей. Ежели и таковых не имелось, а также при самовольном поселении на земле владение признавалось незаконным и отписывалось в состав государственных земель.

Основными задачами межевания стали учет земли и выявление ее владельцев. Выяснялось также количество и местоположение зе-

мель государственного поместного фонда и проводилось его увеличение за счет примерных земель, отобранных у помещиков. Наказ 1684 г. ставил цель исключить споры владельцев земли, которые возникали из-за неопределенности границ владений. Помещикам и вотчинникам нужно было доказать не только права на землю, но и размеры своих владений. Сведения о них можно было получить из писцовых книг, либо найти старые межи и грани, собрав показания старожилов, либо заключить полюбовный развод с соседями. Если межа не определялась, нужно было проводить новое межевание, основываясь уже на размерах дач в даточных книгах.

Выявленные излишние земли внутри дачи в соответствии с наказом оставались за помещиком безденежно. Но при обнаружении излишних земель за межей они продавались помещику в вотчину или отрезались в состав государственных земель. Все новые дачи из диких полей и поросших обводных земель должны были намеряться только по государевым грамотам, что исключало поводы для будущи споров. Все поместные, вотчинные, порожние и другие земли подлежали обязательному сплошному межеванию. Писцам наказывалось не допускать пропусков, писать, мерить и межевать «сряду, а не чрез земли».

Для проведения валового описания в уезды посылались писцовые партии, в состав которых входили писец и два подьячих. Перед писцами ставилась задача проводить сплошное описание и межевание земли без пропусков. Начиналось оно обычно от городских земель и проводилось по станам и волостям, причем каждая дача обмежевывалась отдельно. Владельцам земли писцы сначала зачитывали статьи наказа, затем собирали у них документы на право владения землей и письменные сказки о числе дворов и крестьян. После проверки сведений подлинники документов возвращались владельцам, а снятые копии прикладывались к делу. Сведения о числе дворов и крестьян писцы проверяли лично на месте, записывая в книгу. Работы по межеванию проводились в присутствии владельцев или их поверенных, старожилов и окольных людей. Межа между владениями обозначалась принятыми ранее межевыми знаками. В лесных местах по меже прорубались просеки, в поле делались межники. Все урочища, выступающие границами владений, подробно описывались в книгах. Межевые книги подписывались старожилами, сторонними людьми, вотчинниками, помещиками, их людьми и крестьянами, присутствовавшими при межевании, и удостоверялись самими писцами [13, с. 141].

Измерение земли производилось в десятинах, при этом размер десятины равнялся 80 саж. в длину и 30 саж. в ширину. Пашенные земли измерялись в 3 полях, причем 2 четверти пашенной земли равнялись 1 десятина. Одна десятина приходилась и на 10 копен сенных покосов. Оценка площади больших лесов проводилась по показаниям местных жителей, которые называли их длину и ширину в верстах. В то же время пашенные леса, представлявшие собой лесную поросль и потенциально способные к пашне, измерялись в десятинах [7, с. 258—259].

Утверждая Писцовый наказ 1684 г. и проводя валовое межевание, правительство стремилось упорядочить раздачу поместных окладов и в целом навести порядок в поместной системе. На протяжении последующих лет межевое законодательство неоднократно дополнялось различными указами. Так, в 1684 г. последовал указ государей о запрете до окончания межевания раздавать в поместья порожние отводные земли, которые не были описаны в писцовых книгах [32, с. 628—632].

Таким образом, несмотря на большую подготовительную работу, валовое писцовое описание конца XVII в. имело большие недостатки. Писцы должны были проверять право владения землей в установленных ранее границах и определенном количестве. Если владелец не предоставлял доказательств, подтверждающих его права, земля отрезалась в казну. Вернуть ее можно было, заплатив в казну определенную сумму денег и приобретя в вотчину или получив в поместье в размере следующего поместного оклада. Проводившиеся писцами измерения не предоставляли точных сведений в силу несовершенства измерительной техники и без учета в общем количестве земель лесных массивов. Отсутствовало требование составления чертежей и планов местности, весьма расплывчатыми из-за неточностей описания межевых знаков оказались и границы владений.

Однако составленные в результате валового описания земель конца XVII в. межевые книги стали главными документами, позволявшими доказать в споре право на землю. Новые шаги в межевании территории России были предприняты уже в имперский период. Несмотря на то что в XVII в. неописанными оставались территории дикого поля и лесные пространства, а само межевание не было проведено в полном объеме, поскольку были обмежеваны только земли, которые находились на податном окладе, на результатах этого валового описания основывались все межевые работы в последующее время.

Список источников и литературы

1. *Пространная Русская Правда* (по Троицкому списку второй половины XIV в.) // Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
2. *Этимологический словарь русского языка*. М., 2007. Вып. 10.
3. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1982. Т. 9.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. М., 2006. Т. 2.
5. *Некрасов Ф.Г.* Межевание земель в России (Межевые законы). Конспективное изложение, приспособленное для первоначального общего ознакомления с русским межеванием. М., 1915.
6. *Дутлова Е.Ю., Никонов П.И.* Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории. Очерки истории межевания, кадастрового учета и градостроительства. М., 2007.
7. *Неволин К.А.* Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II. СПб., 1847.
8. *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
9. *Яхонтов А.П.* Межевание, земельная регистрация и кадастр (Краткий курс лекций, читанных на землеустроительных курсах в 1924 г.). Харьков, 1925.
10. *Степанова Л.Г.* Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI и XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М. ; Уфа, 2016.
11. *Малиновский Ф.Л.* Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года. СПб., 1844.
12. *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1914.
13. *Герман И.Е.* История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649—1765). М., 1893.
14. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
15. *Степанова Л.Г.* Структурно-демографическая теория и история Северо-Запада России XVI века // Российская история. 2011. №4.
16. *Соборное уложение 1647 года* // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3.
17. *О размежевании пустошей, примежеванных к иным землям.* 6 февраля 1650 г. // ПСЗ. Т. 1. №25.
18. *О переписи в Богородицке крестьянских и бобыльских дворов и во дворах людей, и об отмежевании оногo города угодий от поместных и вотчинных земель частных владельцев.* 14 мая 1670 г. // ПСЗ. Т. 1. №470.

19. *Писцовый* наказ 1681 г. и другие источники о начале «второго валового письма в России» (1680—1688 гг.) // Археографический ежегодник за 2009—2010 годы. М., 2013.

20. *О посылке* в Московский уезд и во все города межевщиков для межевания поместных и вотчинных земель. 12 декабря 1679 г. // ПСЗ. Т. 2. № 785.

21. *О посылке* межевщиков в Московский уезд и во все города для размежевания земель. 26 марта 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 813.

22. *Дополнительные* статьи по наказу писцам. О межевании земель в Московском уезде. 25 июля 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 830.

23. *Статьи* о межевании земель в Московском уезде. 25 августа 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 832.

24. *Об освобождении* виновных в порче межей и граней от наказания кнутом и о взыскании с них пенных денег. 17 сентября 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 834.

25. *О неприеме* подозрений на писцов и межевании каждому из них своего стана. 18 сентября 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 835.

26. *О нечинении* помещикам в поместных и вотчинных делах ссор, драк, грабежа и убийства. 4 мая 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 866.

27. *О неприводе* писцов, которые будут писать и межевать земли, к присяге и о наказании их и подьячих за неправое письмо и межевание, а также и помещиков, которые на них будут жаловаться ложно. 12 августа 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 886.

28. *О розыске* писцам дел по разбою, грабежу, смертным убийствам, по завладению чужими землями, о размежевании оных земель и о взыске с виновных. 16 августа 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 888.

29. *О назначении* писцам и подьячим, посланным для письма и межевания, вместо жизненных припасов денежной платы и о даче им для переездов подвод. 17 августа 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 889.

30. *Выписка* из наказа писцам. О межевании поместных и вотчинных земель. 26 августа 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 890.

31. *О даче* межевщикам денег на продовольствие от тех помещиков, чьи земли межаются. 8 июня 1683 г. // ПСЗ. Т. 2. № 1019.

32. *О неотдаче* просителям, в Московском уезде и в прочих городах, обводных земель до Указу. 7 августа 1684 г. // ПСЗ. Т. 2. № 1086.

Хозяйственные занятия и дифференциация крестьян Поморья в конце XVI — XIX веке

На основе сопоставления данных окладных книг XVII в. и материалов XIX в., в частности подворного описания 1866 г., исследуется разнообразие хозяйственной деятельности крестьян Шуерецкой волости, выявляется сложная система их глубокой дифференциации.

Based on a comparison of the data of the 17th century tax books and materials of the 19th century, in particular the description of households in 1866, the diversity of economic activities of the peasants of the Shueretsk volost is investigated, a complex system of their deep differentiation is revealed.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, земледелие, промыслы, расслоение крестьянства.

Keywords: peasant economy, agriculture, trades, stratification of the peasantry.

Крестьянское хозяйство по природе своей не может не быть многоотраслевым. Это, очевидно, неотъемлемое его свойство, которое обеспечивало выживаемость и воспроизводство на протяжении столетий. Основу крестьянского хозяйства обычно составляет сочетание земледелия и животноводства. Даже в условиях промышленного, товарно-денежного существования во всем объеме хозяйственной деятельности крестьян землепашество редко преобладает над занятиями неземледельческими. Обследования и описания крестьянских хозяйств, произведенные во второй половине XIX — начале XX в., показали, что крестьянская семья имеет навыки и осуществляет в своем хозяйстве десятки различных производственных операций, мно-

гие из которых были направлены не только на само обеспечение семьи, поддержание домашнего хозяйства, но и на рынок. Это является спецификой не только северных или других неблагоприятных для земледелия промысловых зон, но и хозяйств Центрально-Чернозёмного района России, Украины [1—3]. В Вологодском уезде в конце XIX в. на земледелие тратилось в среднем всего 25 % рабочего времени, и лишь в самых многоземельных хозяйствах оно занимало около 40 %, а в беспосевных хозяйствах столько же времени (40 %) уходило на промыслы (земледелие в таких хозяйствах забирало только 10 % времени) [4, с. 265]. Примерно такое же соотношение доходов от земледелия и промыслов зафиксировано Ф. А. Щербиной и в черноземной Воронежской губернии [5, с. 381]. Обследования крестьянских хозяйств в 1923/24 г., например, показали, что производство зерна в большинстве районов страны в стоимости валовой сельскохозяйственной продукции крестьян составляло только 30—45 % (лишь на Северном Кавказе и Южной Украине чуть превышало 50 %) [6, с. 11—12]. Несмотря на все различия между XVI—XVII вв. и XX в. эти данные представляются нам весьма показательными. В условиях современной России во многих районах после распада колхозов и совхозов приходят в упадок и земледелие, и животноводство. На первое место выдвигаются такие ранее подсобные занятия, как собирательство (грибов и ягод), рыболовство, лесной промысел [7, с. 69—74, 124—129].

Сопоставление данных XIX—XX вв. и XVI—XVII вв. очень уязвимо для критики, однако традиционная устойчивость крестьянского строя позволяет проводить определенные аналогии. На хозяйственную деятельность крестьян в России XVI—XVII вв. утвердился несколько примитивный, одномерный взгляд. Основная причина этого положения, как нам представляется, кроется в характере источников, которыми располагают исследователи. Используются прежде всего писцовые книги и другие виды государственных описаний. Они являются часто единственным массовым источником, дающим однородную, сопоставимую, сравнительно легко обрабатываемую информацию о русской деревне.

В русском государстве в течение по крайней мере полутора веков, с конца XV до первой четверти XVII в., правительство упорно держалось поземельных в своей основе форм обложения, что можно

объяснить удобством учета объектов обложения и потребностями государства в продовольственных и кормовых запасах. «Стрелецкий» хлеб до конца XVII в. оставался основной формой государственных податей. Характер содержания источников заставляет и исследователей смотреть на русских крестьян фактически только как на земледельцев, землепользователей. Нельзя сказать, что другие стороны их хозяйственной деятельности полностью оставлены без внимания. Историки-аграрники пишут о животноводстве и промыслах, но считают их, за редким исключением, подсобными занятиями.

В одном из «хлебных центров» Поморья — в Каргополье — на рубеже XVI—XVII вв. крестьяне, жившие одной пашней, бедствовали. При среднем урожае полученных средств едва хватало на уплату податей. Расходы Соловецкого монастыря по д. Никитинской, населенной половниками в 1599/1600 г., можно представить следующим образом: 1) на семена оставлено 12 четвертей ржи (3 руб.) и 40 четвертей жита-овса (6 руб.), всего на 9 руб.; 2) на государеву дань и оброки, недоборные кабацкие деньги — 12 руб. 1,5 коп. (половину этой суммы должны платить половники); 3) в волостные размыты, в подводы и кормы государевых посланников и гонцов 3—4 руб. (монастырь пополам с половниками).

При хорошем урожае на пропитание половников и их домашние нужды оставалась половина урожая за вычетом семян: 50 четвертей ржи (12 руб. 50 коп.), 90 четвертей жита-овса (13 руб. 50 коп.), 500 куч сена (10 руб.), итого 36 руб., из которых они должны были уплачивать 8 руб. государственных и волостных сборов. Это обеспечивало им нормальную жизнь [8, с. 149]. Однако средний, а тем более низкий урожай, который был частым явлением в этом регионе, обрекал земледельцев на полуголодное существование.

Расспросы черносозных крестьян Каргопольского уезда, зафиксированные старцем Капитоном, свидетельствуют, что, по их мнению, люди, которые «одною деревеньскою пашнею промышляют, а иного никоторого у них промыслу нет, и они потому ж что и половники людям должны живут... что хлеба упашет, и то у него в дань да в оброк изойдет, а с ыных деревень и столко не сходитца хлеба, чем и дань заплатити. <...> А недород хлебу почаству живет, да и морозом побивает и одною пашнею деревеньскою без промыслу прожити не о чем» [8, с. 147].

Монастырские приказчики обеспечивали дополнительный доход в этой деревне за счет развития племенного скотоводства, которое давало возможность ежегодно продавать по нескольку голов скота [8, с. 148]. Так, в 1655 г. здесь было продано 6 быков, 7 кобыл и жеребят [9, ф. 1201, оп. 5, д. 533, л. 3]. А всего по отводной книге 1675 г. в Пертемской службе содержалось 23 коровы, 6 быков, 4 нетели, 17 телят, 2 жеребца, 2 мерина, 15 кобыл и 20 жеребчиков и кобыляк [9, ф. 1201, оп. 5, д. 610, л. 3—6].

Половники же получали дополнительные доходы за счет зимних заработков на соляных промыслах, нанимаясь варить соль, или рубить дрова, или возить заготовленные дрова из лесу к варницам, или «хто чем умеет, тот тем и промышляет» [8, с. 146]. Богато в условиях Каргопольского уезда жили только те крестьяне, которые «торгом промышляли». Зажиточными были также люди мастеровые, «рукодельные», занимавшиеся изготовлением на продажу судов — ладей, карбасов и сойм. Те же крестьяне, которые имели доход только от деревенской пашни, как и половники, все были «людем должны» [8, с. 147]. По материалам сбора 10-й деньги в 60—70-е гг. XVII в. в Каргопольском уезде в вотчинах Крестного Онежского и других монастырей около 20% крестьянских хозяйств (93 из 469) платили сборы со своих торгов и промыслов [9, ф. 1195, оп. 1, д. 1384].

Проводимые исследователями реконструкции крестьянского бюджета, учитывающие только сельскохозяйственные занятия на тяглой земле, далеки от реальной картины, хотя именно пашенные угодья служили основой государственного тягла и фиксировались в писцовых книгах. Условно-поземельное обложение лишь частично учитывало доходность крестьянских хозяйств. Более точные и всесторонние сведения о хозяйственной деятельности крестьянских дворов отражены в общинной документации, которая составлялась при раскладке податей. Окладные книги позволяют, на наш взгляд, поставить вопрос о конкретном определении соотношения различных занятий крестьян.

Общая сумма оклада тяглых хозяйств 75 крестьян-«луковиков» Кемской волости в 1650—1660-х гг. составила 2790 руб. Из них 58% приходилось на торговый доход; рыболовные суда, снасти и промысловые доходы составили 27%; скотоводство (лошади и крупный рогатый скот) — 8%; «головы»-работники — 5%, а тяглые земельные угодья — всего 2% [10, с. 186—190]. Можно констатировать,

что основную часть доходов в этой волости давала торговля. В нее были вовлечены 40% крестьянских хозяйств. Земледелие какой-то заметной роли в крестьянском хозяйстве здесь не играло.

В соседней Шуерецкой волости, расположенной на побережье Белого моря, по окладной книге 1663 г. значатся тоже 75 хозяйств. В ней учитывались и оценивались в рублях все основные показатели крестьянского хозяйства. На земельные угодья пришлось всего 6% от общей суммы оценки в 1530 руб. Наибольшую долю составили рыболовный доход (31%), суда и другое промысловое оборудование — 20%. Рыболовство и морской промысел, таким образом, в этой волости играли решающую роль, но доля их в общем окладе едва превышала 50%. Торговый доход равнялся 16%. Оценка скота составила 16%, солеваренный и другие виды промысловых доходов — 5% [11, ф. Разряд-1, оп. 2, д. 3; 12, с. 533—541]. Эти показатели дают достаточно объективную картину хозяйственной деятельности шуерецких крестьян.

Практически все жители волости занимались рыбным промыслом и охотой на морских животных. Судя по данным окладных книг XVII в. и описаниям XIX — начала XX в., основным считался мурманский промысел. Уходили промысловики весной, возвращались в августе — сентябре. Ловили главным образом треску. Основная снасть — «ярус» (до 2 и более тысяч крючков). После возвращения «мурманцы» приступали вскоре к промыслу морского зверя («сальный промысел»). С конца августа до декабря они ловили нерпу, зайца и других морских млекопитающих на тонях, в основном возле Гридино и Кандалакши, входивших в Шуерецкую волость, хотя и удаленных от самой Шуи более чем на 100 км. Главными орудиями лова были сети и ружья («пищали»). Кроме осеннего времени морского зверя промышляли весной и летом во льдах.

Основным объектом местного морского промысла была навага. Ее ловили от ледостава до января, но особенно обильными были уловы в ноябре — начале декабря. Лов этот был подледным («заледный»). В начале XX в. считалось, что каждый промысловик должен иметь не менее 5 мерей и лошадь. Иногда в Шуйском заливе бывала сельдь (но не каждый год). В реке Шуде в августе — октябре ловили семгу и сига [13, с. 32—33; 14, с. 14—19; 15, с. 13—15; 16, с. 126—129].

Кроме судов при обложении учитывались неводы, сети, перемёты и другие промысловые снасти, включая пищали (оценивались в

50 коп.) [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 76, л. 4]. На все промысловые орудия, как правило, начислялась «добыча». У Стефана Москвы, например, на невод «тонской» (25 коп.) записано «тонской» добычи 1 руб. 65 коп. [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 76, л. 3]. Вдова Трофимовская на «мурманское» (8 руб.) имела 5 руб. 50 коп. добычи [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 76, л. 2]. Промысел велся обычно сообща, небольшими группами, состоявшими из 4—6 человек, которые позже в России, и в частности на Севере, стали называть артелями. Добычу при этом делили учитывая не только количество работников — членов артели, но и выставленные каждым снасти. Невод, карбас или другая снасть представляли собой отдельный пай. В соответствии с количеством паев и делилась вся добыча. Поэтому один человек мог получить несколько паев, если вклад его в артель включал помимо рабочих рук снасти и другое промысловое оборудование. Единицей измерения пая в начале XX в. (очевидно, и раньше) считался «целковый» (серебряная монета достоинством в 1 рубль) [11, ф. 1, оп. 33, д. 440, л. 25; 13, с. 32—36, 51]. В окладных книгах XVII в. паи названы «участками». Один участок «мурманского заводу» или «заледного» промысла оценивался в 16 алт. 4 ден. (50 коп.). Даже за проданный участок вдова Денисовская была обложена в 50 коп. [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 79, л. 1, 7; д. 132, л. 20]. Добыча, получаемая на один участок, колебалась от 50 коп. (у вдовы Ильинской) до 3 руб. (у Ильи Васильева и Фефила Бородина) [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 79, л. 2, 18—19], что зависело, очевидно, от удачливости артели.

Солеваренный промысел, которым занимались местные крестьяне, окладывался раздельно по оборудованию и по количеству вываренной соли. Црен, обычно долями принадлежавший нескольким крестьянам, составлял 15—22 руб. окладной суммы [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, л. 4—5, 7—8; д. 76, л. 2—3, 6, 10]. Это число, на наш взгляд, было ниже рыночной цены промысла. Так, в 1682/83 гг. $\frac{1}{8}$ часть црена в Сумском посаде была продана за 3 руб. 50 коп., следовательно, весь црен оценивался в 28 руб. [9, ф. 1201, оп. 1, д. 285, л. 77]. Доход («солевыварка»), полученный от одного црена, в окладной книге оценивался примерно в 2 раза выше стоимости црена (в 24—46 руб.) [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, л. 4—5, 7—8; д. 76, 2—3, 6, 10].

Окладу подлежали доходы и от полеводства, при всей рискованности этого занятия в Поморье. Оклад произведенного в крестьянском хозяйстве зерна колебался от 50 коп. до 3 руб., при этом часто

подчеркивалось, что хлеб «родился в лесе» [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 132, л. 46—48; д. 76, л. 7], то есть не на основных домашних полях, продукция которых включалась, очевидно, в оклад луков (2 руб./лук). По местным ценам 70—80-х гг. XVII в. четверть ржи стоила от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, л. 6; 17, Отдел рукописных, печатных и графических фондов, рук. 1238, л. 243—244], а в 1662 г. цена четверти достигала 2 руб. 40 коп. (в связи с выпуском медных денег) [18, кол. 2, д. 152, л. 939]. Оклад, так же как и в других случаях, скорее всего, был ниже рыночной стоимости зерна. Поэтому приход зерна вряд ли превышал 3—4 четверти (24—32 пуда).

При обложении учитывались все занятия крестьян, приносящие им доход. Часто встречаются указания на извоз, кузнечный промысел, пастьбу скота и просто «найм». Обычный оклад таких работ равнялся 50 коп. — 1 руб. [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, л. 8—9; д. 76, л. 7; д. 132, л. 31—32, 35, 45—46]. Эти цифры заметно ниже среднего годового найма, что можно объяснить спорадичностью, подсобной ролью этих занятий, но с большой вероятностью и в этом случае оклад обозначал не всю сумму денег, полученную за выполнение тех или иных работ, а какую-то условную прибыльность различных промысловых занятий.

Около 20% шуерецких крестьян (в 1663 г. 17 из 75 хозяйств) занимались торговлей, которая окладывалась так же, как имущество и промысловая добыча. «Мурманский торг» Фефила Михайлова в 1663 г. определен был в 50 руб. Есть несколько записей о рыбном торге. У Емельяна Антонова, например, записано рыбы семги «в торгу» на 25 руб. Всего торговые деньги в 1663 г. составили более 250 руб., или около 16% всей окладной суммы волости.

Все 75 хозяйств по величине окладных сумм можно разделить на 6 групп. К первой группе мы отнесли всего одно хозяйство — крупного торговца и предпринимателя Фефила Михайлова (выходца «из Корелы»). Его хозяйство оценено было в 147 руб., около 50% которых составляли транспортные и промысловые суда (ладья, три мурманских и одно весновское, итого пять морских судов), 34% — торговая прибыль и лишь 2,4% — промысловая добыча [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, л. 1].

Вторая группа — крупные промыслово-торговые хозяйства (5 хозяйств). Весь их оклад в среднем равнялся 87 руб. Самая крупная

доля оклада у этих хозяйств — промысловый доход (41 %), полученный ими за лабды, сойму и мурманские суда. Доход от средств производства (суда, црены) составлял 34 %, торговая прибыль — 14 %.

Третья группа (17 хозяйств) — зажиточные промысловые хозяйства со средним окладом в 32 руб. Средства производства составляли 36 % оклада, промысловый доход — 30 % (треть его за счет солеварения) и 22 % — торговая прибыль.

Четвертая группа (14 хозяйств) — мелкие промысловые хозяйства (15-рублевый оклад). Они вели самостоятельный рыбный промысел, но собственными судами обеспечена была лишь половина хозяйств. Добыча промысловая составляла главную статью их оклада — 43 % (или около 80 % всех доходов), а торговая прибыль — 12 %.

В пятую группу (27 хозяйств) входило более трети всех хозяйств волости. Это были бедные промысловые хозяйства со средним окладом 8 руб. Некоторые из них не имели возможности вести самостоятельный промысел и нанимались «покрутчиками», то есть работниками на хозяйском содержании из доли добычи (при расчетах учитывались расходы хозяина на снаряжение) [11, ф. 1, оп. 33, д. 440, л. 66]. Средства производства составляли здесь 36 % оклада, промысловый доход — 33 %, покрут — 4 % и торговая прибыль — 2,5 %.

Шестая группа (11 хозяйств) — беднейшие крестьянские хозяйства, оклад которых равен был 3 руб. Они почти не занимались основными морскими и рыболовными промыслами, не имели доходов и от «покрута», почти не работали по найму. Вели, по-видимому, замкнутое натуральное хозяйство. Косвенным подтверждением этого является хорошая обеспеченность этих хозяйств земельными угодьями (0,52 лука на хозяйство), сопоставимая с земельной обеспеченностью хозяйств четвертой группы. Кроме того, на одного работника в хозяйствах этой группы приходилось 0,58 лука (в двух вдвое их хозяйствах «голов» не было совсем) — больше, чем во всех других, за исключением хозяйства самого богатого человека волости Фефила Михайлова.

Размеры тяглых земельных владений крестьян разных групп не имели жесткой зависимости от их состоятельности. Среди самых богатых крестьян двух первых групп мы видим держателей 0,5—1,75 лука, в третьей группе — от 0,5 до 2,25 лука, в двух следующих — от 0,125 до 1 лука, в беднейшей последней — от 0,25 до 0,75 лука. Причем и в четвертой, и в пятой, и в шестой группах отмечены хо-

зяйства, лишенные тяглых земель. Подсчеты показывают, что на один лук в разных группах крестьян приходилось разное количество окладного имущества и доходов: от 80 руб. (в первой и второй) до 21 руб. (в пятой) и 7 руб. (в шестой), что доказывает отсутствие тесной взаимосвязи между размером земельных угодий и зажиточностью крестьянского хозяйства.

По данным земской статистики, в 1866 г. в этом же Шуерецком селении было 155 хозяйств, то есть в два раза больше, чем за двести лет до этого. Если использовать итоговые данные источника, то средняя населенность двора составляла 4,4 человека (1,9 мужского пола и 2,5 женского). Причем работников на один двор приходилось чуть более одного человека (1,1). Пахотных земель в этом селении не зафиксировано, а сенокосов «общественных» и «разчищенных» приходилось соответственно 4,9 воза и 0,4 воза на двор, то есть всего 5,3 воза на двор. В среднем на каждое хозяйство приходилось по 0,4 лошади, 1,3 головы крупного рогатого скота и 2 овцы. У крестьян отмечены еще единичные случаи содержания оленей (три) и всего одной свиньи. По данным окладной книги Шуерецкой волости 1663 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 1,4 работника («головы»), 1 лошадь и 1,7 коровы. Эти данные заметно превышают показатели 1866 г., особенно по численности лошадей (в 2,5 раза!). Если в XVII в. в волости числилось 73,5 головы (жеребята считались за полголовы) [11, ф. Р-1, оп. 2, д. 24], то в XIX в. при двойном увеличении количества хозяйств общее число лошадей уменьшилось до 65 голов.

Во всех хозяйствах, за единственным исключением (о промысловом доходе хозяйства Якова Ананьина имеется пометка — «не занимается ничем» [19, ф. 6, оп. 8, д. 490, л. 8], занимались разными промыслами и ремеслами 205 человек. Совокупный доход их оценивался в 15 722 руб., то есть около 100 руб. на одно хозяйство. Основным оставался, судя по всему, рыболовный промысел (63%). Рыбный промысел значился только в 9 хозяйствах, в большинстве же случаев в источнике было записано просто: занимался «промыслом». При подсчете эти два вида записей объединены. Судоходство давало 35% всей суммы, а занятие другими ремеслами и работами — 2%. Обычно в документах использовались обобщенные формулировки (разными работами или трудами, или рукоделием), но иногда записи конкретизируют промысел: «чеботный», «каменщик», «вяска сетей», «работа посуды», «сенокос».

Важнейшим показателем состоятельности крестьянского хозяйства обычно считается наличие и количество лошадей. В Поморье, на побережье этот показатель теряет свою универсальность. Среди шуерчан всего треть хозяйств держала лошадей, причем только в 5 из них, далеко не самых богатых, было по 2 лошади. Более важное значение для приморских жителей имело наличие морских и речных судов. Большими морскими судами владели 32 хозяйства (42 судна), то есть 20% от общего их числа. Малые морские суда имелись также у 32 хозяйств (71 судно), причем оба вида — только в 27 хозяйствах. Большие речные суда зафиксированы в 30 хозяйствах (39 судов), тогда как малые речные — в 85 хозяйствах (108 судов), что составляло 55%. Все четыре вида судов зафиксированы во владении всего 21 хозяйства (13% от общего их числа), на долю которых приходилось 71% всех крупных и 80% всех малых морских судов, а также 72% всех больших речных судов! И только доля малых речных судов, принадлежавших им, составляла 29% от общего их числа среди всех крестьянских хозяйств. Неудивительно, что обладание основными средствами производства, каковыми являлись различные суда, прежде всего морские, позволяло владельцам за счет их получать основную часть промысловых доходов.

Земля в данном селении была представлена сенокосными угодьями, охватывавшими 85% дворов. Безземельными были почти исключительно беднейшие, разоренные хозяйства (24 двора). С «общественных» сенокосов получали от 2 (8 дворов) до 20 возов (единственный двор, где не зафиксировано никаких промысловых доходов, но имелись 2 лошади, 2 коровы и 6 овец). В дополнение к «общественным» сенокосам некоторые крестьяне (29 дворов, то есть 19%) имели небольшие собственные росчисти, обычно в 1—3 воза. Самыми крупными сенокосами, оцененными в 10 возов, владело небогатое хозяйство, за которым числилось всего 3 воза «общественных». Расширение сенокосных угодий потребовалось хозяину для обеспечения кормом 1 лошади, 2 коров и 2 овец.

По размерам доходов, указанным в описании (нам, к сожалению, неизвестна методика их подсчета), можно выделить 7 групп хозяйств (табл.): первая включает 2 самых богатых хозяйства, доходы которых обозначены в 1000 руб.; вторая — 5 хозяйств с доходами 400—500 руб.; третья — 17 хозяйств с доходами 200—300 руб.; четвертая — 32 хозяйства с доходами от 100 до 200 руб.; пятая — 41 хозяйство с

доходами от 50 до 99 руб.; шестая — 33 хозяйства с доходами от 20 до 49 руб.; седьмая — 24 беднейших хозяйства с промысловыми доходами от 0 до 19 руб.

**Характеристика основных групп крестьян
Шуерецкого сельского общества Кемского уезда в 1866 г.
[19, ф. 6, оп. 8, д. 490, л. 1—40]**

Группа	Дворы	Работники	Население		Домашний скот			Суда				Общий доход, руб.
			Муж.	Жен.	Лошади	КРС	Овцы	Морские		Речные		
								Большие	Малые	Большие	Малые	
1	2	6	9	10	2	4	6	6	10	3	3	2000
2	5	7	11	21	3	8	14	6	13	7	8	2200
3	17	27	48	61	14	27	45	19	27	13	24	3900
4	33	66	102	96	23	60	98	10	19	14	33	3810
5	41	46	72	87	14	40	67	1	2	2	23	2550
6	33	20	47	63	5	34	18	—	—	—	15	1090
7	24	1	9	41	2	7	9	—	—	—	2	172
<i>Всего</i>	155	173	298	379	63	180	257	42	71	39	108	15722

Первая группа — это хозяйства Клементия Галанина и Дмитрия Труфанова, которые характеризуются максимальным размером промысловых доходов (по 1000 руб.), получаемых за счет «судоходства». Каждое из этих двух хозяйств имело, можно сказать, настоящую флотилию — по 3 больших и 5 малых морских судов. Кроме того, им принадлежало 3 больших и 3 малых речных судна (в среднем по 1,5 единицы каждого вида на хозяйство). Еще одной отличительной особенностью этой группы следует назвать размеры семьи — населенность их дворов составляла почти 10 человек (4,5 человека мужского пола и 5 — женского), а число работников — 3 человека. Высоким можно назвать и обеспечение сенокосами — по 13 возов (при средней норме около 5 возов). В каждом из этих дворов, кроме одного жилого строения, записано по 3 нежилых, что встречается довольно редко. Другие параметры не превышали средних показателей. В этих хозяйствах числилось по 1 лошади, по 2 головы крупного рогатого скота и по 3 овцы.

Ко второй группе отнесены 5 крупных промыслово-торговых хозяйств, имевших в среднем размер промысловых доходов в 440 руб.

Занимались они судоходством и рыболовством. Численность семей здесь превышала 6 чел. (мужчин 2,2 чел. и женщин 4,2 чел.), работников приходилось на двор 1,4 чел. Все хозяйства этой группы имели морские и речные суда. В среднем на хозяйство приходилось 1,2 больших морских судов, 2,6 малых морских судов, 1,4 больших речных судов и 1,6 малых речных. Выше среднего была обеспеченность скотом: 0,6 лошади, 1,8 крупного рогатого скота и 2,8 овец.

Третью группу (17 хозяйств) можно отнести к зажиточным промысловым. Их судоходные и рыболовные промысловые доходы составляли в среднем 229 руб. На каждое хозяйство приходилось по одному большому морскому (1,1) и большому речному (0,8) судну, а также по полтора малых морских (1,6) и речных (1,4) судов. Для них характерны полные семьи — более 6 человек (мужчин 2,8 чел., женщин 3,6 чел.) и довольно большое число работников (1,6 чел.).

Четвертая группа (33 хозяйства) — мелкие промысловые хозяйства с доходом в среднем 115 руб., преимущественно рыболовным. Для этих хозяйств не характерно наличие крупных судов (морских на двор — 0,3, а речных — 0,4), зато все имеют по 1 малому речному и по 0,6 малого морского судна. Семьи достигали 6 чел. (мужчин 3,1 чел., женщин 2,9 чел.), причем работников было больше, чем во всех других группах, за исключением первой, самой богатой — 2 чел. Крестьяне этой группы имели также самые большие, после первой группы, сенокосы — 8,2 возов «общественных» и 0,6 воза росчистей в среднем на хозяйство.

Самая многочисленная пятая группа (41 хозяйство) может быть охарактеризована как бедные промысловые хозяйства, занимавшиеся рыбным и морским промыслом и имевшие доход в среднем 62 руб. У них практически не было своих морских судов (больших — 0,02, а малых — 0,05) и больших речных (0,05). Обеспеченность малыми речными судами не превышала 0,6 судна на один двор. Семьи у них были малыми — около 4 чел. (мужчин 1,8 чел., женщин 2,1 чел.), а работник только один (1,1 чел.).

Шестая группа (33 хозяйства) может быть обозначена как беднейшие крестьянские хозяйства, которые полностью были лишены всяких морских судов и крупных речных, а мелкие речные имелись лишь у половины крестьян (0,5 на двор). Плохо обеспечены они были домашним скотом: 0,1 лошади, 0,3 коровы и 0,4 голов овец на одно хозяйство. При усеченной семье около трех человек (мужчин

0,4 и женщин 1,7) в этих хозяйствах практически не было работников (0,04). Промысловый доход составлял в среднем 33 руб., в большинстве случаев он обозначен просто «промыслом» (21 случай), а также «рыбным» и «на море», «разных» работ и трудов, «чеботным», «сенокос» и др.

Последняя, седьмая группа (24 хозяйства) представляет собой уже разорившуюся, обнищавшую часть шуерецких крестьян. Она включает хозяйства, средний размер промысловых доходов которых составлял всего 7 руб. в год, что в 14 раз меньше среднего по селению и в 140 раз меньше доходов самых богатых хозяйств. Их бедственное положение, очевидно, связано с гибелью взрослых мужчин, с разрушением семей, состоявших в среднем всего из 2 человек (причем доля мужчин 0,4 чел., а женщин — 1,7 чел.) и с полным отсутствием работников (лишь в одном из дворов зафиксирован один работник). Во главе 20 хозяйств этой группы записаны женщины: 12 вдов и 8 девушек-«девок», очевидно потерявших родителей. На всю группу значатся только 2 лошади (0,1 голов на двор), 7 голов крупного рогатого скота (0,3) и 9 овец (0,4). У этих крестьян не было ни одного морского судна, отмечены только два малых речных (в среднем 0,1 на двор).

Естественно, что в каждом регионе, даже в отдельных поселениях в зависимости от местных природных условий, традиций населения и других факторов складывалось особое соотношение земледельческих и промысловых занятий крестьян, однако вряд ли где-либо одна из отраслей хозяйства могла значительно превысить 50-процентный рубеж. Крестьянское хозяйство не может длительно существовать в «моноотраслевом» состоянии. Оно стремится использовать все доступные источники доходов.

Окладные книги XVII в. и земские описания XIX в. показывают сложную картину стратификации крестьянства. Если по размерам земельных владений различия между малоземельными и самыми обеспеченными укладывалось обычно в соотношение 1:10, максимум 1:15 (не считая безземельных), то по доходам и имуществу богатые превосходили бедных в 100 и более раз. Сопоставление данных по Шуерецкой волости позволяет говорить о массовом обеднении и разорении во второй половине XIX в. значительной части крестьян (свыше трети хозяйств), которое заметно превосходит масштабы бедности XVII в.

Список источников и литературы

1. *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
2. *Пешихонов А. В.* Статистическое описание Калужской губернии. Калуга, 1898.
3. *Бюджеты* крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.
4. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.
5. *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.
6. *Митошенко Л.* Основные элементы крестьянского бюджета 1923/24 г. // Бюллетень ЦСУ СССР. 1926. № 115.
7. *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М., 2006.
8. *Вотчинная* дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дооктябрьский период). Вологда, 1985.
9. *Российский* государственный архив древних актов.
10. *Копанев А. И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI — первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1966.
11. *Научный* архив Карельского научного центра РАН.
12. *Иванов В. И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.
13. *Ульрих Ф.* Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877.
14. *Якобсон Р. П.* Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между с. Кемью и Онегой и Онежского закола в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 5.
15. *Жилинский А. А.* Морские рыбные промыслы Белого моря и Ледовитого океана. М., 1933.
16. *Никольский В. В.* Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки-Кандалакша). М., 1927.
17. *Государственный* историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».
18. *Научный* архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.
19. *Государственный* архив Архангельской области.

**Юго-восточные регионы Русского Поморья
в системе всероссийского рынка в XVII—XVIII веках
(по материалам Вычегодского и Вятского краев)**

Проанализированы социальные, демографические, экономические факторы развития товарно-денежных отношений на территории Вычегодского и Вятского краев Северной России (Русского Поморья) в XVII—XVIII вв. Особое внимание уделено формированию рыночных связей в крестьянской среде: в уездах и волостях, на местных ярмарках и торжках, а также на крупных городских рынках Хлынова, Устюга Великого, Архангельска.

The article analyzes social, demographic, economic factors of the development of commodity-money relations in the territory of the Vycheгда and Vyatka regions of Northern Russia (Russian Pomorye) in the 17th—18th centuries. The formation of market relations in the peasant environment: in counties and volosts, at local fairs and markets, as well as in the large city markets of Khlъnov, Ustyug the Great, and Arkhangelsk is of particular interest and attention.

Ключевые слова: крестьянство, сельскохозяйственное производство, промыслы, водные пути, города, торговля, ярмарки, Вычегода, Вятка.

Keywords: peasantry, agricultural production, crafts, waterways, towns, trade, trade fairs, Vycheгда, Vyatka.

Вычегодская и Вятская земли еще в период укрепления централизованного Русского государства в XVI—XVII вв. и роста товарно-денежных отношений стали играть важную роль в развитии судоходного транзита в юго-восточной части Европейского Севера страны. Река Вычегода и ее притоки Сысола, Северная Кельтма, Вишера, Вымь связывали города Яренск, Устюг Великий, Сольвычегодск.

Вятская территория с ее развитой речной сетью имела рыночные связи, опиравшиеся на социальную дифференциацию труда и географическую особенность Русского Поморья с его путями, которые открывали доступ к бассейну Северной Двины и по нему к Архангельску с его международным торгом, а также через реки Ижму и Ухту к реке Печора. Ее же восточные притоки выводили в великую сибирскую реку Обь [3, с. 171—175].

Территории нижней Вычегды были по преимуществу крестьянскими. По данным П.А. Колесникова, в Сольвычегодском уезде в 20—40-х гг. XVII в. 13% земель приходилось на монастырских и церковных и 6% — на частновладельческих крестьян. К началу XVIII в. доля крестьян в монастырских владениях увеличилась: первая общегосударственная ревизия в 1720-х гг. в Устюжской провинции, в которую тогда входили уезды Устюжский, Сольвычегодский и Яренский, зафиксировала 75 тыс. черносошных и 6216 душ м.п. монастырских и церковных крестьян [6, с. 15—27]. Нужно при этом заметить, что, например, Яренский уезд граничил с южными вятскими уездами (Хлыновским, Слободским, Котельническим) и северо-восточными уездами Поморья (Кеврольским, Мезенским и Пустозерским). На рубеже XVII—XVIII вв. из нижневыхегодских волостей наибольшей людностью отличались Подгородная (2 тыс. чел.), Шежамская (1,9 тыс. чел.), Оквадская (3,3 тыс. чел.), Шеномская (7 тыс. чел.). Имелись и менее населенные волости — Цыблибская (0,4 тыс. чел.), Пысская (0,38 тыс. чел.), Наволоцкая (0,39 тыс. чел.), Туглимская (0,3 тыс. чел.). Выгодное географическое расположение этих территорий среди разветвленной речной сети обеспечивало населению транспортный доступ по Северной Двине к северным и северо-западным районам Поморья и по р. Вятке к южным регионам. Этот элемент инфраструктуры рынка был отмечен еще историками XIX—XX вв. А.А. Спицыным [9, с. 1—15] и Б.Б. Кафенгаузом [5, с. 58—108]. Названные территории характеризовались довольно трудными условиями для ведения земледельческого хозяйства и, наоборот, неплохими для развития животноводства и промысловой деятельности, чем в совокупности был обусловлен интенсивно шедший процесс хозяйственного освоения территории и внутренней миграции. Так, если в 1620-е гг. в Яренском уезде имелось 489 деревень, 82 починка и 48 погостов, то в 1670-е гг. их число увеличилось до 582 деревень и 53 погостов при сокращении количества починков и займищ до 29 поселений. К концу XVIII в. число селений возросло

еще почти на 100. Наблюдался также рост дворности деревень. За период с XVI до XVIII в. отмечено четырехкратное возрастание количества дворов на одно поселение [6, с. 79, 97, 110, 387—413]. При этом увеличивалась площадь введенных в оборот сельскохозяйственных угодий. Размеры пашни паханой, составлявшие в Яренском уезде в первой половине XVII в. 5194,5 дес., к началу XVIII столетия выросли на треть. Такой же рост отмечен и для сенокосов.

Источники зафиксировали тесную связь населения Вычегодского края с районами Поморья, прежде всего с Вологодским и Устюжским уездами, в течение всего года. Ярмарка в Туглиме — погосте Яренского уезда — была местом сбыта продуктов, производимых сельскими жителями ближайших деревень, займищ и починков. На этом торге преобладали продукты животноводства, закупавшиеся торговыми людьми из Устюга Великого, Вологды, Тотьмы. В товарном ассортименте ведущая роль принадлежала коровьему маслу, реже вывозились мясо и говяжье сало. Среди других животноводческих продуктов чаще всего в источниках упоминаются овчины и сырые кожи. Наряду с этими товарами много продавалось на Туглимской ярмарке изделий крестьянской домашней промышленности (сукна и сермяжные холсты, холщовые рубахи, кафтаны и зипуны сермяжные, шубы, рукавицы вязанные), рыболовный инвентарь (сети, крючки и др.). В Устюг, Вологду и вятские города Хлынов, Слободской, Котельнич Туглимская ярмарка поставляла также икру, рыбу, медвежье сало. Жители Яренского уезда продавали на рынке скупщикам из поморских городов собольи и медвежьи меха, доставленные из Сибири. Активная торговля связывала Туглимскую ярмарку также с Камским и Верхневолжским регионами.

С конца XVII в. интенсивность торгового участия жителей Вычегодского края заметно возросла. Они стали постоянными участниками устюжского и вятского рынков. Речь теперь шла не об отдельных торговцах, а о больших купеческих артелях. В 1670-е гг. устюжский торг приобрел значение крупного пункта по сбыту хмеля. Крестьяне и посадские люди Яренского уезда артелями от 10 до 40 человек скупали в Устюге хмель для последующей распродажи в Устюге Великом.

Важную роль в функционировании рыночных контактов играли внутренние таможи и таможенные караулы. Их документация представляет собой ценнейший источник по истории торговли. Уездные

торжки привлекали внимание городских купцов и крестьян-скупщиков. После упразднения внутренних таможен в 1753 г. в местах торговли появились «шалаш», находившиеся в руках торговцев-перекупщиков.

Девятнадцатого декабря 1760 г. Сенат разослал в губернии и провинции указ о присылке сведений «к сочинению географического описания». Их надлежало собирать по определенной программе и направлять в Шляхетский кадетский корпус. Поступавшие в период 1760—1763 гг. сведения касались описания рек и речных судоходных путей, сроков торговли на ярмарках в городах, на уездных и волостных торжках, которые возникли и существовали с середины XVII — первой половины XVIII в. Так, во многих анкетах, касавшихся Вычегодского и Вятского краев, отмечалось, что хлеб на продажу поступает в города главным образом в зимнее время «когда бывает крестьянству скудость и недостаток в платже государственных податей и то в самом малом числе — осьмина, по 2 и по 3 четверти». Летнюю же торговлю чрезвычайно стесняло отсутствие хороших дорог и трактов, а транспортировка грузов через обширные болотистые лесные места была часто невозможной, так же как и движение водой по мелким рекам из-за частых мелей. Даже на реках Вятке, Вычегде и их притоках из-за летней засухи возникали проблемы с транспортировкой грузов. Кроме того, негативно сказывалось, особенно в летнее время, засорение дорог при бесконтрольной вырубке леса местными крестьянами. На это обратила внимание Коллегия экономии. Указом от 24 июля 1768 г. экономическим казначеям было предписано наказывать тех крестьян, «которые ради трех мочальников ценою копеек на шесть, например, губят величайшее липовое дерево, и оное, повая и подавя молодого лесу, да ободрав кору, потом гнить бросают» (7, оп. 1, д. 1371, л. 102—103).

Большое значение в поставках сельскохозяйственной продукции в северные районы Поморья, и в первую очередь на Архангельский рынок, с территории Вычегды и Вятки имела Ношульская пристань. Путь протяженностью 131 верста шел от Хлынова через с. Лекомское и д. Березовку. На пристани находился главный склад товаров, отправляемых к Архангельску и за границу [4]. Важность этого тракта заключалась в том, что «от более или менее хорошего состояния его зависел упадок и возвышение торговли купцов» [8, ф. Военно-ученый архив, д. 186—187, ч. I—II]. Болота и разливы рек делали тракт почти непроходимым летом, зато зимой сотни караванов с товарами тянулись на север через утопавшие в снегах леса.

Сохранившиеся книги пропуска хлебных и иных припасов через Летский таможенный караул до Ношульской пристани (только за 1741 г. имеется 38 тетрадей) позволяют выявить масштабы такого товарооборота. Так, в 1746 г. по этому транспортному пути в зимнее время проследовали 1295 обозов, нанятых купцами-хлеботорговцами. При этом было использовано 7670 груженных саней, плата нанятым крестьянам-извозчикам составила 3463 руб. 89 коп. В 1747 г. было зарегистрировано 1384 транспорта (8500 подвод и саней) с платой крестьянам-извозчикам в 3377 руб. 93 коп., а за 1749 г. — 1898 транспортов (11259 подвод и саней) с платой возчикам 5078 руб. [7, с. 23]. Помимо этого направления через Яренск шли грузы, отправлявшиеся из поморских уездов на Урал в Верхотурье. Вычегодский регион, принимая большие партии сибирской пушнины, приобрел значение транзитного, так как значительная часть сибирских товаров поступала из Мангазеи. Пушные рынки Туглима, Яренска, Ижемской слободки, Устюга Великого, Сольвычегодска обеспечивали меховой товарооборот на Европейском Севере и в центре России. В вывозе товаров участвовали крестьяне из более чем 50 вятских и вычегодских волостей. Наибольшую активность проявляли вятские крестьяне Великоорецкого стана, находившегося недалеко от Ношульского тракта. Так, в январе 1746 г. местные жители отправили к Ношульской пристани 318 караванов с грузом из 480 зарегистрированных на Летском таможенном карауле. За весь 1746 г. на долю великорецких наемных крестьян-извозчиков пришлось 946 транспортных операций из 1295. Вывоз грузов, закупленных купцами, осуществлялся исключительно силами крестьян. По нашим данным, участие горожан при транспортировке товаров отмечено только в 12 случаях [7, оп. 1, д. 1373, л. 34].

На Нижней Вычегде и в вятских станах и волостях были развиты выделка кож и их поставка на рынки Поморья. В 1766 г., например, в Хлыновском и Слободском уездах имелось более 100 крестьянских кожевенных заведений. По своему экономическому типу в это число входили предприятия двух видов — ремесленные мастерские и кожевенные «избы», производившие изделия на продажу. В первых обрабатывалась кожа, принятая на заказ «от посторонних людей». Во вторых заведениях владельцы подвергали выделке сырые кожи, покупая их на рынке. Выдубленная кожа шла «на шитье крестьянских рукавиц и на обувь». Большая часть кожевенных «изб» находилась в Чистянских станах Слободского уезда Вятки [10, с. 45—62] и в Яренском и Сольвычегодском уездах.

В хозяйственной деятельности населения Нижней Вычегды важное место занимала охота. Край отличался обилием густых лесов и болот, что затрудняло ведение земледельческого хозяйства, зато имелись богатые возможности для пушного промысла: в лесах водились белки, куницы, волки, медведи. Охотники-крестьяне поставляли пушнину на местный Ильинский рынок, а также в Сольвычегодск, Хлынов, Устюг Великий и Архангельск [2, с. 343—345]. Так же, как и на Вятке, местные крестьяне занимались выделкой кожи и поставками ее на поморские рынки. Этому способствовало наличие развитого животноводства. Почти каждый крестьянский двор держал крупный рогатый скот — коров, быков. Хотя овцеводство и свиноводство были развиты слабо, тем не менее на местных рынках, как это видно на примере Ильинского торгового вилегодской волости Сольвычегодского уезда, нередко были продажи овчин, бараньих и свиных туш [7, № 210, 216, 217, 265, 275, 285, 446, 15053].

Итак, все вышеизложенное позволяет выявить разнообразный спектр факторов, из которых складывалась инфраструктура товарных отношений в Вычегодском и Вятском регионах, стимулировавшая процесс первоначального накопления капитала на территории Европейского Севера и формирования всероссийского рынка.

Список источников и литературы

1. *Воскобойникова Н. П.* К истории поселений Яренского уезда в конце XVI — начале XVIII века // Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 3.
2. *Заболотская К. А.* Рынок Ильинского погоста Вилегодской волости Сольвычегодского уезда // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 10.
3. *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVII — начале XIX в. М., 1984.
4. *Камкин А. В.* Этносоциальный и пространственный образ Вычегодского края в XVII—XVIII веках // Крестьянство Вычегодского края в XVII—XX веках. Яренск, 1999.
5. *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. (По материалам внутренних таможен). М., 1958.
6. *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976.
7. *Российский государственный архив древних актов.*
8. *Российский государственный военно-исторический архив.*
9. *Спицын А. А.* Земля и люди на Вятке в XVII веке. Вятка, 1887.
10. *Эммаусский А. В.* Исторический очерк Вятского края. Киров, 1956.

К изучению хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря в начале XVII века

На основе комплекса хозяйственных книг 1603—1607 гг. рассмотрены приход и расход хлеба в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря, источники формирования хлебного бюджета и направления использования. Показано соотношение разных зерновых культур, объем земледельческого производства монастыря и крестьянского хлебного оброка.

On the basis of the complex of household books 1603—1607, the parish and consumption of bread in the fial of the Spaso-Prilutsky monastery, the sources of its formation and direction of use are considered. The ratio of different grain crops, the volume of agricultural production of the monastery and the peasant bread court is shown.

Ключевые слова: монастырь, земледелие, приход и расход хлеба, крестьянский оброк.

Keywords: monastery, agriculture, parish and consumption of bread, peasant rite.

В Пискаревском собрании Отдела рукописей Российской государственной библиотеки хранится несколько хозяйственных книг Спасо-Прилуцкого монастыря 1602/03—1606/07 гг. И хотя документация его обширного архива давно и плодотворно разрабатывается в исторической литературе (монографии Л. С. Прокофьевой [1], Е. Н. Баклановой [2], М. М. Дадькиной [3]), данные источники, насколько нам известно, еще не привлекли внимание специалистов. Вместе с тем необходимо отметить, что именно на страницах сборника «Северо-Запад в аграрной истории России» за последние годы были опубликованы весьма содержательные многоплановые статьи В. И. Иванова по социально-экономической истории вологодского Спасо-

Прилуцкого монастыря в XVI—XVII вв. [4, с. 21—40; 5, с. 5—23]. В некоторой степени они стали для нас побудительным импульсом для написания предложенной статьи. Полагаем, что размещение ее в очередном выпуске данного сборника усилит преемственность, продолжающийся характер его проблематики.

Однако в начале следует пояснить название. Возможность использования термина «бюджет» активно обсуждается в современной историографии феодальной России. Наиболее полная сводка мнений приведена в недавней статье Н.В. Башнина [6, с. 114—126]. Чаще всего это слово употребляется авторами при изучении приходо-расходных денежных книг московских приказов (в рамках «государственного бюджета России») [7, с. 3—26], Патриаршего дома [8, с. 135], некоторых архиерейских кафедр [9, с. 30—39] и севернорусских монастырей [10]. При этом, сознавая определенную натяжку и условность понятия бюджета применительно к XVII в., кто-то использует кавычки (Н.В. Башнин, И.А. Устинова), а кто-то нет (Д.В. Лисейцев, В.И. Иванов). Е.Н. Швейковская относит финансово-налоговую систему России не только XVII, но и XVIII в. к добюджетному периоду, поэтому считает более правомерным термины «роспись / смета / сметный список доходов и расходов» [11, с. 200—201].

Еще сложнее обстоит дело с термином *хлебный бюджет* применительно к приходу и расходу хлеба в монастырских вотчинах, отраженному в хлебных приходо-расходных и других хозяйственных книгах житничных старцев. Ранее всего кавычки нам удалось заметить в масштабной статье Л.С. Прокофьевой, изучившей хлебный бюджет крестьянского хозяйства по комплексу вытных книг (семенных и хлебных оброчников) Кирилло-Белозерского монастыря середины XVI в. [12, с. 98—113]. Не вдаваясь в само содержание термина, исследовательница раскрыла структуру прихода и расхода хлеба (ржи, пшеницы, овса, ячменя) у крестьян разного благосостояния (зажиточных, средних и бедных), ориентировочный уровень потребления семьи из 6 чел., рентных выплат духовному собственнику и государственных налогов. В недавней многоплановой работе З.В. Дмитриевой, которая в чем-то продолжает начатое Л.С. Прокофьевой исследование, акцент сделан на хлебном «бюджете» (исследовательница использует кавычки) Кирилло-Белозерского монастыря по «хлебным книгам» 1603/04—1614/15 г., которые были опубликованы в приложении к ее статье, выполненной на высоком научно-

археографическом уровне [13, с. 9—157]. Таким образом, при всей условности, подчеркиваемой кавычками, сам термин *бюджет*, в том числе и хлебный, удерживает свое место в современном научном дискурсе. Постараемся и мы поддержать его в нашей статье.

Проведенный беглый просмотр тематических сборников «Северо-Запад в аграрной истории России» за 1976—2020 гг. выявил лишь две статьи (И. В. Ефимовой и Н. М. Александрова), в названии которых фигурировало сочетание «бюджетное обследование» крестьянских хозяйств в 1879—1880 гг. (Тихвинский уезд) [14, с. 27—32] и 1908—1910 гг. (Костромская губерния) [15, с. 154—165]. Судя по таблице в статье И. В. Ефимовой, структура бюджета крестьянского хозяйства включала его общий доход от надельной земли, аренды, промыслов, других возможных внеземледельческих занятий; разных статей расхода, выплат податей, сборов; своего рода баланс между доходом и возможностью потребления, необходимого для жизнеобеспечения человека и семьи, либо его недостатком, дефицитом [14, с. 29].

Ориентируясь главным образом на работы Л. С. Прокофьевой и З. В. Дмитриевой, мы предприняли попытку изучения хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря в первом десятилетии XVII в. Для этого был рассмотрен комплекс источников прихода-расходного типа, включающий 2 «мельничные книги» 1601/02 г. и 4 книги старцев-житников 1603/04—1606/07 гг. Однако особенности данных документов не позволяют изучить хлебный бюджет крестьянского хозяйства, заставляя ограничить предмет исследования только монастырским хлебным бюджетом, который на начальном этапе нашей работы возможно рассмотреть лишь в первом приближении.

Мельничные книги были составлены двумя старцами, отвечавшими за данное ведомство, — Феодосием Великорецким и Евфимием. В первой был учтен «относ с мельницам в казну большому казначею старцу Феодосию вымолотым денгам» и приход хлеба с монастырского житного двора на мельницу [16, кн. 188, л. 1—10]. В описи 1593 г. отмечено 3 мельницы под монастырем по обеим берегам реки Вологды, «все мелют» [17, с. 41]. Во второй книге был учтен отвоз хлеба с мельницы в разные хозяйственные службы монастыря — хлебню, сушила и на солодяной двор [16, кн. 188, л. 11—18]. За несколько последующих лет сохранились 4 прихода-расходные книги житного двора: 1603/04 г. — старца Ионы [16, кн. 188, л. 31—52], 1604/05 и 1605/06 гг. — старца Селивестра [16, кн. 188, л. 92—142], 1606/07 г. — старца Кирилла [16, кн. 188, л. 143—165].

Указанные источники относятся ко времени Смуты в России начала XVII в., и уже в силу этого они имеют более широкое историческое значение, особенно с учетом голода, поразившего страну в 1601—1603 гг. Уточнение его хронологии и порайонно-географической дифференциации по-прежнему остается актуальной научной задачей [18, с. 83—98]. В совокупности своей данная документация важна также для изучения организации вотчинного хозяйства и его особенностей у одного из значительных монастырей Русского Севера, структуры его хлебного бюджета (понимаемого как некий «баланс» прихода и расхода), соотношения господского и крестьянского производства в его формировании, а также потребительского и рыночного направлений в нем. И все это — на фоне и внутри острого социально-политического кризиса в стране.

В первой мельничной книге, разделенной на 2 прихода-расходные части, денежную и хлебную, отмечено поступление «вымолотых денег» с ноября 1602 по апрель 1603 г. в казну Спасо-Прилуцкого монастыря в количестве 27 руб. 23 алт. 4 ден. Другая часть «вымолотых денег» шла на поддержание работы мельницы — оплату труда мельников, муковозов, наемных работников для сооружения запруды, приобретение холщовых мешков, некоторых материалов (железного уклада «на клевцы», дегтя), обустройство жилых помещений («купил оконницу на келью»). Расход на все перечисленное составил 12 руб. 14 алт.

В записях о привозе с житного двора ржи на мельницу с сентября 1602 по июль 1603 г. отмечено общее ее количество — 1287 четв., из которых 19% (в абс. 245 четв.) предназначалось для выдачи «наемным казаком и всяким деловым людям», а остальная — на потребление самой корпорации («про монастырской обиход»). Существенно меньшую часть в структуре хлебных поступлений на мельницу составляла идущая с солодяного двора «ржаная роща», необходимая для кваса, — 100 четв., а пшеницы, идущей главным образом на приготовление просфор и сухарей, указано лишь 26 четв. Более значительные позиции занимал ячмень: на мельницу его поступило 80 четв. плюс 100 четв. «солоду ячного молоть про монастырской обиход». Объем же привоза овса (1187 четв.) немногим уступал указанному выше количеству ржи.

Во второй мельничной книге показано «обратное движение» хлеба с мельницы в монастырь уже в виде муки, называемой обычно «бражкой», «смесной», «ячной», овсяной (всего 2503 четв.), а также в

виде ряда хлебопродуктов — крупы-ядрицы, толокна и др. Мука направлялась в хлебню большому хлебному старцу Иоасафу, пшеница — в сушило подкеларнику старцу Илье. Часть ее принимал старец-проскурник Боголеп (тогда как в церквях за пределами монастырей выпекавшие просфоры проскурницы были обычно вдовами). Присланную в ноябре в поварню пшеницу берегли к Рождеству Христову («на два соцелника» [16, кн. 188, л. 109, 132]), к «празднику чудотворцеву» (дню памяти преп. Дмитрия Прилуцкого в феврале), а еще посылали в приписной женский монастырёк Николы на Валухе на просфоры и кутью. В целом картина повседневной и праздничной еды / питья (квас, пиво, мед) в монастыре, порядок хранения и приготовления продуктов и напитков представлены вполне детально, и ценность подобных источников несомненна. В современных работах по монастырской повседневности отмечается, что основу питания в обителях составляли блюда из овса (более 50%), ржаные (чуть более трети), из ячменя (чуть более 9%) [19, с. 421]. В мельничных и житных книгах подробно прописан также административно-хозяйственный организм вотчины, густо населенный живыми людьми с их конкретными функциями в сложившейся системе управления.

В солоднойой амбар, обслуживаемый двумя чашниками, старец Иона Копоруля принимал смолотые ячный солод и ржаную рошу, а старец Ияков — смешанный овсяно-ржаной солод. Отдельный раздел во второй мельничной книге показывает «рассылку» смолотого хлеба в качестве годового запаса в вотчинные села монастыря: Софоново (трем работавшим там приказными старцами), Семёнково, Васильевское, Домшино, Сергиево, Богородское, Бурдуково, Великую Реку, Лоптуново — всего 189 четв. Представление об их географическом расположении дает составленная М.М. Дадыкиной ценная карта-схема [3, с. 380—381]. Судя по ней, вотчинные комплексы («ключи») компактно располагались вокруг монастыря к северу, югу и востоку от него. Наиболее отдаленным было село Домшино-Ермолино (Домшинский ключ) — на запад от Вологды в верховьях реки Тошня. Сам же монастырь по местоположению может считаться ближайшим предместьем Вологды, что тесно связывало его с местным посадским миром и городским рынком.

В последнем разделе мельничной книги был учтен объем смолотого «безденежно дарового хлеба» — 214 четв. Он принадлежал различным лицам — служилым людям (включая некоторых иноземцев),

вологодскому архиепископу Ионе и его детям боярским (ровно половина — 107 четв. ржи и ячменя), городовым дьякам, таможенным подьячим, игумену и старцам Соловецкого монастыря, имевшего в Вологде свое подворье [16, кн. 188, л. 137], стройщику ямских слобод Курдюму Кафтыреву, губному старосте Илье Вечеслову [20, с. 394], посланникам, приезжавшим «по ратных людей», и др.

Переходя теперь к комплексу приходо-расходных хлебных книг старцев-житников за 1603—1607 гг., отметим, что они, как это практиковалось и в денежных книгах, делились на две части — соответственно приходную и расходную, а внутри них — на совокупность записей по видам зерновых культур (рожь, пшеница, ячмень, овес). Для изучения зернового производства в Прилуцкой вотчине важны сведения этих книг о количестве посева и умолота разного хлеба в трех местах: 1) на подмонастырском поле, 2) на господских «делянках» в селах и 3) в большой совокупности оброчных крестьянских хозяйств.

У Прилуцкого монастыря в рассматриваемое время окончательно еще не сложилась десятинная система полевой барщины, когда все связанные с нею виды работ верстались между крестьянскими дворами по окладным единицам — выгям или плугам. В окладной книге 1599 г. был указан годовой норматив трех видов работ на господской земле: вывоз навоза на пашню, жатва и сенокосение — по 4 дня с плуга [21, с. 392]. Непосредственный же норматив пахоты домениальной земли не был еще закреплен в рамках плужного оклада крестьянских тяглых дворов, и для нее корпорация привлекала наемных работников, называемых «казаки, деловые люди, детеныши». Возможно, имела место и такая исторически более архаичная форма обработки домена крестьянами, как «пахать взгоном», «всё сполна», сообща. На смешанную форму ренты в Сергиевском ключе указывает названный в окладной оброчной книге 1598 г. норматив хлебного оброка — по 3 четв. ржи и 6 четв. овса с плуга [21, с. 372—375]. Таким же был этот норматив в ряде других ключей, что отражает процесс унификации натуральной ренты, включая также разнообразное «изделье» в виде обязанности «делать по 1 четв. крупы и по 1 четв. ядрец на плуг», а остальной хлеб с домениальной земли везти (это опять-таки старинный «повоз») в монастырь.

Смешанная крестьянско-бобыльская форма эксплуатации была в с. Бурдукове. Крестьяне здесь находились на хлебном оброке (те же 3 четв. ржи и 6 четв. овса с плуга), а 7 бобыльским дворам, не обло-

женным тяглом, из состава монастырской земли было выделено 7 четв. в ржаном и 14 четв. в овсяном поле плюс луга на 70 копен. За это бобыли выполняли «изделье» на монастырь: каждый человек по неделе в год привлекался к сенокосению, жатве на ржаном и овсяном поле. Кроме того, на монастырском дворе в с. Бурдукове бобыли готовили 12 четв. толокна и 6 четв. круп, а еще городили по 100 прясел изгороди на человека. На случай приезда приказчика в село бобыли давали по 2 ден. «въезжего» с человека [21, с. 384—385].

Приходные части анализируемых книг показывают привоз хлеба на житный двор монастыря в порядке перечисления его видов. Реже отмечен невеяный хлеб в овинах с указанием ориентировочного выхода чистого зерна в четвертном измерении. Попутно можно вывести средний объем одного овина — примерно 8,3 четв. зерна. В расходных частях книг также по видам хлебных культур отражено количество высеваемого на монастырском домене зерна, а также семян, посланных в вотчинные центры посельским старцам. Сопоставление этих сведений ориентировочно показывает соотношение посева и урожая (точнее, умолота) в подмонастырском поле и сельских ключах.

На основе мельничных книг можно сказать, что хлебный приход Спасо-Прилуцкого монастыря в голодном по России 1602/03 г. составил не так уж мало — 2023 четв., из которых львиную долю (89%) дало именно господское хозяйство (в абс. 1763 четв.) и лишь 11,0% — крестьянский оброк (в абс. 223 четв.). В таблице 1 показано, что в 1604—1606 гг. монастырь получил со своего домена и собрал в качестве оброка с крестьян еще больше — соответственно 3069, 3404 и 4577 четв. ржи и овса. Доля же оброка в этой совокупности в разные годы составляла от 14 до 20%. Ряд статей хлебного прихода в таблице 1 не отражен. Это были, например, 37 четв. ржи, собранной «с пустотной земли». Под ней следует понимать освобожденные на время от налогов участки из-под тяглых жеребьев. По описи 1593 г. доля пустотной пашни была 17,7% (абс. 318 четв.). Больше нее занимала только крестьянская пашня (61,5%, абс. 1090 четв.), меньше — монастырская (13,7%, абс. 244 четв.) и менее всего — льготная (6,7%, абс. 120 четв.) [17, с. 41—42, 426]. Упомянутся пустотная рожь и другие культуры, собранные с «пустотных вытей», и в хлебных книгах Кириллова монастыря, опубликованных З. В. Дмитриевой [13, с. 62, 64, 66, 69].

Таблица 1

**Хлебный приход в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря
в 1603—1606 гг. (в четвертях)**

Год	Рожь			Овес			Всего ржи и овса		
	всего	в том числе оброчная		всего	в том числе оброчный		абс.	в том числе оброчного	
		абс.	%		абс.	%		абс.	%
1603/04	1202	148	12,3	1867	483	25,8	3069	631	20,3
1604/05	1544	269	17,4	1860	334	17,9	3404	603	17,7
1605/06	1597	202	12,6	2663	468	17,5	4577	678,5	14,8

Источник: [16, кн. 188, л. 31—165].

Озимая рожь и яровой овес составляли основу земледельческого производства и в монастырском, и в крестьянском его сегменте, определяя тем самым структуру питания / потребления и монашеского сообщества, и аппарата слуг-служебников-детенышей-деловых людей, и крестьянского населения. В таблице 2 представлено соотношение разного количества оброчной ржи и овса по вотчинным комплексам монастыря. Только в двух селах (Домшино и Сергиево) показано небольшое количество ячменя. Пшеница же в силу незначительных ее объемов и вовсе не входила в состав оброчных взиманий.

Таблица 2

**Хлебный оброк в вотчинных комплексах
Спасо-Прилуцкого монастыря в 1603—1607 гг. (в четвертях)**

Хлеб	Год			
	1603/04	1604/05	1605/06	1606/07
<i>Богородское</i>				
Рожь	10	5	6	6
Овес	—	—	12	—
<i>Бурдуково</i>				
Рожь	—	30	30	30
Овес	50	18	40	51
<i>Великая Река</i>				
Рожь	21	—	—	24
Овес	34	—	—	39

Хлеб	Год			
	1603/04	1604/05	1605/06	1606/07
<i>Глубокое</i>				
Рожь	23	22	9	21
Овес	—	—	—	—
<i>Домшино</i>				
Рожь	—	54	—	37
Овес	22	64	67	76
Ячмень	—	—	4,5	—
<i>Лоптуново</i>				
Рожь	23	26	36	36
Овес	7	7	58	60
<i>Околомонастырье</i>				
Рожь	—	43	59	60
Овес	108	74	116	119
<i>Оларево</i>				
Рожь	17	16	17	22
Овес	42	22	40	44
<i>Сергиево</i>				
Рожь	-	62	45	64
Овес	150	129	135	128
Ячмень	—	—	4	—
<i>Сычево</i>				
Рожь	10	—	—	—
Овес	20	—	—	—

Источник: [16, кн. 188, л. 31—165].

Записи в расходных частях книг рисуют ритмы земледельческих работ в рамках традиционного для аграрной культуры тогдашней России трехполя. Имеются данные по подмонастырскому полю: в мае 1604 г. посев на нем ярового овса (313 четв.) и пшеницы (22 четв.), в июле — озимой ржи (115 четв.). В апреле 1605 г. было засеяно яровых 20 четв. пшеницы, 35 четв. ячменя и 216 четв. овса, в мае 1606 г. — 38 четв. ячменя и 354 четв. овса, в июле — 123 четв. озимой ржи, в мае 1607 г. — 271 четв. ярового овса, а в августе — 126 четв. озимой ржи [16, кн. 118, л. 156, 163]. Мы видим колебания

календарных сроков ярового (апрель-май) и озимого (июль-август) сева, а также пропорций зерновых культур (ярь-озимь) примерно в сопоставимых пределах.

Исчерпывающая картина хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря может сложиться из более полного учета не только приходных, но и расходных статей производимой продукции. В конце двух из рассмотренных нами приходо-расходных книг (1604/05 и 1605/06 гг.) имеются заключительные записи о проведенном данному житнику «счете», то есть ревизии-проверке его деятельности за год. Ревизию осуществляла группа из игумена, келаря, казначея и нескольких соборных старцев, чьи подписи скрепляли по листам данную книгу. В тексте «счета» по книге 1604/05 г. сравнивались цифры прихода и расхода хлебов и было отмечено, что приход с расходом «сошелся». В книге 1605/06 г. он «сошелся» по всем зерновым, кроме овса, которого *за расходом* (то есть сверх него) оставалось 709 четв. Обе заключительные подписи были сделаны работавшим в Прилуках казенным дьячком Филей Исаковым. Он же был писцом описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. и ряда других хозяйственных документов 1590-х — начала 1600-х годов [22, ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь), оп. 1, кн. 7, л. 48—49; ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, № 143].

Какие же статьи расхода чаще всего фигурируют в книгах? Регулярно отмечается поступление овса «на конюшно на конской обиход» (не менее 100 четв.). В зависимости от величины конского стада монастыря годовые расходы овса на корм лошадям могли возрастать до 149 четв. овса [22, ф. 512, (Спасо-Прилуцкий монастырь), оп. 1, кн. 7, л. 50, 111, 140]. Часть хлеба шла на коровий двор двум служебникам-коровникам Пятуне и Матфею — по 2 четв. ржи и овса каждому в качестве натуральной выплаты за работу. Кроме того, овсом на коровьем дворе кормили телят. Посылали хлеб и в Вологду на прилуцкий соляной двор [22, ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь), оп. 1, кн. 7, л. 136, 138]. Учтен также хлеб, адресуемый «городовым мостовщикам», разным приказным старцам и слугам на их поездки по делам монастыря — на Белоозеро, в волость Сяму «по рыбу», в Москву, в Тотемский и Унский соляные промыслы, в отдалённый вотчинный комплекс на озере Глубоком в Троицкой трети («Верховские станки») Заозерской половины Вологодского уезда, на границе с Вельским уездом.

С общерусским походом против первого Самозванца в 1604 г. и военными обязанностями Спасо-Прилуцкого монастыря связаны расходные записи о выдаче монастырским слугам 18 четв. овса для их коней. В Рописи русского войска 1604 г. отмечено из Прилук 9 конных слуг «да 6 лошадей, а с ними для береженья и корму 1 человек») [20, с. 406]. По именам они указаны в ноябрьской записи 1604 г. в приходо-расходной денежной книге казначея — старца Иринарха [22, ф. 512, оп. 1, кн. 3, л. 24]. В целом расход хлеба за 1604/05 г. оказался равным приходу: 1544 четв. ржи, 91 четв. пшеницы, 402 четв. ячменя и 1860 четв. овса [16, кн. 118, л. 116—117]. С учетом природно-климатических факторов особая роль овса как наиболее морозоустойчивой культуры уясняется вполне отчетливо, отсюда крупные площади его посевов и запасов во владельческом и крестьянских хозяйствах. Не случайно таблица 2 наглядно показывает значительное количественное превосходство овса в структуре хлебного оброка во всех вотчинных комплексах монастыря.

В отношении прихода хлеба следует отметить такую его статью, как вклады и возврат зерна по хлебным кабалам. В книге 1603/04 г. отмечено поступление 18 четв. разного хлеба по 3 вкладам и 19 четв. возврата выданного прежде кабального хлеба. Иногда хлебные вклады были довольно крупными: в июле 1606 г. некий Коптел Иванов дал 24 четв. ржи и 76 четв. овса, отвезенных на житный двор [16, кн. 118, л. 41, 121, 126—127].

Что же касается возврата хлеба из долгов, то уровень кабальности при подобных операциях в ряде случаев не может не поражать: так, на Якове Белоусове по кабале в 5 четв. овса было взято его 10 четв. [16, кн. 118, л. 41], то есть 200%. Своим крестьянам в соответствии с нормами Стоглава 1551 г. монастырь не должен был предоставлять денежные и хлебные ссуды из «роста и наспа», но в данном случае, судя по известной в городе фамилии Белоусовых, речь, возможно, должна идти о небедном посадском человеке. Порой возвращаемый кабальный хлеб составлял примерно половину от хлеба оброчного. В марте 1607 г. из д. Сычевой и сельца Лаврентьевского Великоорецкого ключа было привезено 33 четв. оброчного и 17 четв. кабального овса, а еще 60 четв. «старого оброчного и кабального овса». И это не единственный случай суммарной фиксации оброчного и кабального хлеба — «старого», «достального», прошлых лет [16, кн. 118, л. 95, 151—152]. Подобные ремарки явно отражают факт крестьянской задолженности монастырю по выплате годовых оброков и возврату кабального хлеба за предыдущие годы.

Иногда допускались своего рода «взаиморасчеты», когда хлебная кабала погашалась хлебом другого вида: «... взяли на Осифе Палехове за две четверти за овес четверть ржи» [16, кн. 118, л. 95]. И хотя эти показатели не имели прямого отношения к зерновому производству в данном году, при выведении пропорций хлебного бюджета и их следует учитывать. То же самое можно отметить по поводу купленной в январе и марте 1604 г. ржи (301 четв.), дополнявшей хлебный приход. Значит, как ни велики были ее посевы и запасы, какую-то часть монастырю приходилось покупать на городском рынке, направляя затем и на потребление, и на посев.

Еще удивительнее продажа монастырем в июле 1604 г. 4 четв. пшеницы на сумму 3 руб. 8 алт., что показывает немалую цену за четверть — 81 коп. Вырученные деньги поступили в казну к большому казначею старцу Феодосию [16, кн. 118, л. 47]. Много это или мало? В литературе отмечены сильные колебания хлебных цен в разные голодные годы начала XVII в. в разных районах России (Поморье, центр, Поволжье), когда дороговизна доходила до 1,5—3 руб. за четверть. В.И. Ульяновский отмечает продажу Спасо-Прилуцким монастырем в 1601 г. 20 четв. овса на сумму 15 руб., то есть по цене 75 коп. за четверть. В 1602 г. в его закромах числилось свыше 5200 четв. овса, что ученый склонен рассматривать как приерживание монастырем хлебной массы в ожидании роста цен [18, с. 91]. В литературе приведены случаи, когда, например, Соловецкий монастырь в 1601—1602 гг. покупал овес по 72 коп. за четверть, а своим крестьянам продавал его за 1,3 руб., то есть почти вдвое дороже. Во всяком случае, хлебные спекуляции Авраамия Палицына на посту соловецкого келаря в 1602—1604 гг., зафиксированные в его приходо-расходных книгах, явно противоречат заклеянной им же в своем «Сказании» практике хлебных махинаций [23, с. 235—236; 24, с. 51]. Но есть и другая точка зрения: З.В. Дмитриева показала, что Кирилло-Белозерский монастырь продавал в голодные годы своим крестьянам хлеб по сравнительно невысоким ценам (50—60 коп. за четв.), поэтому мнение В.И. Корецкого о хлебных спекуляциях монастырей она считает преувеличенным [13, с. 15].

Покупки хлеба Спасо-Прилуцким монастырем известны и в последующие годы. В январе 1605 г. на житный двор поступило 231,5 четв. купленного в Вологде овса. В том же году купленный овес (всего 131 четв.) рассылался на семена в ряд вотчинных сел, но в целом купля-продажа хлеба корпорацией в указанные годы не была слиш-

ком значительной. Гораздо выразительнее торговые обороты монастыря с солью, поступавшей из Тотьмы, Уны и Вычегды, что требует специального рассмотрения. Начальный этап подобных разработок нами уже предпринят [25, с. 98—112]. Значение промыслов в монастырской экономике с учетом рискованного характера земледелия, тем более на севере, неоспоримо.

Помимо вологодских селений источником поступления хлеба в монастырь были его немногочисленные владения в соседнем Тотемском уезде из двух деревень — Галецкой и Углецкой с участков господской пашни. В июле 1606 г. старец Исайя привез с них на житный двор 279 четв. овса [16, кн. 188, л. 121, 127]. Интересно еще и то, что промыслово-земледельческим комплексом монастыря на Тотьме управлял приказной старец соляного двора. Это как раз подчеркивает «бюджетообразующую» роль в нем производства и продажи соли.

Имеется ряд свидетельств о частичной коммутации натуральной ренты. Крестьяне Спасского прихода Глубоковского ключа в феврале 1600 г. заплатили за 28 четв. оброчной ржи 5 руб. 29 алт. 2 ден. В марте 1600 г. с крестьян Ильинского прихода было взято 10 руб. «за прикащиков доход и монастырской оброчной хлеб и за всякое монастырское изделие». В феврале 1606 г. крестьяне Спасского прихода привезли на житный двор монастыря 9 четв. оброчной ржи, а за 6 ее четвертей и 15 четв. овса ими были внесены деньги в прилуцкую казну [16, кн. 188, л. 120—121; 21, с. 354, 356]. В марте 1607 г. с крестьян Спасского и Ильинского приходов одновременно с оброчной рожью было взято «за овес рожью же, а за полторы чети за рожь взято в казну денгами» [16, кн. 188, л. 147]. Правда, конкретная сумма в источнике не указана. В практике хлебного оброка действительно допускались «взаиморасчеты»: из села Домшина старец Петр Роспопин привез пол-пяты, то есть 4,5, четв. ячменя, «что взято у крестьян за оброчную рожь» [16, кн. 188, л. 123]. Вероятно, описанные случаи объясняются колебаниями урожайности разных зерновых культур в отдельные годы, с чем могли быть связаны, в свою очередь, и колебания хлебных цен.

Разновидностью оброчного хлеба можно считать ту его часть, которая называлась «прикащиков указной хлеб». Это взимание также не избежало некоторой коммутации. В починке Давыдовском Пятницкой слободки в Мотырях на реке Сухоне в 1600 г. «за прикащиков годовой хлеб 3 четв. ржи и 6 четв. овса» было взято 36 алт. Из

Оларевского же ключа «прикашиковы» 3 четв. ржи и 6 четв. овса были «в натуре» собраны и привезены на житный двор монастыря в январе 1606 г. [16, кн. 188, л. 120, 125]. Какими нормативными актами регулировались подобные взимания в Оларевском ключе, неизвестно, тогда как по Лоптуновскому и Богородицкому селам в 1599 г. прилуцкие власти оформили наказную-уставную память об «осеннем поборе» для приказчиков «по четвертке ржи да по осмине овса» [26, с. 47]. В 1655 г. наказной уставной памятью крестьянам сел Сергиева и Пареницына предписывалось сеять на приказных старцев по 2 дес. овса в каждом селе [26, с. 53—54].

Весьма редкими были случаи взимания оброчного хлеба в качестве арендной платы за пустоши. В Домшинском ключе с пустоши Давыдовой старец Иринарх взял «оброку ячмени 4 четверти». О тщательности учета хлеба говорит детальная метрологическая терминология анализируемых книг, использование в них наряду с четвертями (вмещающими обычно по 6—8 пудов зерна) более мелких единиц — «мер» и «четверток». «Мера» как широко распространенная на севере (особенно в Двинско-Важско-Устюжском регионе) единица вмещала обычно 3—4 пуда хлеба, а четвертка — это четверик, составлявший $\frac{1}{8}$ (0,125) часть четверти. По мнению Ю.С. Васильева, четвертка была сопоставима с «пюзом», равняясь 1,5—2 пудам [13, с. 18; 27, с. 75]. Вопросы метрологии остаются еще сложными для исчерпывающего выяснения, и здесь следует учитывать возможные различия посевных и весовых величин, обозначаемых одними и теми же словами. Оброчная мера ржи могла быть заменена эквивалентом — тремя четвертками ячменя [16, кн. 188, л. 150].

Таким образом, в данной статье представлен предварительный опыт изучения хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря в начале XVII в. Комплекс мельничных и хлебных приходо-расходных книг 1603—1607 гг. рассмотрен не сам по себе, а в сопоставлении с близкой по времени документацией — описью 1593 г., окладными оброчными книгами 1598—1600 гг., наказными-уставными записями. Проведенное исследование показало большую роль владельческого сектора земледелия в прилуцкой вотчине, внушительные масштабы зернового производства в формировании его хлебного бюджета, дополняемого крестьянским хлебным оброком. Удалось заметить также и частичную коммутацию натуральной ренты. Все это, несмотря на некоторые архаические черты в системе эксплуатации (отсутствие десятинной барщины для крестьян, старинный «повоз»)

и с учетом дохода от торгово-промысловых отраслей, прежде всего соляной, давало возможность корпорации поддерживать крестьянские хозяйства мерами хлебных и денежных ссуд и делало в результате прилуцкую вотчину в целом экономически достаточно устойчивой в годы тяжелых испытаний Смутного времени.

Список источников и литературы

1. *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. Л., 1959.

2. *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на русском севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.

3. *Дадькина М. М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. Исследование. Тексты. СПб., 2011.

4. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в XVI веке // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2019. Вып. 25.

5. *Иванов В. И.* Монастырское крестьянство Вологодского уезда во второй половине XVI — первой трети XVII века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2020. Вып. 26.

6. *Бащин Н. В.* «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. №5.

7. *Лисейцев Д. В.* Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630—1640-х годов. Опыт реконструкции // Российская история. 2015. №5.

8. *Устинова И. А.* Книги патриарших приказов 1620—1649 гг. как исторический источник. М., 2011.

9. *Бащин Н. В.* «Бюджет» Вологодского дома св. Софии в 1677/78 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. №4.

10. *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI—XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005.

11. *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997.

12. *Прокофьева Л. С.* «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России : сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Л., 1967.

13. *Дмитриева З. В.* Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015.

14. *Ефимова И.В.* Ранние бюджетные обследования крестьянских хозяйств Тихвинского Полесья // Северо-Запад в аграрной истории России : сб. науч. тр. / отв. ред. Г.П. Жидков. Калининград, 1984.

15. *Александров Н.М.* Бюджетное обследование в Костромской губернии в 1908—1910 гг. и особенности крестьянского хозяйства фабричного района // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20.

16. *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.*

17. *Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.* Исследование и тексты. Вологда, 2011.

18. *Ульяновский В.И.* Земледельческое производство и положение крестьянства Европейского Севера в период голода начала XVII века // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дюктыбрьский период) : межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1985.

19. *Кустова Е.В.* Мир повседневности средневекового уральского монастыря. М., 2020.

20. *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004.

21. *Вотчинные хозяйственные книги XVI в.* Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М. ; Л., 1979.

22. *Государственный архив Вологодской области.*

23. *Корецкий В.И.* Голод 1601—1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7. М., 1959.

24. *Солодкин Я.Г.* Материалы к биографии Авраамия Палицына // Церковь и ее деятели в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1993.

25. *Черкасова М.С.* Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVI в. // Русский Север — 2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сб. работ V Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вологда, 2021.

26. *Источники по истории русской православной церкви XVI—XVII вв.* / сост. А.Н. Красиков, М.С. Черкасова. Вологда, 2020.

27. *Васильев Ю.С.* Четверть и меры сыпучих тел на севере России в XVI—XVII вв. // Избранные труды по истории Европейского Севера России в XII—XVII вв. Вологда, 2013.

**Изменения в родовом составе дворянства
и структуре собственности в Новгородском уезде
в конце XVII — середине XVIII века**

В статье показано, что после основания Санкт-Петербурга родовой состав дворянства и структура собственности в смежном со столичным регионом Новгородском уезде значительно изменились. Вместе с тем позиции старых новгородских фамилий оставались очень устойчивыми. Даже ко времени III ревизии две трети вотчин и помещичьих крестьян в уезде принадлежали представителям родов, владевших здесь именьями во второй половине XVI в.

The article shows that after the foundation of St. Petersburg the family composition of the nobility and the structure of property in the Novgorod district changed significantly. However the position of the old Novgorod families remained very stable. During the 3th census two thirds of the estates and peasants in the district belonged to representatives of the families that had owned estates here in the second half of the 16th century.

Ключевые слова: основание Санкт-Петербурга, дворянство, родовая собственность, землевладение, Новгородский уезд.

Keywords: foundation of St. Petersburg, nobility, patrimonial property, land ownership, Novgorod district.

Развитию землевладения в Новгородском уезде посвящена обширная литература. На основе различных источников, прежде всего писцовых и переписных книг, этот вопрос исследовался в трудах Г. В. Абрамовича, А. М. Андрияшева, М. В. Витова, В. М. Воробьева, Л. В. Даниловой, А. Я. Дегтярева, Н. В. Пиотух, Р. Г. Скрынникова, Л. Г. Степановой, А. А. Фролова, А. Л. Шапира, Н. Ф. Яницкого и многих других ученых.

Новгородская дворянская корпорация со времени ее формирования на рубеже XV—XVI вв. отличалась своей обособленностью. Служба новгородских детей боярских обычно проходила в своем регионе (на северо-западных границах), а институт «выбора» (городовых дворян, служивших вплоть до начала 1630-х гг. в составе Государева двора) здесь был ликвидирован в конце 1580-х гг. и вновь появился лишь в 1637/38 г., то есть уже после отказа власти от самой практики призыва выборных на московскую службу. Приобретение столичными чинами поместий в Новгородском уезде с конца XVI в. было запрещено. Новгородцы, переведенные на службу в Москву или «московские города», лишались поместий на Северо-Западе, и эти земли шли в раздачу местным детям боярским. Как уже отмечалось в литературе, родовой состав помещиков Новгородского уезда XVII в. был весьма устойчив, а большинство фамилий здесь владели именьями еще до Смутного времени [1, с. 125—128].

Настоящая работа посвящена изучению изменений в составе дворянства и структуре собственности в Новгородском уезде после основания в Северо-Западном регионе новой российской столицы — Санкт-Петербурга. Источниками для анализа послужили материалы подворной переписи 1678 г., а также ведомости рекрутского набора 1737—1738 гг. (I ревизия) и прокурорские ведомости 1766—1767 гг. (III ревизия) [1, с. 116—120; 2, ф. 248, кн. 1160; оп. 109, кн. 158; ф. 264, оп. 2, кн. 37]. Прокурорская ведомость по Шелонской пятине не имеет окончания, поэтому по ряду погостов привлечены ревизские сказки [2, ф. 350, оп. 2, кн. 2246, 2254—2256, 2272—2275, 2297—2326]. В ранее опубликованной работе [3, с. 7—62] сказки III ревизии по Шелонской пятине не использовались, поэтому итоги расчетов, относящиеся к Новгородскому уезду, незначительно отличаются. Везде в статье численность крепостного населения указана в душах мужского пола.

Вначале отметим, что за период с 1678 по 1762 г. структура сельского населения на Новгородчине мало изменилась. Доля помещичьих крестьян в 1678 г. составляла 57% (53 тыс. душ), а к 1762 г. выросла до 64% (161 тыс. душ). Удельный вес остальных категорий крестьянства, соответственно, снизился: монастырских — с 30% (28 тыс. душ) до 26% (66 тыс. душ), а дворцовых — с 13% (12 тыс. душ) до 10% (25 тыс. душ) [1, с. 56—57, 70—71, 82—83, 92—93, 106—107; 4, с. 76—80]. Обратим внимание, что несмотря на раздачу казенных земель и рост дворянской собственности дворцовые волости не только не исчезли (В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярев утвержда-

ли, что в первой половине XVIII в. они были «расхищены» дворянством [1, с. 197]); напротив, численность дворцовых крестьян выросла вдвое.

Теперь обратимся к родовой структуре дворянской собственности. Общие данные за 1678—1762 г. представлены в таблице 1. Так как выявление родственных связей среди всех владельцев не представляется возможным, в статье используется весьма распространенный в литературе компромиссный подход: однофамильцы рассматриваются как представители одного рода.

Таблица 1

**Родовая структура дворянской собственности
в Новгородском уезде, 1678—1762 гг.**

Численность крестьян (душ)	1678				1719				1762			
	Дворянских родов		У них крестьян (душ)		Дворянских родов		У них крестьян (душ)		Дворянских родов		У них крестьян (душ)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1—20	116	28	1010	2	161	30	1291	1	186	28	1560	1
21—100	170	40	8750	17	184	35	9821	10	224	34	11 873	7
101—250	71	17	11 420	23	88	17	13 595	14	104	16	16 881	10
251—500	50	12	17 730	35	42	8	14 635	15	56	8	19 504	12
501—750	9	2	5 222	10	25	5	14 744	15	30	5	18 185	11
751—1000	2	0	1 657	3	15	3	13 466	13	19	3	16 171	10
Более 1000	3	1	4 415	9	18	3	32 896	33	44	7	77 231	48
<i>Всего</i>	421	100	50 204	100	533	100	100 448	100	663	100	161 405	100

Как видим, в 1678 г. населенными имениями на территории уезда владели представители 421 рода, в 1719 г. — 533, а в 1762 г. — 663 фамилий. За изучаемый период структура душевладения существенно изменилась, а уровень имущественного неравенства, значительный уже в XVII в., стал еще выше. По моим расчетам, в 1678 г. коэффициент Джини составлял 0,60, а на время I и III ревизий — 0,71—0,72. Табличные данные показывают, что в 1678 г. основная масса помещичьих крестьян (75%) принадлежала 3 стратам фамилий, которые владели от 21 до 500 крепостных. За следующие 80 лет доля этих страт в душевладении упала более чем вдвое: к 1719 г. — до 38%, а к 1762 г. — до 30%. Доля крестьян, принадлежавших родам, которые имели свыше 500 душ, напротив, выросла, особенно у

самой зажиточной группы фамилий, владевших более чем 1000 крепостных. В 1678 г. последней страте принадлежало лишь 9% крестьян, в 1719 г. — 33%, а в 1762 г. — уже 48%. Показатели по группе мельчайших владельцев (1—20 душ) за изучаемый период почти не изменились: 28—30% родов и 1—2% крепостных. Подчеркну, что рост крупной собственности в уезде в первую очередь был связан с расширением землевладения фамилий, которые уже имели здесь поместья в последней четверти XVII в. Доля таких родов (условно назовем их «старыми») среди владельцев 1000 и более душ в 1719 г. составляла 83% (15 из 18), а в 1762 г. — 70% (31 из 44). В 1678 г. более 1000 душ имели лишь 3 рода: Аничковы, Муравьевы и Ушаковы; по I ревизии из числа «старых» — Аничковы, Волковы, Елагины, Корсаковы, Лихаревы, Лупандины, Мельницкие, кн. Мещерские, Мордвиновы, Мякинины, Нееловы, Путиловы, кн. Путятины, Ушаковы, Хвостовы, из числа «новых» — Апраксины, кн. Меншиковы, Скляевы; по III ревизии из числа «старых» — Аничковы, Березины, Вындомские, Дирины, кн. Долгоруковы, Елагины, Исленьевы, Квашины-Самарины, Клеопины, Козляниновы, Корсаковы, Крекшины, Лавровы, Лихаревы, Лупандины, кн. Мещерские, Милославские, Мордвиновы, Мусины-Пушкины, кн. Мышецкие, Мякинины, Неплюевы, Овцины, Пустошкины, Путиловы, Римские-Корсаковы, Скобельцыны, Татищевы, Ушаковы, Хвостовы, Чоглоковы, из числа «новых» — Апраксины, де Брессан, Воронцовы, Дубянские, Евреиновы, Измайловы, Коновницыны, Корфы, кн. Несвицкие, Плохово, Пуговишниковы, Салтыковы, Толстые.

Как показано в таблице 2, по I ревизии дворянские имения размещались в 245 новгородских погостах, а по III ревизии — в 251.

Таблица 2

Структура дворянской собственности по пятинам, 1719—1762 гг.

Пятина	1719				1762			
	Погостов	В среднем на погост			Погостов	В среднем на погост		
		фамилий	владений	душ		фамилий	владений	душ
Бежецкая	68	10	21	403	66	16	28	617
Водская	23	14	28	492	25	16	22	678
Деревская	51	8	15	329	52	13	22	607
Обонежская	54	9	14	273	57	11	18	359
Шелонская	49	14	20	617	51	17	25	1015
Весь уезд	245	11	19	410	251	14	23	643

Погосты обычно были сравнительно небольшими по территории. Так, среднее расстояние от центра одного погоста до центров 10 близлежащих варьировалось от 29 км в Обонежской пятиине до 24 км в Водской, а в целом по уезду составляло 28 км. Расчеты расстояний произведены в программе ArcGIS. Для локализации центров погостов на карте использовались данные К. А. Неволлина и А. А. Фролова [5, с. 118—215; 6]. По данным ревизий, на один погост в среднем приходилось от 19 до 23 дворянских имений, 11—14 владельческих фамилий и от 410 до 643 душ помещичьих крестьян. Наиболее населенные погосты располагались в Шелонской пятиине (617—1015 душ), а наименее — в Обонежской (273—359 душ). «Крупные» погосты с численностью помещичьих крестьян свыше 1000 душ встречались относительно редко: по I ревизии их было лишь 20 (8%), а по III ревизии — 52 (21%). Например, в Троицком Устрецком погосте Бежецкой пятиины в 1719 г. насчитывалось 2074 души крепостных, а в 1762 г. — 2478. Численность владельческих фамилий и вотчин здесь тоже была значительно выше, чем в среднем по уезду: в 1719 г. — 66 родов и 121 имение, а в 1762 г. — 75 и 143 соответственно.

В своей работе о Новгородском уезде XVII в. В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярёв пришли к выводу о «прогрессирующем нарастании мозаичности» имений местных дворян, владения которых нередко состояли из нескольких волосток и располагались сразу в нескольких пятинах [1, с. 142—143]. Данные I и III ревизий показывают, что более половины дворянских фамилий (57—54%) владели населенными имениями лишь в одной из пятин уезда, еще 21—23% родов — в двух. Одновременно во всех пятинах вотчины имели только 4—6% фамилий. Так как в регионе преобладали мелкие владельцы, неудивительно, что у большинства фамилий (59—61%) вся их собственность была сосредоточена лишь в 1—3 погостах. Вместе с тем существовали фамилии, в основном из числа владевших поместьями в уезде еще в досмутное время, имения которых располагались сразу в нескольких десятках погостов. Это Аничковы, Барановы, Бестужевы, Козляниновы, Корсаковы, Лупандины, кн. Мещерские, кн. Мышецкие, Нееловы, Пустошкины, Путиловы, Скобельцыны, Титовы, Ушаковы, Харламовы, Чоглоковы и некоторые другие [7, с. 110—226]. Больше всего вотчин на Новгородчине по I ревизии принадлежало Ушаковым (113), Аничковым (100), Корсаковым (74), кн. Мышецким (67), Лупандиным (64), Путиловым (63) и Нееловым (60), а по

III ревизии — Аничковым (123), Ушаковым (102), Лупандиным (98), Козляниновым (76), Мордвиновым (75), Барановым (60) и Чоглоковым (60).

По моим расчетам, несмотря на «разбросанность» землевладения отдельных фамилий по территории уезда, для собственности новгородских дворян в целом была свойственна очень высокая степень пространственной концентрации. Так, на время I ревизии в одном погосте (с максимальным числом крепостных) у представителей рода было сосредоточено в среднем 68% крестьян. На расстоянии до 25 км (считая от центра погоста с максимальным числом душ) — 74%, в пределах 50 км — 82%. Эти цифры особенно интересны, если вспомнить о той огромной территории, которую занимал Новгородский уезд: с запада на восток он простирался примерно на 500 км, а с севера на юг — на 400 км. Отметим также разницу между старыми фамилиями, владевшими поместьями на новгородской земле уже в 1678 г., и новыми, получившими здесь имения лишь ко времени I ревизии. Так, в пределах 50 км у старых родов располагалось 77% их собственности, а у новых — 92%. Причина в том, что первые, как правило, обладали большим количеством вотчин, нежели вторые. По I ревизии в уезде на одну старую фамилию в среднем приходилось 11,4 имения, а на новую — лишь 2,4.

Считается, что после основания Санкт-Петербурга в Северо-Западный регион, включая Новгородский уезд, «активно устремилась высшая русская знать» [1, с. 197]. Материалы I и III ревизий позволяют выяснить, являлся ли этот процесс массовым и какой долей собственности в уезде обладали представители петровской и послепетровской элиты. В качестве правящего слоя этого времени автор рассматривает обладателей чинов 1—5 классов Табели о рангах, состоявших на действительной службе, а также членов высших органов власти, руководство центральных и губернских учреждений. По периоду 1700—1725 гг. учитывался не только формальный (чиновный) статус человека, но и влияние этого лица в правительственной среде, внимание Петра I к его деятельности (на основе переписки) [8, с. 265—266, 274—275; 9, р. 507—510]. По моим подсчетам, в элиту 1700—1730 гг. входило 445 человек (265 русских, 180 иноземцев), а в 1741—1762 гг. — 834 (559 русских, 275 иноземцев). Из их числа населенные имения в Новгородском уезде по I ревизии имели 29 лиц, входивших в элиту 1700—1730 гг. (суммарно им принадлежало 17065 душ крепостных), а по III ревизии — 59 лиц, входивших в

элиту 1741—1762 гг. (23 657 душ). В расчет также включены имения, принадлежавшие женам и детям представителей элиты. Как видим, доля высших чинов, владевших здесь вотчинами, была невелика: 11% от числа русских представителей элиты (иноземцы крестьянами в Великороссии, как правило, не владели). Некоторые имения действительно были очень крупными, но в целом представителям правящего слоя в Новгородском уезде принадлежало лишь 15—17% помещичьих крестьян.

В начале XVIII в. самые значительные пожалования здесь получили лица из ближайшего окружения Петра I. Так, за генерал-адмиралом гр. Ф.М. Апраксиным и его братом, боярином, президентом Юстиц-коллегии гр. П.М. Апраксиным в уезде по I ревизии насчитывалось 6764 души. Имения Апраксиных располагались в 17 погостах, в том числе Сомерской волости Водской пятины, находившейся вблизи озера Самро на севере Шелонской пятины. В материалах I и III ревизий волость числится в составе Водской пятины. В ряде южных погостов Шелонской пятины (Карачуницком, Дегожском, Ясенском, Болчинском, Жедрицком, Вышегородском, Пажеревицком, Михайловском на Полоной), а также Толмачевском и Михайловском Ореховском погостах Бежецкой пятины также имелись владения семейства Апраксиных. Фельдмаршалу кн. А.Д. Меншикову в Новгородском уезде принадлежало 1953 души, из которых 1454 души числились в Грузинском погосте Обонежской пятины и Пречистенском, Городенском Водской пятины. Имения кораблестроителя Ф.М. Склеяева (1591 душа) размещались в Городенском, Высокоостровском, Ручьевском, Еглинском, Шегринском, Туренском погостах Деревской пятины и в Сутоцком погосте Шелонской пятины. Очень крупные имения в уезде также имели обер-гофмейстер М.Д. Алсуфьев (999 душ), генерал-майор А.Я. Волков (887 душ), генерал-аншеф И.И. Бутурлин (662 души) и фельдмаршал кн. М.М. Голицын (560 душ).

Раздачи дворцовых имений высшим чинам продолжались и впоследствии. Так, по данным III ревизии в Ракомской волости, вблизи Новгорода вотчиной владел президент Мануфактур-коллегии, директор Императорской шпалерной мануфактуры А.И. де Брессан (1036 душ). Неподалеку располагалась Трясовская волость, пожалованная гардеробмейстеру П.Г. Евреину (708 душ). Действительному статскому советнику И.О. Пуговишникову принадлежали имения в Сомерской волости (1131 душа). В Никольском Сяском, Никольском Явосемском, Дмитриевском Соцком погостах Обонежской пя-

тины и Михайловском погосте Водской пятины находились владения канцлера гр. М. И. Воронцова и его жены обер-гофмейстерины гр. А. К. Воронцовой (1406 душ). Очень крупная вотчина в Локоцком и соседнем Ситенском Боровенском погостах Деревской пятины принадлежала генерал-аншефу бар. Н. А. Корфу (1479 душ). В Ляцком, Бельском и Щелецком погостах Шелонской пятины находились вотчины контр-адмирала Ф. С. Милославского (1535 душ). В Богородицком Сопинском и Никольском Шереховском погостах Бежецкой пятины размещались имения генерал-аншефа, сенатора В. И. Суворова (784 души). На время III ревизии значительной собственностью в Новгородском уезде также владели статский советник В. Е. Ададуров с женой (623 души), гофмаршал Петра III М. М. Измайлов (939 душ), генерал-майор М. Л. Измайлов (632 души), действительный статский советник П. Т. Квашнин-Самарин (870 душ), вице-адмирал С. И. Мордвинов с женой (606 душ), контр-адмирал кн. В. Ф. Несвицкий (569 душ), действительный камергер Л. Я. Овцын с женой (1581 душа), камергер П. В. Салтыков (683 души), действительный статский советник П. М. Салтыков (531 душа), генерал-майор Я. И. Толстой с сыновьями (1874 души), действительный статский советник Ю. И. Хризоскулеев (520 душ), а также сыновья действительного камергера Н. Н. Чоглокова (748 душ).

Проанализируем общую картину изменений, произошедших в родовой структуре дворянской собственности в Новгородском уезде после основания Санкт-Петербурга. Расчеты показывают, что в 1719 г. новыми, по сравнению с 1678 г., являлись 32% фамилий, а в 1762 г. — уже 51%. Однако старые фамилии сохранили очень прочные владельческие позиции: в 1719 г. им принадлежали 91% вотчин и 81% крепостных, а в 1762 г. — 83 и 69% соответственно. Рост вотчин новых фамилий был неравномерным и в первую очередь происходил в пятинах, смежных со столичным регионом: Водской и Шелонской. Так, ко времени III ревизии в Водской пятине новым фамилиям принадлежало 40% крепостных, в Шелонской — 36%, в Деревской — 31%, а самые низкие показатели наблюдались в Бежецкой (24%) и Обонежской (22%). Заметим, что еще в прошлом столетии Бежецкая пятина, как ближайшая к Москве, являлась самой «привлекательной» для новгородских помещиков [1, с. 121—123]. Также интересны данные по погостам. Подсчитаем число погостов, где рост вотчинного фонда новых фамилий был самым значительным, а доля крестьян, принадлежавших этим родам, превысила одну треть. В це-

лом по уезду в 1719 г. таких погостов было лишь 14%, а в 1762 г. — 29%. То есть в середине XVIII столетия в основной массе погостов (71%) доминировала собственность старых фамилий, владевших имениями на новгородской земле уже в 1678 г. Расчеты также подтверждают мой вывод, что для новых родов основной интерес представляли пятинны, смежные с Санкт-Петербургской губернией. Так, ко времени III ревизии доля погостов, где новым фамилиям принадлежало более трети помещичьих крестьян, в Шелонской пятине составляла 37%, в Водской — 36%, в Деревской — 31%, а в Бежецкой и Обонежской — только 24—25%. Несомненно, что на рост собственности новых фамилий влиял не только географический фактор, но и наличие свободных для раздачи дворцовых или государственных земель. Согласно данным переписи 1678 г., самые крупные казенные волости располагались в Шелонской пятине (около 8,5 тыс. душ), напротив, в Бежецкой и Обонежской (без Заонежских погостов, отошедших в середине XVII столетия в Олонецкий уезд) насчитывалось лишь 500—700 душ [1, с. 56—57, 70—71, 82—83, 92—93, 106—107, 111].

Рассмотрим изменения в родовом составе новгородского дворянства на более длительном временном промежутке (180—200 лет). Сопоставим фамильный состав владельцев по III ревизии и писцовым книгам начала 1580-х гг. Из 663 родов, владевших населенными имениями в 1762 г., в писцовых книгах мы находим 191 фамилию (29%). По III ревизии этим родам принадлежали 56% вотчин и 49% крестьян. Если дополнительно учесть владельцев, поместья которых по писцовым книгам числились «пустыми и порожжими» (эти помещики владели собственностью в середине XVI в., но утратили ее ко времени проведения описания 1582—1584 гг.), то позиции «коренных» новгородских фамилий окажутся еще более прочными. В писцовых книгах мы находим 284 фамилии (43%). По III ревизии им принадлежали 69% имений и 62% крепостных. Ранее проведенный анализ также показал, что устойчивость родового состава дворянства в Новгородском уезде в XVII — начале XVIII в. являлась наиболее высокой среди уездов Европейской России [3, с. 30—36]. Этому в немалой мере способствовала «охранительная» политика правительства, которая длительное время препятствовала росту на Северо-Западе землевладения «иногородних» и московских чинов.

Обратим внимание, что относительно высокая устойчивость родового состава дворянства в целом по Новгородскому уезду, как и

прочность владельческих позиций старых фамилий, сочеталась с традиционной для России активной мобилизацией собственности. Сравним родовой состав владельцев по погостам на время I и III ревизий (табл. 3).

Таблица 3

**Родовая структура собственности в 1762 г. (в сравнении с 1719 г.),
средние показатели по погостам по III ревизии**

Пятина	Фамилии, сохранившие в погостах вотчины, %	Владения, %	Крестьяне, %
Бежецкая	38	54	53
Водская	31	38	33
Деревская	36	49	45
Обонежская	39	50	46
Шелонская	36	46	54
Весь уезд	37	49	48

Как видим, спустя 40 лет в тех же самых погостах имения сохранили немногим более трети дворянских фамилий (37%). По III ревизии они владели примерно половиной вотчин (49%) и крепостных крестьян (48%). Средние показатели по пятинам незначительно отличаются от уездных показателей, лишь в смежной со столичным регионом Водской пятине они существенно ниже. Высокая степень изменчивости родового состава владельцев неудивительна, так как представители фамилии обычно имели в погосте только одну вотчину (по I ревизии — в 67% случаев, по III ревизии — в 72%). В среднем на одну фамилию в погосте по I ревизии приходилось 1,8 имения, а по III ревизии — 1,6. Между тем устойчивость родового состава напрямую зависела от степени «укорененности» фамилий. По моим подсчетам, роды, владевшие 1 вотчиной, через 40 лет «исчезали» из погоста в 57% случаев, владельцы 2—3 вотчин — в 23—27%, а собственники 4—7 вотчин — лишь в 4—7%.

Подведем основные итоги. После основания Санкт-Петербурга родовой состав дворянства в смежном со столичным регионом Новгородском уезде значительно изменился. Новым явлением для новгородской земли, где два века безраздельно доминировало мелкопоместное землевладение детей боярских, стало возникновение крупной собственности, в том числе принадлежащей представителям

правлящей элиты страны. Вместе с тем несмотря на мобилизацию собственности позиции старых новгородских фамилий оставались очень устойчивыми. Даже ко времени III ревизии $2/3$ вотчин и помещичьих крестьян в уезде принадлежали представителям родов, владевших здесь имениями уже во второй половине XVI в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00002(а).

Список источников и литературы

1. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986.
2. Российский государственный архив древних актов.
3. Черников С. В. К вопросу о «неукорененности» московского служилого класса: изменения в фамильном составе дворянства в уездах Европейской России в XVII — начале XVIII вв. // Cahiers du Monde russe. 2020. Vol. 61 (№ 1—2).
4. Переписи населения России. Вып. 3. М., 1972.
5. Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.
6. Фролов А. А. Веб-ГИС «Роспись погостов». URL: https://histgeo.ru/rp_rus.html (дата обращения: 10.02.2021).
7. Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, 1915. Приложения.
8. Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века: традиции и новации // Cahiers du Monde russe. 2010. Vol. 51 (2—3).
9. Chernikov S. Les carrières des généraux en Russie de 1730 à 1763: L'influence des réformes de Pierre le Grand sur la mobilité sociale dans la composition des élites // Cahiers du Monde russe. 2016. Vol. 57 (2—3).

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

Дворянский род Кушелевых: люди и судьбы

В статье на основе комплекса документальных источников и научной литературы воссоздана семейная история дворянского рода Кушелевых. Анализируется участие его представителей в войнах и служба в органах государственной власти и местном самоуправлении, а также общественная деятельность. В центре внимания находится биография В. Л. Кушелева. Рассмотрены основные направления его деятельности. Осуществлена реконструкция его политических взглядов и общественной позиции, которые сформировались у псковского дворянина в ходе работы съездов уполномоченных губернских обществ. Показана трансформация его политических взглядов. Прослежены судьбы потомков рода Кушелевых в XX в.

In the article, on the basis of a complex of documentary sources and scientific literature, the family history of the noble Kushelev family was recreated. Their participation in wars and service in state authorities and local self-government, as well as social activities, are analyzed. The focus is on the biography of V. L. Kushelev. The main directions of its activity are considered. The reconstruction of his political views and the social position that was formed by the Pskov nobleman during the work of congresses of authorized provincial societies was carried out. The transformation of his political views is shown. Traced the fate of the descendants of the noble family of Kushelevs in the twentieth century.

Ключевые слова: Российская империя, российское дворянство, род Кушелевых, В. Л. Кушелев, съезды объединенного дворянства.

Keywords: Russian Empire, Russian nobility, noble family of Kushelevs, V. L. Kushelev, congresses of united nobility.

Перипетии жизни и судьбы дворянина Псковской губернии Владимира Лукича Кушелева и его семьи отразили изменения в повседневном поведении и сознании регионального дворянства на рубеже XIX—XX вв. Судьбы представителей дворянского рода Кушелевых стали предметом анализа в связи с обращением историков и краеведов к жизни и деятельности Елизаветы Лукиничны Дмитриевой (Кушелевой, Томановской, Давыдовской) [1—3]. Были изучены генеалогические данные, выявлены факторы, оказавшие влияние на формирование ее мировоззрения. Однако семейная история рода Кушелевых представлена в исторической литературе неравномерно, что во многом обусловлено как отрывочностью сохранившихся сведений, так и недостаточным исследовательским интересом к деятельности рядового дворянина, не занимавшего высоких административных должностей как на уровне губернии, так и в масштабах Российской империи. Между тем именно анализ повседневной жизни рядового представителя сословия позволяет показать, как трансформация экономики, реформы и революции, деятельность политических партий и общественных организаций отражались на жизни регионального поместного дворянства. Одновременно появляется возможность исследовать отношение поместного дворянства к деятельности правительства и дворянских лидеров.

Контент-анализ выступлений В. Л. Кушелева на заседаниях I—XII съездов уполномоченных губернских дворянских обществ позволил выявить его политические взгляды и проанализировать общественно-политическую позицию по важнейшим проблемам, обсуждавшимся на съездах объединенного дворянства. Отметим активную позицию В. Л. Кушелева: он выступал практически на каждом заседании съезда, избирался в комиссии, пытался обратить внимание участников съездов на животрепещущие проблемы, стоящие перед местным дворянством. Публицистические и научные труды В. Л. Кушелева позволяют охарактеризовать его исследовательские интересы и коммуникативные связи. К сожалению, личный фонд этой ветви дворян Кушелевых не сохранился ни в Псковском, ни в Тверском государственных архивах, однако генеалогические сведения и данные об имениях и недвижимости, принадлежавших дворянскому роду Кушелевых, можно реконструировать на основе анализа Памятных книжек Псковской губернии, электронных ресурсов. Отметим, что в них содержится ряд противоречий и неточностей, которые нуждаются в дальнейшей исследовательской проверке.

Владимир Лукич Кушелев родился 1 мая 1853 г. В сборнике биографий кавалергардов он ошибочно указан как выходец из купеческого сословия [4, с. 294]. Однако эти данные не соответствуют действительности. Он родился во втором браке дворянина, майора лейб-гвардии егерского полка, участника Отечественной войны 1812 г. Луки Ивановича Кушелева (1793—1859) с сестрой милосердия Натальей Егоровной (Каролиной Доротеей) Троскевич (ок. 1822—1903).

Его отец Лука Иванович Кушелев был личностью незаурядной и противоречивой. Он чрезвычайно гордился своей родословной, восходившей к 1741 г., и принадлежностью к знатному, хотя и небогатому дворянскому роду. Его отец — Иван Иванович Кушелев (21.05.1751—26.02.1817), военачальник, генерал-майор, сенатор при императоре Павле I и действительный тайный советник при Александре I. В браке с фрейлиной Екатерины II Елизаветой Дмитриевной Ланской (03.09.1755—01.09.1822) у них родилось четверо сыновей и две дочери. Жизнь при дворе в Петербурге, а возможно, и большие расходы, связанные с военной карьерой трех сыновей, расстроили состояние сенатора. У него было лишь небольшое имение в с. Волок Холмского уезда Псковской губернии (в настоящее время — Торопецкий район Тверской области) и 109 душ крепостных крестьян.

Лука Иванович, так же как и его братья и отец, избрал военную карьеру. В 1813 г. он окончил 1-й Кадетский корпус. Служил в лейб-гвардейском Егерском полку, принимал участие в Отечественной войне 1812 г., в сражениях с французскими войсками в Пруссии, Саксонии, Богемии, отличился 18 марта 1814 г. при взятии Парижа. С марта 1815 г. он был адъютантом генерал-лейтенанта А.И. Горчакова. В 1815—1823 гг. служил в Белорусском гусарском полку принца Оранского [5, с. 133—139]. Был лично знаком с Александром I.

Разбогател майор егерского полка Л.И. Кушелев, выйдя в отставку в чине майора в 1823 г. и затем выгодно женившись на 16-летней А.Д. Бахметевой. Анна Дмитриевна Бахметева (1809—01.02.1854), дочь помещика капитана Дмитрия Бахметева и крепостной крестьянки Ульяны Григорьевны, была узаконена только в 16 лет, незадолго до сватовства Кушелева. Она получила в наследство от родителей и тетки, девицы Елизаветы Григорьевны Бахметевой, несколько имений в шести губерниях, в которых насчитывалось 1600 крестьянских душ. В состав приданого вошли Московской губернии, Климского уезда с. Сенез с д. Ботино, Трофимово, Титово, Подсосены и ненаселенной Мартыновой; Нижегородской губернии, Княгининского

уезда с. Знаменское Большие Кемары тож, с д. Малые Кемары, Володейка, новый Выселок, с. Кеслов с д. Малиновкою и пустошами: Ульяновской, Услоном и Савинскою; Рязанской губернии, Ренбургского уезда с. Боровок, Дмитриевское тож (частично находившееся в общем владении с Римскими-Корсаковыми) с Никольским Выселком; Тамбовской губернии, Кирсановского уезда с. Покровское, Овсянка тож, с д. Куриловскою; Саратовской губернии, Балашевского уезда д. Андреевка, бывшая прежде Тамбовской губернии Кирсановского уезда; Костромской губернии, Чухломского уезда с. Спасское с д. Пумсково, Лигово и Заболотье.

В научно-популярных и художественных произведениях, посвященных судьбе дочери Л. И. Кушелева от второго брака, революционерке, соратнице Карла Маркса, создательнице Русской секции 1-го Интернационала в Женеве, участнице баррикадных боев Парижской коммуны Елизавете Лукиничне Дмитриевой-Томановской, ее отец чаще всего описывался как жестокий и корыстолюбивый тиран [6, с. 6]. Во многом этот образ сформировался в рамках марксистско-ленинской методологии, априори нелестно характеризовавшей поместных дворян. Прежде всего его обвиняли в жестоком обращении с крепостными крестьянами. В качестве подтверждения данного факта приводились сведения о жалобе его первой жены А. Х. Бенкендорфу на противозаконные поступки мужа, свидетельства о ее раздельном от супруга проживании с тремя дочерьми в Нижнем Новгороде, а затем в Санкт-Петербурге. Транслировалась также легенда о причинах второго брака Л. И. Кушелева, который был заключен в знак его благодарности за спасение от разгневанных крепостных крестьян [5, с. 133—139; 7].

Вместе с тем сохранились свидетельства о том, что Лука Иванович интересовался философскими вопросами, был образованным человеком. Он свободно говорил на немецком, английском, французском, итальянском языках. В имении была большая библиотека, в которой хранились книги на четырех языках. Л. И. Кушелев позиционировал себя гостеприимным и хлебосольным хозяином. В имении неоднократно гостили его родственники, также в числе гостей нередко бывали издатель прогрессивного журнала «Русское слово» Г. А. Кушелев-Безбородко, композитор М. П. Мусоргский, будущий генерал А. Н. Куропаткин. Соседями по поместьям были Петр Лаврович Лавров и Корвин-Круковские [8, с. 62—72]. Осенью и зимой семья жила в собственном доме в Санкт-Петербурге.

В первом браке у Л. И. Кушелева родились три дочери: Лидия (ок. 1824—22.04.1878), муж — генерал-майор Михаил Иванович Цейдлер (1816—1892) [9, ф. 577, оп. 21, д. 991]; Юлия, муж — полковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Николай Яковлевич Рудь; Аделаида, муж — гвардии ротмистр Владимир Николаевич Томановский. Несмотря на то что брак Луки Ивановича и Анны Дмитриевны распался, его дочери не прерывали связь с отцом, приезжали в его имение летом. Первоначально они жили вместе с матерью в Нижнем Новгороде, а впоследствии поступили в Смольный институт благородных девиц.

Мещанка из города Газеннот Курляндской губернии, по другим сведениям сестра милосердия, немка из Лифляндии [10], Каролина Доротея (Наталья Егоровна) Троскевич, чье происхождение в различных источниках указывается как немецкое, польское или еврейское, поступила на службу к Л. И. Кушелеву летом 1843 г. в качестве бонны его дочерей и стала фактически его второй женой. Брак был узаконен в феврале 1856 г., когда она спасла жизнь Л. И. Кушелева во время покушения на него нескольких крепостных крестьян. В этом союзе родилось четверо детей: Александр (04.07.1849—1921), Владимир (01.05.1853—09.1918), Елизавета (01.11.1850—23.02.1919) и Софья. Лука Иванович не жалел средств для образования детей. К ним приглашались хорошие учителя и гувернантки — англичанка, французенка и немка.

Л. И. Кушелев умер в 1859 г. от апоплексического удара, оставив наследство всем своим детям, а также завещав построить церковь и создать в г. Холм детский приют. Приют был открыт в 1865 г., в разные годы в нем воспитывалось от 12 до 33 детей римско-католического вероисповедания. Он прекратил свое существование в 1905—1906 гг. [11]. Троицкая церковь Псковской епархии погоста Волок Холмского уезда Псковской губернии была построена также в 1865 г. Натальей Егоровной Кушелевой. В 1870 г. из-за опасности обрушения каменный свод средней части храма пришлось заменить на деревянный. Здание церкви было кирпичное, к нему пристроена каменная колокольня. В 1882 г. при церкви учредили церковно-приходскую школу на средства прихожан, помещика Владимира Лукича Кушелева и земства (по клировой ведомости за 1900 г.) [12, ф. 813, оп. 1, д. 1]. Церковь не сохранилась.

В семье Л. И. Кушелева выросли разные по своим политическим пристрастиям и взглядам дети. Старший сын Александр на протяже-

нии двух лет был вольнослушателем института гражданских инженеров, придерживался либеральных взглядов. Разорился, пострадал от финансовых махинаций своего зятя, И. М. Давыдовского, жил в имении в с. Дружево. По данным краеведа Д. К. Кунстмана, умер в 1921 г. и захоронен на погосте в Захоломье. У него были две внебрачные дочери. Елизавета Александровна Кушелева (в замужестве Селихова) после 1917 г. проживала в Воронеже. Она предоставила биографам своей тети Е. Л. Кушелевой сведения о ее жизни, так как от рождения до 24 лет (1898 г.) воспитывалась в доме своей бабушки, Н. Е. Кушелевой. Вторая дочь, Вера Александровна, была замужем за жителем Кутаиси Махарашвили, выдававшим себя за грузинского князя. Ю. Г. Попов на основе опроса старожилов и документов, отложившихся в отделе рукописей РНБ, по крупицам собрал сведения о судьбе В. А. Кушелевой (Махарашвили) и ее сына Петра в послереволюционные годы. В советское время они были лишены избирательных прав, находились в тяжелом материальном положении, не имели собственного жилья. После 1930 г. сведений об их судьбе нет. Возможно, в годы массовых репрессий их могли выслать за пределы района [13, с. 15—16].

О судьбе второй дочери Л. И. Кушелева Софьи (ок. 1850—?) сведений не удалось найти.

Революционная деятельность Елизаветы Лукиничны Кушелевой (01.11.1850—23.02.1919) отражена как в научных, так и в художественных произведениях. Ее биографы полагают, что большое влияние на нее оказали демократические идеи Н. Г. Чернышевского. Вступив в фиктивный брак с Михаилом Николаевичем Томановским, она в 1868 г. уехала в Швейцарию. Входила в состав русской секции 1-го Интернационала, была участницей Парижской коммуны и основательницей Женского союза для защиты Парижа и помощи раненым. Командовала женским батальоном. В дальнейшем она отошла от политической деятельности, вышла замуж за И. М. Давыдовского, осужденного за мошенничество по делу «Клуба червонных валетов». Вместе с мужем и двумя дочерьми проживала в ссылке в с. Назарово Ачинского округа, затем в казачьей станице Базаиха Красноярской губернии. Члены семьи занимались земледелием. После окончания ссылки семья поселилась в Красноярске, где проживала по одним сведениям до 1913 г., по другим — до 1905 г. [14]. Последние годы жизни Елизаветы Лукиничны малоизвестны, отрывочные сведения о

них приведены в работе И. С. Книжника-Ветрова и других исследователей [7, с. 58—62; 15]. Она умерла в феврале 1919 г. в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.

Стараниями администрации и учителя школы с. Волок Михаила Михайловича Михайлова на территории бывшей усадьбы Кушелевых 18 марта 1975 г., в день 104-й годовщины Парижской коммуны, был открыт мемориальный дом-музей Е. Л. Дмитриевой-Томановской. В постсоветское время его экспонаты увезли в Тверь.

От усадебного комплекса, который был построен в конце XVIII — второй половине XIX в., сохранились лишь валунные мосты начала XIX в., 3 хозпостройки и парк с каскадными прудами [16]. Двухэтажный (по другим сведениям — трехэтажный) барский дом с наклонной крышей, 22 комнатами, мезонином и флигелем в китайском стиле не сохранился. В имении был разбит фруктовый сад с оранжереей, гротом и родником.

Последним владельцем имения стал Владимир Лукич Кушелев. В 1872 г. он поступил на службу юнкером в школу кавалергардов, 10 августа 1873 г. из эстандарт-юнкеров был произведен в корнеты кавалергардского полка. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. повышен до поручика и на протяжении полугода служил в должности полкового квартирмейстера. Восемнадцатого августа 1877 г. был прикомандирован к лейб-гвардейскому атаманскому казачьему полку, 16 января 1878 г. зачислен по гвардейской кавалерии и награжден орденом Св. Анны 4-й степени, который вручался офицерам за боевые заслуги. Уволился в отставку 21 декабря 1878 г. в чине штабс-ротмистра с мундиром [4, с. 294].

Гражданская служба В. Л. Кушелева началась в 1879 г. в ведомстве государственного контроля, где он прослужил до 1887 г. В 1890—1899 гг. был чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе. В 1892 г. произведен в статские советники, в 1894 г. пожалован орденом Св. Владимира. В 1900—1905 гг. трудился в Сибири [17, с. 382], возможно, в военно-топографической службе.

Владимир Лукич интересовался рыбным промышленным промыслом и увлекался рыболовством, что подвигло его весной 1884 г. совершить поездку в Норвегию, на полуостров Рыбачий и в Мурманск, а впоследствии написать научно-популярную книгу, в которой были проанализированы научные и литературные источники, описаны его дорожные впечатления, дана характеристика состояния и особенностей китового и трескового промысла в Норвегии и в Рос-

сийской империи. В. Л. Кушелев обратил внимание на значение лова различных видов рыб: кандалакшской сельди, корюшки, наваги и семги. Он писал об актуальных проблемах, связанных с организацией артельного промыслового лова рыбы, предлагал конкретные меры для улучшения промысла рыбы, справедливо отмечая его большое значение для развития Русского Севера [18].

Кроме государственной службы Кушелев принимал активное участие в деятельности дворянской корпорации, а также в работе земских учреждений. В 1883—1885 и 1889—1891 гг. избирался гласным земского собрания Холмского уезда. На протяжении 20 лет был гласным Псковского губернского земского собрания. В 1892 г. написал брошюру, посвященную организации земской противопожарной безопасности [19]. На протяжении 9 лет его избирали в почетные мировые судьи; в 1904 г. он по собственному желанию ушел в отставку. В 1911—1912 гг. вошел в состав губернской землеустроительной комиссии. Был попечителем пяти начальных народных школ Холмского уезда: двух церковно-приходских в погосте Волок (открыты в 1882 и 1891 гг.), церковно-приходских в д. Шешино и Монастырёво и земской в д. Тяполово, открытой в 1908 г. В 1885 г. погост и усадьба Волок относились к Галибице-Немчиновской волости Холмского уезда Псковской губернии. На погосте была православная церковь, часовня и 6 дворов (19 жителей). Усадьба, расположенная рядом (12 дворов и 40 жителей), принадлежала Кушелевым.

Имение В. Л. Кушелева было одним из самых крупных в Холмском уезде. По данным Памятной книжки Псковской губернии за 1913/14 г., он владел 2257 дес. земли в Волоке с тремя приселками в Ровенской волости (пахотная земля — 277 дес., луговая — 86 дес., выгонная — 992 дес. и лес — 891 дес.), а также 962 дес. земли в с. Дружево Столопенской волости. Его имение представляло собой многоотраслевое хозяйство, в нем находились винокуренный, лесопильный, ректификационный, костемольный, кирпичный заводы, винная и мелочная лавки, а также случный пункт государственного коннозаводства [20]. Одной из статей дохода имения было молочное скотоводство.

В годы первой российской революции начался новый этап в деятельности В. Л. Кушелева. Он стал одним из организаторов I съезда уполномоченных дворянских собраний, приняв участие в заседаниях совета по его проведению, на которых была обсуждена программа съезда и созданы комиссии для подготовки докладов и проектов ре-

злющий. В дальнейшем как делегат от дворянского собрания Псковской губернии В. Л. Кушелев принимал участие в полемике по экономическим и политическим вопросам, обсуждаемым на общедворянских съездах, неоднократно избирался в различные комиссии по подготовке заключений. Он не оставался в стороне от дискуссий, остро полемизируя практически по всем вопросам, критиковал деятельность левых политических партий.

Анализ его выступлений на заседаниях съездов дает возможность не только выявить его политические взгляды по актуальным вопросам развития русского общества, но и реконструировать позицию псковского дворянства, отношение регионального дворянства как к политической ситуации в России, так и к деятельности дворянских лидеров.

При обсуждении на I съезде уполномоченных губернских дворянских обществ аграрного вопроса он выступил с предложением о создании специального комитета для решения аграрного вопроса. Но его предложение не было поддержано участниками съезда.

Кушелев считал, что причины аграрного движения крестьян кроются не столько в малоземелье, сколько в отсутствии юридических прав в крестьянском землевладении, что дало различным партиям «готовую почву для социальной пропаганды о национализации земли» [17, с. 86]. Земельные наделы крестьян в северо-западных губерниях достигали 6 дес. на душу, однако в большинстве своем почва была малопродуктивная и нуждалась во внесении удобрений. Выступая с критикой общинного землевладения, В. Л. Кушелев утверждал: «...следует дать крестьянину работать на себя, на свою семью...» [17, с. 106]. Он подчеркивал, что для того, чтобы крестьянин был заинтересован в результатах своего труда, необходимо сделать землю частной собственностью.

Политическое размежевание на региональном уровне затронуло и дворянскую корпорацию. Объединенная дворянская организация выражала взгляды консервативно настроенных помещиков. Причем в ряде губерний — Воронежской, Орловской, Псковской и др., где сильны были позиции либералов, членов конституционно-демократической партии, Союза 17 октября и мирнообновленцев, на съезды избирались не предводители дворянства (М. А. Стахович, граф П. А. Гейден), а более умеренные члены корпорации.

В. Л. Кушелев, считая себя выразителем мнения псковского дворянства, неоднократно подчеркивал, что для того, чтобы высказы-

ваться об актуальных политических вопросах, дворянство должно осознать свою роль в политическом процессе и свой статус в социальной системе России [17, с. 66, 299]. Он полагал, что, с одной стороны, дворянство не должно образовывать политическую партию, поскольку «его роль — быть залогом процветания русской жизни, заботиться о развитии коммерческом и бытовом» [17, с. 308]. С другой стороны, оценивая результаты выборов в I и II Государственные думы, он призывал к взаимодействию с местной буржуазией.

Говоря о политической ситуации в годы первой российской революции, Кушелев с горечью отмечал успешность радикальной политической пропаганды, направленной «против Царя, против устоев государственности, против собственности». Особенно его возмущал тот факт, что подписавшие Выборгское воззвание дворяне были осуждены не более чем на 3 месяца тюрьмы. С трибуны III съезда уполномоченных губернских дворянских обществ он патетически восклицал: «Если мы живем в таком государстве, то надо продавать имени и уезжать, а в России жить не стоит!» [17, с. 327].

Отношение представителей высшего сословия к созданию и деятельности объединенной дворянской организации было неоднозначным, что показала полемика по поводу устава во время III съезда. Октябрист А. Н. Брянчанинов заявил, что «весь Устав и вся деятельность Съезда была Псковским дворянством подвергнута жесточайшей критике», а сам он, в связи с обсуждением придания особой роли Постоянному совету как выразителю интересов всего дворянства, считает деятельность съезда «вредной» [17, с. 348—349]. Возражая ему, крайний правый монархист Д. Д. Ивашинцев отметил, что в корпорации псковских дворян существуют две совершенно противоположные политические группировки. Причем половина дворянства поддерживает «даровитого и талантливую гр. Гейдена» и разделяет его политические взгляды, но тем не менее псковское дворянство поддержало идею сословного объединения.

На съездах неоднократно дебатировался вопрос о снижении в российском обществе роли дворянства. По мнению В. Л. Кушелева, объективные и субъективные факторы (экономические и социальные изменения, мобилизация дворянского землевладения, рост оппозиционных настроений в обществе, сословный эгоизм, реакционность и косность отдельных представителей сословия) способствовали этому процессу. Он призывал дворянство к отказу от эгоистических устремлений и сплочению на умеренной политической платформе

[17, с. 346—347]. Негативным было отношение Кушелева к кадетам, чью деятельность он неоднократно критиковал. «Не надо забывать, — отмечал он, — что у нас масса чиновников — кадеты, весь суд заражен этим движением, нельзя поручиться за убеждения даже высшего лица» [17, с. 371]. Возможно, в 1905—1907 гг. он примыкал к партии октябристов, о чем завуалировано говорил на III съезде («...большинство из нас — октябристы»), однако точных сведений об этом не имеется [17, с. 382]. Ряд высказываний В. Л. Кушелева с трибуны съездов объединенного дворянства дает возможность отнести его к числу умеренных правых консерваторов. Так, на реплику А. Н. Брянчанинова, назвавшего на V съезде В. И. Гурко гражданином, он заявил: «Здесь Всероссийский съезд дворян. При обращении к отдельным нашим членам я прошу, чтобы их называли "дворянин". Я не желаю быть гражданином» [21, с. 71].

Поместное дворянство достаточно негативно оценивало деятельность Крестьянского поземельного банка в годы проведения столыпинской аграрной реформы. Дворянские депутаты единодушно обвиняли его в «преступной революционной деятельности», «государственных преступлениях», выразившихся в уничтожении культуры земледелия, снижении цен при продаже дворянских имений [21, с. 132—134]. В. Л. Кушелев в своих выступлениях затрагивал проблемы мелкого кредита и необходимости создания образцовых хозяйств как «оазиса культуры» среди населения [17, с. 462—463, 491—492]. Он возмущался «недопустимой политикой» Дворянского банка, «кадетствующей бюрократией», вмешивающейся в отношения продавцов-дворян и покупателей-крестьян [21, с. 322, 327]. Однако он был противником предоставления каких-либо льгот дворянам при продаже имений, а предлагал на государственном уровне изменить политику Дворянского банка, прежде всего в плане предоставления помещикам льготного ипотечного кредита и разделения управления Дворянским и Крестьянским банками [21, с. 329—331, 337—338, 391, 574].

Представители губернских дворянских собраний инициировали обсуждение на съездах мер, необходимых для экономической стабилизации помещичьего землевладения, пытались разработать комплексную экономическую программу. На V съезде в ходе обсуждения доклада Самарского губернского предводителя дворянства А. Н. Наумова «о капитализации из 4% благотворительного налога при продаже дворянских земель» В. Л. Кушелев выступил с предло-

жением создать единый общеимперский дворянский фонд для поддержки сословия. Он предложил направлять эти средства на стипендии для нуждающейся дворянской молодежи [21, с. 23—24]. Также он неоднократно высказывался в прениях на V и VI съездах в рамках обсуждения докладов С.Ф. Шарапова и В.И. Гурко, посвященных экономическим вопросам. Он предложил «обратить внимание правительства на то, что необходим коренной пересмотр экономического положения государства и изыскания новых источников обложения» [21, с. 403]. Поддерживая в целом идею Н.А. Павлова об «объединении дворянства на почве экономической», он с сожалением отметил отсутствие в его докладе четкой программы действий и предлагал рассмотреть идею всесословного объединения [22, с. 286—289].

На III съезде уполномоченных дворянских обществ 32 губерний В.Л. Кушелев был избран в комиссию для обсуждения оснований местной реформы. Свои мысли по этому поводу он обобщил в брошюре, изданной в 1912 г. [23]. На IV съезде, выступая по вопросу представительства от дворянства в Государственном совете, он ратовал за избрание в его состав консервативных элементов для сдерживания «порывов, непосильных для государства» [17, с. 544]. Как известно, конфликт дворянства с П.А. Столыпиным по поводу реформы местного управления проявлялся на всех уровнях корпоративных учреждений. Выступая в прениях по данному вопросу на IV съезде, В.Л. Кушелев заявил, что «резкая ломка только дискредитирует правительственную власть». Тем не менее он признавал, что в северо-западных губерниях необходимо допустить до избрания в общественные учреждения землевладельцев недворянского происхождения [17, с. 576—577]. На V съезде он гневно осудил бюрократов, либералов, а также проект реформы, с пафосом заявив, что в случае проведения ее в жизнь произойдет «бескровный переворот» [21, с. 96—98]. Он с негодованием отмечал, что «среди правительства, среди депутатов Думы нет ни одной светлой головы, которая бы сумела вывести государство из настоящего положения» [21, с. 132].

На заседаниях съездов В.Л. Кушелев неоднократно высказывался по вопросам народного и высшего образования, подчеркивая необходимость воспитания таких качеств, как любовь к Родине, патриотизм, чувство уважения к частной собственности и труду [21, с. 367—369]. Он был избран в комиссию по выработке постановления VI съезда объединенного дворянства по вопросу о народном об-

разовании, в проекте которого отмечалось, что «первенствующей задачей школы, помимо образования, должно быть утверждение в народе религиозно-нравственных, патриотических и национальных начал» [21, с. 631]. В ходе полемики на VI и VII съездах он ратовал за связь и преемственность обучения на различных ступенях образования, согласованность программ обучения [21, с. 379, 582, 606, 616—621; 22, с. 47—50], введение прикладных знаний в курс начальной школы. Это предложение В.Л. Кушелева было принято съездом [22, с. 13—17, 255].

Крайне эмоционально и с националистических позиций прозвучало его выступление на VI съезде по вопросу о введении земств в Западном крае. Требуя введения преимущественных прав представителей русского населения во всех законодательных учреждениях, он последовательно отстаивал идею «Россия для русских», с негодованием отмечая притеснения русских дворян в западных губерниях [21, с. 428, 432—439]. Так же эмоционально прозвучали его выступления по финляндскому вопросу, в которых он призывал «внушить финляндцам, что всякое несправедливое отношение к русским гражданам в Финляндии есть вызов, брошенный всему Русскому государству», а также изъять Выборгскую губернию из ведения Финляндии [21, с. 506—507, 554, 556, 560, 562].

В оценке общеполитической ситуации и роли дворянства в жизни страны среди участников объединенной дворянской организации не было единства. Так, на IX съезде в связи с выступлениями ряда ораторов, отмечавших особую роль объединенного дворянства в определении правительственной политики, В.Л. Кушелев призвал объективно оценивать политическую ситуацию: «Вчера мне ужасно больно было слышать слова, что мы высоко держим знамя, что мы имеем какое-то значение. Мы ничего не значим. У нас власти нет» [24, с. 43]. Выступая на IX съезде с докладом о распространении хулиганства в деревне, он с горечью отмечал утрату дворянством авторитета среди крестьянства, подчеркивая «беспомощность дворянства» и отсутствие сильной власти в деревне. В связи с этим он сделал предложение ходатайствовать об учреждении коронного низшего суда, состоящего из уездного предводителя дворянства, городского головы и мирового судьи [24, с. 66—67]. На X съезде (2—6 марта 1914 г.) в пространном выступлении В.Л. Кушелев обращал внимание делегатов на необходимость урегулирования рабочего вопроса — отношений между крестьянами и помещиком — и сетовал на от-

существование правительственной помощи среднему производителю [24, с. 286—292]. На XII съезде он с болью предрекал: «...не сегодня-завтра колья появятся в руках у крестьян» [24, с. 615].

На XI съезде В. Л. Кушелев неоднократно выступал по вопросам антиалкогольной политики правительства [24, с. 452—454], на XII — по вопросам использования труда военнопленных на сельскохозяйственных работах [24, с. 812—815]. Как видим, социально-политические взгляды В. Л. Кушелева шли в русле охраны традиционных дворянских привилегий. В его выступлениях отсутствовала демагогия, а их содержание явно свидетельствует об умеренном консерватизме одного из ярких участников всероссийских дворянских съездов. В 1917—1918 гг. В. Л. Кушелев жил в своем имении. Был расстрелян в сентябре 1918 г. в г. Холм [13, с. 14].

Но наш дискурс был бы неполным без анализа жизни и деятельности потомков рода Кушелевых в XX в. Первой женой Владимира Лукича стала Ольга Петровна Семянникова (1860—1935), дочь Петра Фёдоровича Семянникова, совладельца Невского литейного и механического завода. Брак был заключен в 1879 г. в нем родилось трое детей: Георгий (Юрий, 1881—1913(1915?)), Кирилл (1885—1918) и Вадим (1887(1889)—1962). В ряде источников указано, что в 1915 г. Владимир Лукич умер [25] и Ольга Петровна осталась его вдовой. По-видимому, эти сведения не соответствуют действительности. Очевидно, Владимир Лукич развелся с Ольгой Петровной, так как 19 января 1914 г. он заключил второй брак и активно выступал на съездах объединенного дворянства до 1916 г.

После развода Ольга Петровна проживала в Санкт-Петербурге в особняке на ул. Бассейной, 11 (современный адрес — ул. Некрасова, 11, Дом литераторов) с двумя неженатыми сыновьями. Они служили ротмистрами в кавалерийских полках. Третий сын, Георгий Владимирович Кушелев, ротмистр в отставке, жил со своей семьей в соседнем доме, также принадлежавшем матери (Невский просп., 88).

Георгий Владимирович Кушелев получил образование в 1-м кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. После училища служил в лейб-гвардейском Гусарском полку, поручик (1905). Участвовал в экспедиции по Монголии. За труды и полученные им ценные сведения о военно-политической обстановке в Монголии был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1913 г. зачислен в запас гвардейской кавалерии. Участник Первой мировой войны, в ноябре 1914 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й сте-

пени с мечами [26]. Был ранен, находился на излечении в Ковенском госпитале. В 1915 г. трудился почетным мировым судьей в Юхновском уезде Смоленской губернии и, вероятно, в это время жил в имении Полнышево, принадлежавшем его матери (укажем, что О. П. Кушелева владела землями в Юхновском (с. Желанья и усадьба Полнышево) [27, с. 143] и Дорогобужском уездах (д. Пустошка) [28]). Возможно, он умер от ран 26 мая 1915 г. [29]. Георгий Владимирович состоял в браке с Марией Ермолаевной Чаплиной (16.01.1883—?). Его единственный сын Никита родился 11 октября 1906 г., жил по адресу г. Ленинград, улица Дорога в Сосновку, 1/3. Он был строителем, занимался расчетом сооружений, защитил диссертацию на тему «Работа связей в составных балках» [30]. Пережил блокаду, читал студентам лекции по курсу сопромата в Ленинградском политехническом институте до середины 1970-х гг. [31].

Кирилл Владимирович Кушелев в годы первой российской революции обучался в Горном институте, но курс не закончил. Ротмистр, на 1 января 1909 г. — поручик лейб-гвардейского Конного полка. Был женат на дочери коллежского советника Н. В. Спиридонова, владельца особняка Спиридонова (Санкт-Петербург, ул. Фурштатская, 58, в настоящее время это Дворец торжественной регистрации рождений «Малютка»). До 1917 г. особняк был собственностью Марии Николаевны Спиридоновой (Кушелевой).

Вадим Владимирович Кушелев получил образование в Пажеском корпусе (1909), после окончания которого был произведен в корнеты лейб-гвардейского Конного полка во 2-м эскадроне. Участник Первой мировой войны, полковник лейб-гвардейского Конного полка, с декабря 1915 г. — командир 5-го эскадрона. Во время Гражданской войны поступил рядовым в конный отряд генерала Дроздовского. Один из участников похода Яссы — Дон в конном полку [32]. Второго мая 1918 г. во главе двух эскадронов был послан в Сальский округ на помощь восставшим казакам. В Добровольческой армии и ВСЮР командовал Инородческим конным полком. С 4 апреля 1919 г. находился в распоряжении командующего войсками Закаспийской области. В начале 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. Эвакуирован из Новороссийска в Югославию. В эмиграции жил сначала в Югославии, затем во Франции. После Второй мировой войны переехал в Берлин, где зарабатывал на жизнь, давая уроки. Последние годы своей жизни провел в Марселе, в семье племянника. Умер 24 февраля 1962 г. [33].

Второй женой В. Л. Кушелева в январе 1914 г. стала француженка Фердинанда Евгеньевна Болай (1877—1956). В этом браке родилось двое детей: сын Даниил (1914 — ок. 1919) и дочь Нина (Надежда). После расстрела Владимира Лукича как заложника красного террора и разграбления имения вдова была выселена из него согласно постановлению Особой комиссии при Псковском губисполкоме № 35 от 2 декабря 1924 г. в числе 32 других помещиков Холмского уезда. Оставшись без средств к существованию, после долгих мытарств она вместе с дочерью добралась до Франции. Впоследствии Нина (Надежда) Владимировна вышла замуж (в замужестве Дюшман). Преподавала русский язык во французском лицее и воспитывала двоих детей. Несколькo раз она приезжала в СССР и посещала свою родину — с. Волок [34].

Подведем итоги. Реконструкция истории дворянского рода Кушелевых свидетельствует о том, что его представители оставили заметный след в истории России. В имперский период они приняли активное участие в военной службе, в работе органов государственного управления и местном самоуправлении. Среди членов семьи Кушелевых были либералы, революционеры и умеренные консерваторы. К числу последних относился псковский дворянин Владимир Лукич Кушелев. По завершении военной карьеры он сумел создать многоотраслевое хозяйство. Неоднократно избирался гласным в уездное земство, был мировым судьей. В качестве попечителя школ активно участвовал в общественной жизни уезда. Судя по всему, В. Л. Кушелев не был равнодушным к экономическим и политическим событиям в России. Об этом свидетельствует его литературная деятельность — издание книги и брошюр по экономическим проблемам и вопросам земского самоуправления. На эволюцию его взглядов, несомненно, оказали воздействие события первой русской революции 1905—1907 гг. и столыпинских преобразований. Но окончательно они оформились и стали достоянием элиты российского дворянства в ходе работы съездов уполномоченных губернских дворянских обществ. Анализ его концептуальных воззрений позволяет отнести дворянина В. Л. Кушелева к числу умеренных консерваторов.

Список источников и литературы

1. *Виноградов В.* Они сражались вдали от Родины. М., 1979.
2. *Дмитриева (Кушелева) Елизавета Лукинична* (1851 — после 1917) // Тверская область : энциклопедический справочник. Тверь, 1994.

3. *Ефремова Н., Иванов Н.* Русская соратница Маркса. М., 1982.
4. *Сборник биографий кавалергардов. 1724—1899: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ея величества государыни имп. Марии Федоровны полка / сост. под ред. С. Панчулидзева. Т. 1.* СПб., 1901.
5. *Попов Ю. Г.* Противоречивая судьба Луки Ивановича Кушелева // *Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года.* Тверь, 2002.
6. *Кокин Л. М.* Час будущего. Повесть о Елизавете Дмитриевой. М., 1984.
7. *Книжник-Ветров И. С.* Русские деятельницы I Интернационала и Парижской Коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М.; Л., 1964.
8. *Книжник-Ветров И. С.* Детство и юность Елизаветы Дмитриевой (К истории связей русских социалистов с Марксом) // *Каторга и ссылка.* 1930. № 11 (72).
9. *Российский государственный исторический архив.*
10. *Новиков Н. С.* У истоков великой музыки: Поиски и находки на родине М. П. Мусоргского. Л., 1989.
11. *Памятная книжка Псковской губернии на 1905/1906 гг.* Псков, 1906.
12. *Государственный архив Псковской области.*
13. *Попов Ю. Г.* Плоскошь, Бончарово, Князьи села. Путешествия краеведа по населенным пунктам Плоскошского сельского административного округа Тверской области. Торопец, 2004.
14. *Целищев И.* Заметки начальника штаба следопытов школы № 52 г. Красноярска // *Знамя труда.* 1977. 17 марта (№ 33).
15. *Попов Ю. Г.* Парижанка из Волока Елизавета Кушелева (она же Тома-новская, Дмитриева, Давыдовская). СПб., 2016.
16. *Тверская усадьба.* База данных усадеб и владельцев. URL: https://www.akra-city.ru/tverskaya_usadiba/vladelsy/1918.htm (дата обращения: 13.02.2021).
17. *Объединенное дворянство.* Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 1.
18. *Кушелев В. Л.* Мурман и его промыслы. СПб., 1885.
19. *Кушелев В. Л.* Возможный источник необходимых средств для введения и применения противопожарной гигиены в России. Псков, 1892.
20. *Памятная книжка Псковской губернии на 1913—1914 гг.* Псков, 1914.
21. *Объединенное дворянство.* Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 1.
22. *Объединенное дворянство.* Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 2.
23. *Кушелев В. Л.* Земский голос. Псков, 1912.
24. *Объединенное дворянство.* Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2002. Т. 3.
25. *Кушелев Владимир Лукич.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кушелев,_Владимир_Лукич (дата обращения: 13.02.2021).

26. *Разведчик* : журнал военный и литературный. 1914. №1255. Приложение «Высочайшие приказы» к журналу «Разведчик». С. 358. URL: http://www.svrt.ru/1914/0-books/rasv/rasv_1914-1255.pdf#page=34&view=FitBV (дата обращения: 13.02.2021).

27. *Чижев А. Б., Гурская Н. Б.* Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. Смоленск, 2009.

28. *Полднево.* Летопись исчезающих деревень. URL: http://www.poldnevo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259:2010-09-08-12-03-09&catid=52:2010-09-06-07-08-47&Itemid=55 (дата обращения: 12.02.2021).

29. *Разведчик* : журнал военный и литературный. 1915. №1281. С. 347. URL: http://www.svrt.ru/1914/0-books/rasv/rasv_1915-1281.pdf#page=17&view=FitBV (дата обращения: 12.02.2021).

30. *Кушелев Н. Ю.* Работа связей в составных балках : [дис.] / Ленинградский индустриальный институт, Гидротехнический факультет. Л., 1938—1939.

31. *Качурин В. К., Кушелев Н. Ю., Кипнис Я. И. и др.* Сборник задач по сопротивлению материалов : учеб. пособие для студентов высших технических учебных заведений / под ред. В. К. Качурина. М., 1970.

32. *Дроздовский и дроздовцы* / сост. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков. М., 2006.

33. *Офицеры* Русской императорской армии. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/> (дата обращения: 12.02.2021).

34. *Котов В. В.* Холм на Ловати и его земля. Псков, 2000.

**«Мама русского огурца»:
Екатерина Григорьевна Аверкиева (1852—1918)**

В статье впервые комплексно проанализирована рационализаторская и просветительская деятельность авторитетного аграрника-новатора конца XIX — начала XX в. Е. Г. Аверкиевой.

For the first time, the paper comprehensively analyzes the rationalization and educational activities of the authoritative agricultural innovator of the late XIX — early XX centuries E. G. Averkieva.

Ключевые слова: Россия, аграрная история, садоводство, овощеводство, Е. Г. Аверкиева.

Keywords: Russia, agrarian history, gardening, vegetable growing, E. G. Averkieva.

Екатерина Григорьевна Аверкиева родилась 27 ноября 1852 г. в имении Василево Клинского уезда Московской губернии. Ее отец, владелец имения Григорий Петрович Сорокин, генерал-майор артиллерии, состоявший в родстве с выдающимся композитором А. А. Алябьевым, принадлежал к известному дворянскому роду. Он был страстным огородником и приохотил к этому занятию единственную дочь.

Е. Г. Сорокина, выйдя замуж за помещика А. А. Аверкиева, приступила к практической работе в области садоводства и плодоводства в начале 1880-х гг. Василево, доставшееся ей по наследству от отца, быстро становится не только одним из центров аграрно-рационализаторских начинаний Подмосковья, но и «образцовым имением» для всей России. Примечательно, что на клинской земле жили и трудились многие аграрники-новаторы, в том числе выдающийся ученый Д. И. Менделеев (1834—1907), являвшийся видным

рационализатором [1, с. 7—28], членом Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), сыгравшего огромную роль в аграрной модернизации России [2]. Отметим также, что первым земским агрономом Клинского уезда был М. М. Пришвин. Кроме того, уезд издавна славился своим «теплично-огородным промыслом», которым занимались предприимчивые местные крестьяне: так, клинские огородники даже умудрялись выращивать огурцы к Рождеству Христову (успешно решая задачу, трудновыполнимую и в наши дни).

Таким образом, аграрные начинания Е. Г. Аверкиевой стали творческим продолжением местных хозяйственных традиций. Ее же личное хозяйство было признано современниками «эталонным устройством русского огорода». В Василево регулярно приезжали для обмена передовым научным и хозяйственным опытом ученые, агрономы и почвоведы из различных губерний России. Перенимали этот опыт и окрестные помещики.

В 1908 г. усадьбе Аверкиевой был присвоен статус сортоиспытательной станции (редчайший случай для частных имений дореволюционной эпохи), с учетом ее огромного авторитета в «промышленном разведении» различных культур. Станция внесла заметный вклад в разработку продуктивных сортов садовых и огородных культур подмосковного хозяйственного региона. О выведенных же Аверкиевой клинских огурцах писали даже в американских газетах, а принадлежавшее ей с. Василево современники называли «родиной русского огурца». Важный момент: все, кто приезжал к Аверкиевой, бесплатно получали элитные семена выведенных помещицей-новатором сортов.

В начале XX в. на базе ее имения была учреждена сельскохозяйственная школа, хозяйственно-просветительские достижения которой были затем продолжены в Козловском сельскохозяйственном училище. Добавим, что в нем уже в 1920-х гг. преподавала младшая дочь Д. И. Менделеева Мария Дмитриевна Кузьмина (Менделеева).

Отметим еще один важный момент: все хозяйственные рекомендации Е. Г. Аверкиевой предназначались прежде всего относительно небогатым «сельским хозяевам»: так, в ее популярном руководстве, посвященном «устройству» парников, особое внимание обращалось именно на дешевые парники, простые при монтаже [3]. Отмеченная тенденция четко прослеживается и в других печатных трудах Е. Г. Аверкиевой, включая руководство о садовых орудиях 1911 г. [4, с. 3—6, 9—12]. Особое внимание уделялось также садоводству в

условиях «средней полосы» России (Центрального Нечерноземья, согласно более позднему определению) [5]. К началу XX в. Е. Г. Аверкиева по праву признавалась одним из ведущих аграрников не только Подмосковья, но и всей России. Она внесла значительный вклад в селекцию отечественных сельскохозяйственных культур: ею было разведено более 200 (!) сортов, выведен тепличный сорт огурца «Клинский». Опубликовала она и целый ряд содержательных хозяйственных руководств и статей по садоводству и огородничеству. Написанные доступно и увлекательно, они не случайно пользовались большой популярностью [6—13]. Все печатные труды Е. Г. Аверкиевой были основаны не только на глубоком знании природно-климатических и хозяйственно-бытовых особенностей центрально-нечерноземных губерний России, но и на систематической многолетней селекционной работе. Она получила широкую известность и признание как первая русская женщина, ставшая садоводом и овощеводом — профессиональным специалистом по садовому и огородному хозяйству.

Значимость многолетней хозяйственно-просветительской деятельности Е. Г. Аверкиевой обусловлена также тем обстоятельством, что садоводство Центрально-Нечерноземной России в дореволюционный период носило, как правило, исключительно экстенсивный характер; сельское население обладало недостаточными сведениями об интенсивных, рациональных методах ведения рентабельного садового хозяйства. Общинные традиции экстенсивного природопользования тормозили развитие крестьянского садоводства в регионе [14, с. 1519]. Так, из Ярославской губернии сообщали, что «садоводство у крестьян и существовать не может, так как у них допускается, вопреки закону, передел даже усадебных участков, чем совершенно убито крестьянское садоводство, которое иначе могло бы служить большим подспорьем в хозяйстве» [14, с. 17]. Как убедительно доказал известный ярославский специалист-садовод М. А. Ошанин, «прогресс специальных культур совершенно не вяжется с общиной» (цит. по: [14, с. 18]). На то, чтобы убедить крестьянский «мир» в необходимости введения любых хозяйственных новшеств, требовались многие десятки лет. В результате энергичные, предприимчивые люди попадали «в кабальное подчинение» к общине и были вынуждены приспособливаться «к общему уровню отсталой среды» [14, с. 18—19]. В этих условиях подвижническая просветительская деятельность Аверкиевой, получившая общероссийскую известность, стала важ-

нейшим фактором интенсификации и качественного улучшения как крестьянского, так и помещичьего садоводства не только Подмосковья, но и всей Центральной России.

Особое внимание в рекомендациях Е. Г. Аверкиевой уделялось крестьянским хозяйствам [15], прежде всего тем, которые принадлежали наиболее инициативным и предприимчивым домохозяевам, стремившимся вырваться из пут общинного хозяйствования. Добавим, что ее подход совпадал с позицией руководства Императорского Российского общества плодоводства, члены которого еще в 1901 г. (задолго до начала столыпинских аграрных реформ) подчеркивали: «Ввиду того, что юридическая форма владения в виде общинного пользования надельной полевой землей не может содействовать разведению крестьянами плодовых садов, а также дорого стоящих огородов, желательно при новых отводах крестьянам казенной земли тем из них, которые того пожелали бы, отводить таковую на праве подворного владения» [16, с. 33].

При этом все хозяйственные руководства Аверкиевой были творчески адаптированы под конкретные природные и экономические условия Центрального Нечерноземья, что и обусловило их исключительную прикладную значимость. Примечательно, что такой подход разделяли и ведущие члены МОСХ — выдающиеся российские аграрники М. Г. Павлов, Я. А. Линовский, Д. М. Полторацкий, Е. С. Карнович и др., причем еще с дореформенной эпохи [17, с. 71—88; 18, с. 56—74]. Е. Г. Аверкиеву отличали и незаурядные личностные качества: исключительная трудоспособность, тесно связанная с высочайшим уровнем пассионарности. Ее живой интерес к новейшим аграрным научным разработкам и практическим методикам, как российским, так и зарубежным, сочетался с добротой и постоянной готовностью оказать помощь другим «сельским хозяевам» России (причем представителям любого сословия — и помещикам, и крестьянам, и купцам).

Е. Г. Аверкиева активно сотрудничала с ведущими аграрными изданиями: «Вестником садоводства», «Русским садоводством» и др. Написанное ею «Краткое руководство по огородничеству» было удостоено Большой золотой медали Императорского Вольного экономического общества, а также рекомендовано Ученым комитетом Министерства просвещения «для ученических и учительских библиотек сельских школ и для ученических библиотек учительских

семинарий». В 1908 г. Е. Г. Аверкиева выдвинула идею организации школы для обучения крестьянских детей основам рационального ведения сельского хозяйства. Местная помещица Е. Н. Фланден взялась за создание такой школы, которая в том же 1908 г. открылась в с. Фландено Васильевской волости Клинского уезда. В организации школы приняли активное участие как дворяне-землевладельцы, так и крестьянские общины, а также отдельные крестьяне, что свидетельствует о возросшем стремлении крестьянства к получению сельскохозяйственных знаний. Пожертвования внесли крестьяне следующих волостей: Васильевской (14 селений, 2 земские и 2 частные школы), Круговской (8 селений, 4 земские школы), Завидовской (4 селения, 1 церковно-приходская школа) и Логиновской (18 селений, 4 земские, 2 церковно-приходские и 2 школы грамотности) [19, с. 4]. Школа размещалась на пожертвованной Е. Н. Фланден земле площадью в 25 дес. Кроме того, для учебных целей использовалось имение самой помещицы (в 200 дес.) с рациональным скотным двором, молочным хозяйством, пасекой, птичником и хозяйственными угодьями. Это учебное заведение вызывает особый научный интерес, поскольку оно стало первой низшей сельскохозяйственной школой России нового типа, главной целью которой было «сообщить учащимся необходимые в крестьянском быту сведения по сельскому хозяйству и ремеслам», не отрывая при этом своих слушателей от привычного для них деревенского культурно-хозяйственного уклада [19, с. 3]. Теоретические и практические занятия проходили круглогодично. Наряду с общеобразовательными предметами учащиеся с 12 лет получали передовые сельскохозяйственные знания — как общие, так и специальные (применительно к местным хозяйственным условиям) [20]. Как отмечалось в печати, именно школ подобного типа («районных») «очень долгие годы недоставало России» [21, с. 294—295].

На протяжении 3 лет в Василевской школе прошли обучение 20 человек. В 1914 г. школа, в которой некоторое время преподавала и Е. Г. Аверкиева, перешла в ведение местного земства.

В 1910 г. в учебную программу школы была введена новая важная дисциплина — землемерие, необходимое в условиях рациональной перестройки сельского хозяйства. Систематическая работа в этом направлении велась и в других губерниях региона: так, уже с 1908 г. по ходатайству Ярославского губернского земства земле-

рие было введено в программу преподавания как городских, так и сельских двухклассных училищ губернии [22, с. 15]. В отдельных уездах Центрального Нечерноземья активно проводились сельскохозяйственные чтения и беседы.

Примечательно, что именно садоводству и огородничеству отводилась важная роль в общем процессе рационализации отечественных аграрных отраслей в начале XX в. [23, с. 5—6]. При этом отмечалось, что именно в Центральной России, невзирая на более суровые природно-климатические условия по сравнению с южными губерниями страны, необходимо развивать «промышленное огородничество и садоводство». Опорой для этого процесса должны были послужить местные сельскохозяйственные общества, а также инициатива и предприимчивость сельского населения [23, с. 6].

Значимость хозяйственной и просветительской роли многолетней деятельности Е.Г. Аверкиевой становится более явственной и весомой в контексте изучения роли женщин в сельском хозяйстве Центральной России в XIX — начале XX в. В современной российской и зарубежной историографии, уделяющей пристальное внимание гендерным аспектам отечественной экономической истории этого периода [24; 25; 26, с. 32—58; 27, с. 54—82; 28; 29, с. 67—99], крайне мало работ, касающихся данной проблемы [30; 31, с. 16—22]. В дореформенную эпоху женщины довольно редко оказывались объектом внимания предпринимателей и экономистов; этому способствовала и глубоко укоренившаяся в обществе практика патернализма [32; 33, с. 33—39]. Так, опубликованная в одном из журналов в 1843 г. статья хвалынского купца 2-й гильдии Афанасия Кочуева об успехах «купеческих дочерей» Аграфены и Анны Михайловых «по части садоводства и пчеловодства» является исключительным примером такого рода во всей русской периодической печати первой половины XIX в. [34, с. 189—191]. Автор отмечал: «Едва ли можно найти в женском поле этого сословия подобный пример трудолюбия и познаний в садоводстве и пчеловодстве» [34, с. 190].

Однако в дальнейшем роль женщин в рационализации отдельных аграрных отраслей постепенно возрастала. Как правило, это были помещицы-дворянки. Так, они принимали активнейшее участие в работе Комитета шелководства при МОСХ. Значительный вклад в рационализацию сельского хозяйства страны внесли сочинения Е.А. Авдеевой, ставшие хозяйственными руководствами для отечественных помещиков в новых рыночных условиях [35, с. 98—123].

К концу XIX в. расширился круг помещиц, владевших «образцовыми» имениями, в которых активно использовалась аграрная рационализация. Так, источники сообщают о 23 женщинах, успешно управлявших такими хозяйствами в губерниях Центрально-Нечерноземной России [36, с. 32—109]. Учитывая значительные трудности на пути приобщения россиянок к знаниям в тот период, это неплохой показатель, свидетельствующий об усилении интереса женщин к решению прикладных аграрных проблем [37, с. 62—75]. Кроме того, в конце XIX — начале XX в. в России на передний план выдвинулась задача организации женского сельскохозяйственного образования, которому уделялось в этот период большое внимание [38; 39, с. 125—157]. Наконец, именно в эти годы начинается процесс личностного и профессионального становления многих женщин, внесших большой вклад в теорию и практику сельского хозяйства страны в XX в. (первой в России женщины-агронома Е. К. Столицы [40, с. 15—20] и др.).

Вместе с тем в рассматриваемый период были заложены лишь основы для полномасштабного участия женщин в процессах аграрной модернизации; архаичные и социокультурные предрассудки все еще препятствовали этому, хотя у многих дворянок переход к бытовому «хозяйствованию» уже наметился [41, с. 315—323]. Не имели возможностей для участия в усовершенствовании сельского хозяйства страны (помимо своего будничного, но вместе с тем созидательного труда) миллионы женщин-крестьянок.

Рассматривая хозяйственно-просветительскую деятельность Е. Г. Аверкиевой, отметим, что в XIX — начале XX в. лишь отдельным российским женщинам удалось не только добиться успехов в развитии отечественных сельскохозяйственных отраслей и тесно связанных с ними производств, но и получить широкую известность в стране и за рубежом. В частности, к ним относились А. Л. Погоская (1847—1921) и известный специалист в области птицеводства О. М. Орлова, чьи просветительские установки были близки к идеям Е. Г. Аверкиевой [42, с. 370—371; 43, с. 28—33]. Особое значение приобрела в эти годы практическая реализация одного из ключевых принципов всей дореволюционной российской аграрной рационализации, а именно *творческого соединения традиций и новаций*. Именно такой подход привел в итоге к впечатляющим успехам аграрников-новаторов, включая и Е. Г. Аверкиеву. Вместе с тем фундамент этих достижений был заложен многими из них ранее: так,

благодаря широкой пропаганде «огородного и садового дела» во второй половине XIX в. произошел коренной перелом в отношении к нему русских женщин-дворянок. Дамы из «высшего света» получили возможность практически приобщиться к новому для себя виду активности на свежем воздухе — заботам о саде. Эти усилия отвечали нуждам новой эпохи — так, на страницах журнала «Сельский хозяин» отмечалось: «Русское сельское хозяйство без культурной женщины-хозяйки никогда не сможет подняться над тем жалким уровнем, на котором оно теперь находится, и всегда будет влачить однобокое существование, разорительное для самих хозяев и вредное для экономического прогресса страны» [44, с. 443].

В период Первой мировой войны Е.Г. Аверкиева, невзирая на преклонный возраст и усилившиеся хозяйственно-бытовые трудности, продолжала интенсивно работать, готовя к переизданию свои печатные труды (прежде всего хозяйственные руководства), которые продолжали выходить невзирая на военное время, что свидетельствовало об их востребованности. Так, в 1918 г. была опубликована сводная работа Е.Г. Аверкиевой «Практические советы по огородничеству», представляющая собою конвюлют из 24 выпусков выходявших ранее ее трудов по этой теме [45]. В том же трагическом для страны году были переизданы и другие ее труды: «Краткие сведения о посеве и уходе за огородными растениями» (М., 1918, 5-е изд.), «Морковь и редька» (М., 1918, 5-е изд.), «Салат и шпинат» (М., 1918, 3-е изд.), «Свекла» (М., 1918, 4-е изд.), «Семеноводство» (М., 1918, 3-е изд.). Отметим, что эти работы (фактически хозяйственные руководства) были значительно содержательнее аналогичных зарубежных печатных пособий, также издававшихся в те годы в России [46], поскольку опирались прежде всего на многолетний опыт российского экспериментального садоводства и огородничества, а содержащиеся в них рекомендации были адаптированы к условиям центральных губерний страны.

Продолжала Аверкиева публиковать статьи и в периодической экономической печати, в том числе на страницах «Земледельческой газеты», а также в «Вестнике садоводства, плодоводства и огородничества» — главном печатном органе Императорского (до февраля 1917 г.) Российского общества любителей садоводства. Вместе с тем уже к концу 1916 г. обстановка резко ухудшилась. «Пожар деревенской революции» (В.П. Данилов), разгоревшийся после февраля

1917 г. и отмеченный «самозахватами» чужой собственности и массовыми насилиями, а также резко обострившиеся военные, экономические, продовольственные и политические проблемы сделали невозможной реализацию большинства аграрно-просветительских начинаний. В период «с Февраля по Октябрь» 1917 г. огромный ущерб был нанесен всем аграрным отраслям России. Поскольку это тема специального научного исследования, отметим лишь весьма показательный момент, связанный с традиционной отраслью отечественного сельского хозяйства и любимым «детисцем» Аверкиевой — садоводством. В октябре 1917 г. в Москве прошел Всероссийский съезд садоводов, организованный Российским обществом любителей садоводства, на котором подробно рассматривались вопросы, касающиеся «положения и нужд» отечественного садоводства и огородничества. В его работе приняли активное участие ведущие российские аграрники: Н. И. Кичунов, В. И. Эдельштейн, М. В. Рытов, Е. И. Злобин и др. Участники съезда обратились 22 октября 1917 г. к Временному правительству с просьбой «защитить сады от революционного разгула», поскольку в условиях глубокого экономического и общественно-политического кризиса в стране сады подвергались безжалостному разорению со стороны местных крестьян и бежавших с фронта солдат-дезертиров, в результате утрачивались многолетние хозяйственные достижения садоводов-новаторов. Однако власти оказались неспособны помешать этим негативным явлениям; в итоге рациональное садоводство и огородничество оказались под угрозой полного уничтожения [47, с. 123—126]. Ни Временному правительству, ни общественным организациям, пытавшимся остановить хаос и разрушение сельского хозяйства, так и не удалось направить процесс «самоуправления» в созидательное русло.

Е. Г. Аверкиева скончалась в своем имении Василево 24 апреля 1918 г. Ей не довелось увидеть разгром и уничтожение в августе того же года местными крестьянами, которым она на протяжении многих лет оказывала хозяйственную и просветительскую помощь, своего любимого хозяйства, являвшегося важным «хозяйственно-культурным гнездом» Подмосковья. Однако расхищено оказалось не все имение: в дальнейшем именно на базе хозяйства Е. Г. Аверкиевой была основана сельскохозяйственная школа, традиции которой продолжило местное Козловское сельскохозяйственное училище.

В настоящее время бывшая усадьба Аверкиевых находится на территории Завидовского заповедника (официальной загородной ре-

зиденции президента Российской Федерации, с 1996 г. — Национального парка, согласно указу Б. Н. Ельцина), однако от нее уже мало что осталось...

Выводы, сделанные Е. Г. Аверкиевой в написанных ею содержательных печатных трудах, а главное — ее конкретные селекционные и хозяйственно-методические разработки, во многом опирающиеся на хозяйственный опыт предшественников и современников [48—51], не только нашли дальнейшее творческое продолжение в первые годы советской власти [52], но и сохранили свою научную и прикладную значимость к началу XXI в. [53, с. 185; 54, с. 15—97]. Примечательно, что это творческое наследие в настоящий момент используется в работе садового питомника в г. Клин; при этом местные саженцы адаптированы к погодным условиям средней полосы России (прежде всего Московской области) и могут зимовать под открытым небом [55]. Успешно развивается и местное садоводство в целом: так, в 2014 г. в Клинском районе Подмосковья насчитывалось уже 311 садоводческих некоммерческих товариществ, 292 из которых работали легально, выплачивая государству налоги [56]. Всего же в районе к этому моменту трудилось около 250 тыс. садоводов [56].

К сожалению, в современных исторических и аграрных трудах о Е. Г. Аверкиевой, этой талантливой подвижнице, упоминается крайне редко [57—59], в отличие от гораздо более известных в настоящее время ее современников и соратников (включая выдающихся ученых И. В. Мичурина, В. В. Пашкевича, Н. И. Кичунова, В. И. Эдельштейна, М. В. Рытова и Д. Л. Рудзинского).

Итак, анализ жизни и деятельности выдающегося аграрника-новатора конца XIX — начала XX в. Е. Г. Аверкиевой позволяет не только лучше представить развитие сельского хозяйства Центральной России этого периода (прежде всего садоводства и овощеводства, включая сортоизучение и интродукцию), но и полнее раскрыть малоизученные страницы аграрной и социокультурной истории нашего Отечества [60, с. 26—35; 61, с. 31—34].

Список источников и литературы

1. Китанина Т. М. Д. И. Менделеев и проблема аграрной эволюции России на рубеже XIX—XX столетий // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб., 1996.

2. Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820—1930 гг.) : в 3 т. М., 2020.

3. *Аверкиева Е. Г.* Парники. 4-е изд. М., 1912.
4. *Аверкиева Е. Г.* Орудия и приспособления для садовых и огородных работ. М., 1911.
5. *Аверкиева Е. Г.* Ягодные кустарники. Крыжовник, черная и красная смородина. М., 1911.
6. *Аверкиева Е. Г.* Заметки и наблюдения по садоводству и огородничеству. М., 1885.
7. *Аверкиева Е. Г.* Как довести запущенную клубнику до плодородия // Плодоводство. 1890. № 1–5.
8. *Аверкиева Е. Г.* Капуста кочанная, брюссельская, кольраби, брюква. М., 1898.
9. *Аверкиева Е. Г.* Клубника и месячная земляника. СПб., 1890.
10. *Аверкиева Е. Г.* Календарь работ. М., 1911.
11. *Аверкиева Е. Г.* Лук репчатый и чеснок. 4-е изд. М., 1914.
12. *Аверкиева Е. Г.* Хмель. М., 1903.
13. *Аверкиева Е. Г.* Устройство теплицы. Ч. 1—2. М., 1911.
14. *Карцов А. С.* Значение закона 9-го ноября 1906 г., о выходе из общины, для крестьянского плодоводства и огородничества. СПб., 1910.
15. *Аверкиева Е. Г.* Беседы об огороде для учащихся в сельских школах и грамотного народа. 7-е изд. М., 1904.
16. *Исторический очерк деятельности Императорского Российского общества плодоводства за истекшее десятилетие (1891—1901).* СПб., 1901.
17. *Козлов С. А.* Московское общество сельского хозяйства и аграрная рационализация в дореформенной России // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20.
18. *Козлов С. А.* Российские ученые-аграрники в 1820—1860 гг.: творческий синтез традиций и новаций // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Белгород, 2019. Т. 6, № 1.
19. *Карлов М.* Новый тип школы для крестьян // Вестник сельского хозяйства (ВСХ). М., 1908. № 47.
20. *Василевская школа крестьянского хозяйства им. Г. И. Фланден.* Тверь, 1910.
21. *Третьяков А. В., Галкин И. А.* Из истории Василевской школы крестьянского хозяйства в Клинском у. Московской губ. (начало XX в.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 2004. Вып. 3.
22. *Вести и слухи* // ВСХ. 1908. № 50.
23. *Крюков Н. А.* Что нужно для прогресса садоводства и огородничества в России при современных условиях. М., 1906.
24. *Russian women, 1698—1917: Experience and expression, an anthology of sources / comp., ed., annotated, and introd. by Robin Bisha.* Bloomington, Indianapolis, 2002.
25. *Марресе М. Л.* Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700—1861) / авториз. пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2009.

26. Ульянова Г. Н. Женщины — владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008.

27. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е гг. (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: Ежегодник. 2014—2015. М., 2016.

28. Валькова О. А. Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII — начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

29. Елина О. Ю. Дамы на полях: образование и карьера первых женщин-агрономов, конец XIX — начало XX в. // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10, №2.

30. Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX — начала XX в. Тамбов, 2015.

31. Козлов С. А. Женщины в аграрной модернизации Центральной России XIX в.: хозяйственные и социокультурные аспекты // Модернизация сельского хозяйства России: к 90-летию начала массовой коллективизации : матер. междунар. науч. конф. М., 2019.

32. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России: Опыт культурно-исторического анализа. Ростов н/Д, 1999.

33. Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.

34. Кочуев А. Пример трудолюбия для хозяек: Письмо к редактору // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1843. №11.

35. Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX — начала XX в.: Историко-биографические очерки. М., 2019.

36. Выдающиеся хозяйства России // Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Т. 2. СПб., 1900.

37. Веремко В. А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, №4.

38. Грудницкая Е. В. Развитие женского сельскохозяйственного образования в России: государственные меры и общественные инициативы: последняя четверть XIX — начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

39. Дубровская Т. А. Общественные и частные инициативы в развитии профессионального образования в пореформенной России, 1861—1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

40. Вахромеева О. Б. Первая в России женщина-агроном. Елизавета Константиновна Столица // XI Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925—1995) : сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч. конф. СПб., 2016.

41. Веремко В. А. Хозяйка на кухне: адапционные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX — начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) : матер. междунар. науч. конф. СПб., 2017.

42. Козлов С.А. Практическая школа птицеводства О.М. Орловой // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 2009.
43. Куликов В.В. Александра Погосская — апостол русской кустарной промышленности // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2015. №3 (33).
44. Рева И. Женское сельскохозяйственное образование // Сельский хозяин. СПб., 1896. 13 апр. (№24).
45. Аверкиева Е.Г. Практические советы по огородничеству. М., 1918.
46. Беттнер И. Сад и огород. Вып. I : Общие наставления по садоводству и огородничеству / пер. с нем. 2-е изд. М., 1914.
47. Козлов С.А. Садоводство // Россия в Первой мировой войне : энциклопедия : в 3 т. Т. 3. М., 2014.
48. Красноглазов Н.А. Правила плодородства в открытом грунте, оранжереях и теплицах. М., 1856.
49. Рудзкий А.Ф. Воспитание плодовых деревьев и кустарников в питомнике и их посадка в плодовый сад. СПб., 1895.
50. Рытов М.В. Русское огородничество. СПб., 1914.
51. Краткий очерк развития русского плодородства за романовский период истории России. СПб., 1913.
52. Пашкевич В.В. Сортоизучение и сортоводство плодовых деревьев. М. ; Л., 1933.
53. Леунов В.И. Селекционно-технологическое обоснование гибридного семеноводства моркови столовой : дис. ... д-ра с.-х. наук. М., 2002.
54. Куликов И.М., Принева Л.А. Научное обеспечение отрасли садоводства Нечерноземья за 80 лет // Плодородство и ягодоводство России. 2010. Т. 25.
55. Где купить саженцы в Клину. URL: <https://sadovodklin.ru/> (дата обращения: 10.05.2020).
56. В Клинском районе насчитывается 311 садоводческих товариществ. URL: <http://inklincity.ru/novosti/ekonomika/v-klinskom-rayone-naschityvaetsya-311-sadovodcheskikh-tovarishchestv> (дата обращения: 11.05.2020).
57. Петропавловский Б.И. Конаково и Конаковский район: Исторический очерк. Тверь, 2002.
58. Аверкиева Екатерина Григорьевна. URL: http://klinpedia.ru/wiki/Аверкиева_Екатерина_Григорьевна (дата обращения: 22.03.2015).
59. Аверкиева Екатерина Григорьевна // Писательницы России (материалы для библиографического словаря). URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-1.htm> (дата обращения: 22.03.2015).
60. Гармаш Т.П. Практический опыт прошлого в решении задач современного садоводства // История науки и техники. 2014. №8.
61. Беляков А.М. Система сортоиспытания как фактор обеспечения роста продуктивности сельскохозяйственных культур // Научно-агрономический журнал. 2020. №1 (108).

**Концептуальные направления изучения
социально-аграрной реформы 1861 года
в российской, английской и американской историографии**

Проанализированы основные для российской, английской и американской историографии концептуальные направления в сфере изучения причин, содержания и результатов социальной и аграрной реформы 1861 г. в России. С опорой на сравнительный метод показаны общие и отличительные черты различных точек зрения по данной теме. В соответствии с системным подходом представлено комплексное восприятие экономических и социальных аспектов реформы 1861 г., основанное на принципах и методах научного знания.

In paper are analyzed basic for Russian, English and American historiography directions in sphere of study of causes, content and results of social and agrarian reform started in Russia in 1861. On base of comparative method in paper are showed common and distinctive features of different viewpoints on these theme. In connection with content of system approach in paper is realized presentation of complex attraction of economic and social aspects of reform of 1861 based on principles and methods of scientific knowledge.

Ключевые слова: реформа, крестьянство, экономика, социальная система, модернизация, концепция, историография.

Keywords: reform, peasantry, economy, social system, modernization, conception, historiography.

В исследованиях, посвященных, с одной стороны, аграрным, а с другой — социальным аспектам развития российского крестьянства, одним из центральных объектов является реформа, юридические основания которой были определены подписанными императором Алек-

сандром II 19 февраля 1861 г. Манифестом об отмене крепостного права и «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Внимание к данному историческому событию, без обращения к которому не обходится практически ни одно исследование мировой историографии по данной проблематике, объясняется тем, что оценка его значения становится необходимой частью научных представлений о гораздо более широком дискурсе экономической, политической и социальной истории России. Применительно к политической истории определение эффективности и результативности аграрной реформы 1861 г. служит источником представлений о способности деятелей и органов государственной власти Российской империи проводить преобразования, изменяющие вместе со структурой землепользования структуру населения аграрных территорий. По отношению к социальным процессам изучение этого события становится опорным для обоснования и формирования выводов о соотношении традиционных и новых, вызванных трансформационными процессами групп людей, составлявших значительную часть населения России. Применительно к экономической истории исследование предпосылок, содержания и результатов аграрной реформы 1861 г., по существу продолжавшейся в своих основных направлениях до свержения монархической формы правления и установления системы двоевластия, выступало основанием для выявления специфики и определения периодизации внедрения капиталистических производственных отношений.

Кроме обозначенных дискурсивных контекстов предпринятые Александром II преобразования, получившие в период начала XX в. название «великих реформ», изучались также во внешнем контуре развития внешней политики российского государства и практики международных отношений, достигших для России критической точки в период Крымской войны 1853—1856 гг. Акцентирование значимости данного события, характерное как для советской, так и для зарубежной историографии, основывалось на убеждении большинства исследователей в том, что только значительные потрясения внешнего и внутреннего характера могли послужить стимулом для начала сколько-нибудь радикальных преобразований. Данная тенденция, по мнению ряда авторов, стала особенно заметной в XIX в. и сохранялась до изменения пути развития российского государства и общества в сторону выглядевшей альтернативой социалистической модели развития социально-политических и производственных от-

ношений. В частности, анализируя историю политической борьбы в России вокруг разработки, обсуждения и попыток реализации различных, в том числе социально-аграрных преобразований, С. В. Мироненко писал, что «именно с первой четверти XIX в. идет отсчет длительных и мучительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Иными словами, именно в это время началось так и не получившее полного завершения превращение монархии феодальной в монархию буржуазную» [1, с. 3].

Высокая степень абсолютизации роли поражения России в Крымской войне, ставшего, как утверждалось, следствием изоляционизма представителей правящей элиты российского государства от передовых в индустриальном отношении стран Западной Европы и архаичности внутреннего политического устройства, была характерна для исследований британских авторов второй половины 1980-х гг. В частности, английский историк Д. Хайт писал в своей опубликованной в 1989 г. монографии: «Российская внешняя политика частично детерминировалась внутренним развитием. Стремление утвердиться в качестве великой державы также определялось отменой крепостного права и индустриализацией. К тому же основные войны, в которые она была вовлечена, имели значительный социальный эффект» [2, р. 14].

Констатация наличия прямой связи между принятием решения о подготовке реформы, направленной на постепенную отмену крепостного права, и стремлением представителей правящей политической элиты России обеспечивать ее успешную конкуренцию с западноевропейскими государствами основывалась на двух положениях, имевших методологическое значение. Первое из них заключалось в том, что у российского государства не было иного возможного пути комплексной — политической и экономической — модернизации, кроме ориентации на так называемый «западный» путь развития. При этом представители английской и американской историографии, начиная с момента возникновения данного тезиса и до настоящего времени, не исключали того факта, что данный путь может привести к негативным последствиям, связанным с дезориентацией как для властных структур, так и для большинства представителей управляемого ими общества. Сущность второго положения заключалась в том, что вынужденный характер данного движения в сфере социально-экономических преобразований объяснялся возраставшей с середины 1850-х до начала 1910-х гг. зависимостью перспектив прогрес-

сивной эволюции всей российской хозяйственной системы от степени ее интегрированности в сферу мировых производственно-экономических отношений. Сохранение при этом движении традиционных форм социально-политической системы, связанных, в частности, с преобладанием крупных и среднemasштабных форм феодального землевладения и стремлением представителей традиционных, некапиталистических сословий получать привилегии от поступления внешних инвестиций, приводило к появлению бесперспективных гибридных явлений, имевших структурный характер.

Одним из таких явлений был так называемый военно-феодальный империализм, с экономической точки зрения обозначавший форму и инструмент влияния представителей класса поместных землевладельцев как на принятие внешнеполитических решений, так и на обеспечение их реализации хозяйственными ресурсами. При этом исследователи указывали на возрастающий характер противоречий между стремлением к конкурентоспособности с наиболее развитыми странами западного мира и теми институциональными инструментами, которые сохранялись представителями правящей элиты, имевшими в основном феодально-аристократическое происхождение.

В отечественной историографии данная точка зрения была особенно характерна для периода с середины 1930-х гг., когда была завершена дискуссия между сторонниками «денационализаторской» и «национализаторской» концепций и стала актуальной не столько научная, сколько идеологическая задача доказательства значительных достижений советских партийных и государственных структур в сфере построения социалистической экономики. Ее решение было возможным либо за счет демонстрации каких-либо уникальных результатов в сфере хозяйственного развития, либо путем как можно большего принижения исходного уровня развития российской экономики по сравнению с экономическими системами стран Западной Европы, достигшими более высокой эффективности в своем развитии. При этом перед исследователями стояла задача доказать, что причиной отставания являлись не объективные показатели недостаточности имевшихся естественных (территориальных, людских, финансовых) ресурсов, а структуры и деятели, обеспечивавшие формирование и реализацию политической власти в обществе и различных сферах социального развития. Именно в данном контексте советские историки, изучавшие в комплексном ключе вопросы политического и экономического развития России середины XIX — начала XX в.,

стали интерпретировать, в отличие от авторов, занимавшихся данной проблематикой позже, с начала 1960-х до конца 1980-х гг., понятие «военно-феодальный империализм». В частности, раскрывая его сущность, И. И. Минц в своей работе, опубликованной в 1940 г., писал:

В России та стадия развития капитализма, которую В.И. Ленин назвал империализмом, была достигнута в начале XX в. Но вообще в России командовала не буржуазия, не капиталисты, а крепостник-помещик. Вот этот своеобразный переплет, в котором экономически командует империализм, то есть империалистический капитализм, а у власти стоит крепостник-помещик, в руках которого военная сила, Ленин назвал военно-феодальным империализмом, т.е. таким империализмом новейшего типа, который весь оплетен густой сеткой старых средневековых отношений [3, с. 13].

В середине 1950-х гг. проблема зависимости российской экономики и обеспечивавших ее развитие институциональных структур от иностранных инвестиционных ресурсов отошла на второй план. В связи с подготовкой комплексных обобщающих исследований, посвященных хозяйственному развитию России на протяжении длительного исторического периода, советские историки, продолжая стереотипно оценивать отдельные частные явления (например, столыпинскую аграрную реформу), стремились реконструировать особый путь происходивших модернизационных процессов. Для изучения событий социально-аграрной реформы 1861 г. ключевое значение имело определение хронологических границ и содержательной специфики формирования капиталистических отношений, которое должно было основываться на сочетании отбираемого фактического материала со следованием концепции развития капитализма в России, изложенной В. И. Лениным в середине 1890-х гг.

Именно в этот период начинается вполне заметное, основанное на более фундаментальном восприятии доступных источников и фактического материала опережение отечественными исследователями того уровня в изучении отмены крепостного права и сопутствовавших ей событий, который был достигнут и в существенной мере сохранился до настоящего времени. В наибольшей степени достижения отечественных авторов в области анализа и обобщения различных комплексов документов по данной проблематике, сформировавшихся к середине 1950-х гг., были представлены во 2-м томе трехтомного исследования П. И. Лященко «История народного хо-

зайства СССР» [4]. Определяя итоги инициированных императором Александром II и представителями либерально настроенной части его окружения преобразований, Лященко, в частности, писал:

Реформой 1861 г. была расчищена почва для окончательного закрепления необходимых условий промышленного капиталистического развития, устранена правовая надстройка «внеэкономического принуждения» в виде крепостного права, в целом уже пережившая развитие своей экономической базы. Общие феодально-крепостнические основы абсолютистского политического строя царизма вместе с господством поместного дворянства сохранились и после реформы. Поэтому отдельные части старой экономики оказались настолько живучими, а социальная сила их настолько значительной, что новая экономика унаследовала от крепостничества тяжелое экономическое и социальное прошлое, наложившее отпечаток на характер и на темпы развития промышленного капитализма [4, с. 5].

Благодаря привлечению значительного фактического материала отечественные исследователи преодолели к середине — второй половине 1950-х гг. в лучших своих работах одномерность восприятия содержания аграрных преобразований, предпринимавшихся и в начале 1860-х гг., и в преддверии реформ. В рамках конструирования исторического дискурса большое методологическое значение имели исследования Н. М. Дружинина. Опираясь на значительный фактический материал, он провел отчетливо выраженную линию между преобразованиями, осуществленными под руководством П. Д. Киселева в отношении государственных крестьян [5], и модернизационными процессами, которые последовали в 1860—1870-х гг. применительно к юридическому и экономическому статусу частных крестьян [6].

Выстраивание хронологической и при этом диалектической связи между всеми преобразованиями в аграрной и крестьянской сфере, предпринимавшимися представителями правящей элиты России, давало возможность решить одновременно две задачи. Первая из них заключалась в том, чтобы показать наличие самих фактов осмысления, подготовки и проведения преобразований независимо от имевшихся частных разногласий по проблеме их периодизации. В рамках решения данной задачи исследователям удавалось продемонстрировать с опорой как на объективные показатели происходивших экономических изменений, так и на материалы их обсуждения и реагирования на них представителей высших органов государственной власти, что потребовало в проведении реформ и стремление их про-

вести в сбалансированном режиме были постоянными. Именно по этой причине, о чем свидетельствовали, в частности, итоги осмысления преобразований 1860-х — начала 1870-х гг. в так называемый досоветский период, российская социально-экономическая система сохраняла элементы устойчивости и способности к прогрессу вплоть до начала Первой мировой войны. Вторая задача, решение которой было близко интересам не только отечественных, но и практически всех зарубежных исследователей, состояла в том, чтобы показать незавершенность аграрно-крестьянской реформы в России и даже невозможность успешного ее проведения в условиях статичной структуры социальных отношений, доминирования дворянского землевладения, малоземелья на плодородных территориях и других объективных обстоятельств.

Примечателен тот факт, что даже после отказа подавляющего большинства авторов от использования теории общественно-экономических формаций для присваивания различным трансформационным процессам и иным объектам исторического познания типологических характеристик, обозначающих их принадлежность к капиталистической или феодальной категории, решение данной исследовательской задачи оставалось прежним. Причина этого заключалась в наличии доказательств незавершенности начатой на рубеже 1850—1860-х гг. социально-аграрной реформы практически во всех сферах развития российского общества и государства. Эти доказательства выявлялись и прослеживались на репрезентативном документальном материале применительно к длительному историческому периоду независимо от того, в каких временных рамках те или иные авторы обнаруживали признаки кардинального улучшения ситуации, выраженного в частичной либерализации складывавшихся в аграрном секторе социально-экономических отношений. В частности, активно отделявший свою концепцию от ортодоксальных теоретико-методологических построений Б. Н. Миронов, так же как и его предшественники из числа советских и современных российских авторов, приходил к выводу о том, что «в результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие свободных сельских обывателей и постепенно стали утрачивать сословные черты, но процесс этот происходил очень медленно вследствие того, что правительственная политика намеренно консервировала патриархальность деревни и поддерживала сословные признаки крестьян» [7, с. 123]. Данный процесс, по мнению Б. Н. Миронова, стал в замет-

ной мере близиться к окончанию на формально-юридическом уровне после обнародования указа от 5 ноября 1906 г., предусматривавшего значительное уравнивание прав представителей всех податных сословий, но и он был полностью завершен только в условиях революционных событий 1917 г.

Дихотомию последовательности и при этом незавершенности социально-аграрных преобразований в России подчеркивал и обосновывал в своих исследованиях И. Д. Ковальченко, введший в научную практику и успешно применявший сохраняющие актуальность методы объективного анализа экономических и связанных с ними общественных процессов. Выявляя наряду со многими другими исследователями архаические черты в развитии аграрного сектора и складывавшихся в его рамках социальных отношений, он считал необходимым в различные периоды своей научной деятельности акцентировать внимание на поступательном характере развития российской экономики на всем протяжении периода ее капитализации. Обоснованность данного исследовательского подхода заключалась уже в самой необходимости объяснения того, что процесс постепенного упадка многих поместных частновладельческих хозяйств не мог не сопровождаться заполнением возникавших «лакун» (например, приходивших в упадок частных владений) объектами, где могло появляться и развиваться капиталистическое предпринимательство. Решая соответствующий круг исследовательских задач, И. Д. Ковальченко, в частности, писал:

Говоря о сущности кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства, необходимо отметить ряд моментов, которые еще недостаточно учитываются исследователями. Прежде всего следует подчеркнуть, что разложение и кризис феодально-крепостнической системы хозяйства — это процесс, присущий системе социально-экономических отношений в целом... Совершенно очевидно, что для двух типов явлений, присущих социально-экономическому развитию в эпоху кризиса феодализма, ведущей и определяющей была тенденция прогрессирующего развития общественного производства на основе мелкотоварных и капиталистических отношений, ибо в ней выражалась основная суть исторического процесса — его поступательно-прогрессивный характер [8, с. 126—127].

Указывая на проявляющуюся вне зависимости от сдерживающих факторов последовательность трансформационных процессов, обусловленных в значительной мере социально-аграрной реформой 1861 г.,

отечественные авторы, делавшие свои выводы с использованием применявшейся В. И. Лениным терминологии, обнаруживали в сфере сельскохозяйственной модернизации России проявления не только «прусского», но и более передового — «американского» — пути развития. Этим их исследования отличались от содержания работ английских и американских историков, которые анализировали рассмотренные выше проблемы генезиса, сущности и последствий реформы 1861 г. главным образом в дискурсе сохранявшихся и не преодоленных эволюционным путем трудностей, обнаруживая их специфику как в экономическом, так и в социальном развитии российского государства.

Английские и американские исследователи, развивая применительно к сфере анализа и интерпретации событий российской истории положения стадияльной теории и логически связанной с ней теории модернизации, исходили из представления о том, что возможности развития рыночных капиталистических отношений и социальной мобильности определяются в существенной мере типом сложившейся политической системы. В этом плане характер формирования и реализации власти на территории государства по отношению к различным, в том числе действующим в аграрном кластере, слоям населения рассматривался в качестве базисного фактора для определения причин, сущности и последствий практически любых преобразований, к числу которых, безусловно, относилась социально-аграрная реформа 1861 г. Выявляя в качестве основного признака авторитарной политической системы стремление ее лидеров любыми, и не всегда репрессивными, средствами удерживать свои привилегии и влияние, представители англо-американской историографии, консолидированной в рамках такой системы теоретико-методологических координат, рассматривали уже сам процесс подготовки данной реформы как процесс внутренней интриги в рамках государственного аппарата. В частности, У. Мосс утверждал, что в ходе обсуждения программы преобразований сторонники постепенного реформирования социально-аграрных отношений «сверху» и политические деятели, решавшие задачу максимально полного сохранения традиционных дворянских привилегий, по существу представляли собой две конкурировавшие элиты. Они, согласно наблюдениям этого историка, «использовали взаимную критику как первоочередное оружие в защите своих имущественных интересов» [9, р. 36]. Данная точка зрения опиралась на документальные источники, свидетель-

ствовавшие о том, что при решении вопроса о регламенте проведения преобразований практически все координировавшие их подготовку представители высших уровней административного аппарата продумывали последствия планируемой реформы не столько для крестьян, сколько для того слоя общества, к которому принадлежали, и коррелирует с выводами ведущих отечественных специалистов в области политической истории России второй половины XIX в. Так, Л. Г. Захарова на основании изученных ею материалов дискуссий между реформаторами пришла к выводу о том, что «рассуждения Левшина и Ланского о среднем положении между безземельным и полноземельным освобождением крестьян плохо скрывали главную цель — сохранение у помещиков всей земельной собственности» [10, с. 54].

Изучение положений и выводов о содержании и итогах социально-аграрной реформы 1861 г., представленных в работах английских и американских историков, позволяет заключить, что под воздействием своеобразного политического детерминизма в отношении процессов развития российской истории эти авторы приходили к выводу о предопределенности неудачи данного модернизационного проекта. По существу, данная концепция соприкасалась с популярной в рамках совокупности глобальных объяснительных моделей теорией генезиса и циклического возникновения революционных ситуаций, при которых представители «верхов» в принципе не обладали конструктивным потенциалом, позволяющим сгладить социальные противоречия и установить необходимую для проведения успешных экономических реформ стабильность. В частности, при изучении исторического дискурса, влиявшего на внутренний опыт политических и социальных преобразований в России, уже применительно к рубежу XIX—XX вв. известный английский историк П. Гатрелл писал о том, что «реформы 1860—1874 гг. не гарантировали ни внутренней стабильности, ни внешней безопасности империи. Любая реформа создавала возможность для новых социальных групп действовать, а для оппозиции критиковать преобразования» [11, p. 13].

В качестве использованного авторами социально-аграрной реформы 1861 г. регулятора общественной стабильности среди представителей крестьянства английские и американские исследователи, так же как и обращавшиеся к данной проблематике ведущие отечественные эксперты Н. М. Дружинин и П. А. Зайончковский, обозначали институт общины. При этом они вслед за практически всеми

российскими учеными подчеркивали, что его наличие отвечало исключительно потребностям представителей органов государственной власти в обеспечении относительного социального порядка и при этом, по существу, исключало возможность изменения правового и экономического статуса крестьян. В частности, известный английский историк Т. Шанин в рамках своего концептуального анализа эволюции России как страны «развивающегося общества» писал о том, что изначальное консервативное содержание института общины уже в начале XX в. «побудило прежнее застойное общество, возглавляемое консервативным правительством, к радикальному политическому ответу и решительной эволюции» [12, р. 92].

Экономическое содержание и значение социально-аграрной реформы 1861 г. в ее дискретном (не обусловленном внутренним и внешним контекстом политического развития) качестве получали неоднозначную оценку в работах английских и американских исследователей. С одной стороны, они принимали факт безальтернативного развития капиталистических производственных отношений, охватывавшего с определенными коррективами и аграрный сектор. С другой стороны, очевидным и акцентировавшимся не только английскими и американскими, но и российскими учеными явлением было сохранение невысокого уровня жизни большинства представителей крестьянства. Именно в рамках изучения этой двойственности последствий проводившихся преобразований зарубежные авторы сформулировали оригинальную концепцию, выделявшую в качестве отдельных оцениваемых объектов стратегическое и тактическое значение как отмены крепостного права, так и других социально направленных реформ периода правления императора Александра II. Исследуя стратегические аспекты проводившейся в России 1860-х гг. модернизации, известная английская экономистка О. Крисп писала о том, что в результате преобразований этого периода «сформировались признаки экономического либерализма — необходимые ресурсы для создания условий, в которых частная инициатива сможет развиваться и определять модернизацию экономики как условие укрепления статуса великой державы» [13, р. 12]. Сущность восприятия тактического значения составлявших данную модернизацию реформ заключалась в том, что прогрессивные процессы в экономике не смогли в заметной степени позитивно сказаться на социальном положении крестьян. Разделявший данную популярную и в зарубежной, и в советской историографии точку зрения американский историк

М. Корт приходил к выводу о том, что осуществленное в 1861 г. «освобождение хотя и внесло несомненные изменения в положение крестьянства, но не способствовало улучшению материального положения этой категории населения» [14, р. 28].

Анализ, систематизация и обобщение подходов советских, российских, английских и американских авторов к исследованию причин, содержания и, в еще большей степени, значения социально-аграрной реформы 1861 г. свидетельствуют о том, что данное историческое явление занимало центральное место в разработанных ими концепциях. Приоритетное внимание к нему формировалось вне зависимости от того, было ли историческое исследование посвящено конкретно данной реформе или помещало ее обстоятельства в более широкий контекст. Значительная часть научных работ по данной проблематике создавалась, особенно в своей обобщающей части, под влиянием социально-научных теорий. С одной стороны, вне обязательной зависимости от поддержки конкретными авторами экономической теории марксизма события и последствия реформы 1861 г. изучались с точки зрения их связи с динамикой развития капиталистических производственных отношений. С другой стороны, наблюдалось и прослеживается постоянное воздействие на выводы практически всех исследователей теоретического аппарата и конкретных положений стадияльной теории и теории модернизации. При этом можно заключить, что приверженность методологии экономического детерминизма в сочетании с традицией широкого и одновременно глубокого анализа документальных источников привела отечественных авторов к более эффективным с научной точки зрения результатам и выводам по сравнению с их английскими и американскими коллегами, избравшими в качестве опоры принципы политического детерминизма. В то же время очевидным является тот факт, что в рамках использования научного подхода к изучению социально-аграрной реформы 1861 г. в историографических источниках, созданных представителями мировой исторической науки, уже сформирован комплекс достоверных наблюдений и выводов, которые могут стать основой для новых конкретных исследований, относящихся к различным регионам Российской империи.

Список источников и литературы

1. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

2. *Hite J.* Discovering history: Tsarist Russia. 1801—1917. L., 1989.
3. *Мицц И. И.* Импералистическая война и вторая русская революция. М., 1940.
4. *Ляцццко П. И.* История народного хозяйства СССР : в 3 т. Т. 2 : Капитализм. 4-е изд. М., 1956.
5. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. М. ; Л., 1946—1958.
6. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978.
7. *Миронов Б. Н.* Социальная история России (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 2. СПб., 1999.
8. *Ковальченко И. Д.* Сущность кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства // Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004.
9. *Mosse W. E.* Perestroika under the tsars. L. ; N. Y., 1992.
10. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861. М., 1984.
11. *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900—1914: the last argument of tsarism. Cambridge, 1994.
12. *Schanin T.* Russia as a developing society: The roots of overness: Russia's turn of century. L., 1985.
13. *Crisp O.* Studies in the Russian economy before 1914. L., 1976.
14. *Cort M.* The Soviet Colossus: The Rise and Fall of the URSS. N. Y., 1992.

Музыкант из помещиков

Из рядов уфимского дворянства вышла целая плеяда выдающихся деятелей культуры и науки Российской империи и Советского Союза, крупные военные и государственные деятели, знаменитые литераторы. Одним из них был выдающийся исполнитель русской народной музыки, балалаечник Николай Петрович Осипов, имя которого до сих пор носит Национальный академический оркестр народных инструментов России. Память о земляке хранилась среди местных жителей и была подтверждена архивными документами.

A whole galaxy of outstanding cultural and scientific workers of the Russian Empire and the Soviet Union, prominent military and state figures, famous writers emerged from the ranks of the Ufa nobility. One of them was the outstanding performer of Russian folk music, balalaika player Nikolai Petrovich Osipov, whose name is still borne by the National Academic Orchestra of Folk Instruments of Russia. The memory of the fellow countryman was kept among local residents and was confirmed by archival documents.

Ключевые слова: дворяне, помещики, культура, музыка, Российская империя, СССР, Южный Урал.

Keywords: nobles, landowners, culture, music, Russian Empire, USSR, South Ural.

Со второй половины 1917 г. по всей России началась стихийная ликвидация дворянских (и купеческих) поместий, в огне пожаров и хаосе хищений погибло колоссальное наследие. Нельзя не согласиться с историком С. А. Козловым, что «уничтожение крестьянами помещичьей усадебной культуры летом и осенью 1918 г. — одно из самых трагических событий в истории всей национальной культуры России» [1, с. 249].

В ходе реализации проекта по истории дворянского помещичье-го хозяйства Уфимского уезда Уфимской губернии [2] я неоднократно обращался к судьбам представителей местного дворянства, сделавших карьеру ученых, художников, литераторов, музыкантов, инженеров, оставивших яркий след в общественной жизни и культурном наследии нашего Отечества.

В последние годы в Башкирии вышел цикл публикаций по истории села Богородского (Сергеевка), лежащего к северу от Уфы. С ним связаны биографии целой плеяды значительных деятелей, от его основателя, участника наполеоновских войн полковника И. С. Сергеева до Н. Я. Киселева, спасшего в Великую Отечественную войну мирное еврейское население, оказавшееся в немецком тылу.

Автор большинства статей, замечательный краевед О. С. Мордовина (1950—2019), чьи работы выходили под моей редакцией, в разговорах часто напоминала о знаменитом русском музыканте, балалаечнике Николае Петровиче Осипове (1901—1945), имя которого носит Национальный академический оркестр народных инструментов России. Ольга Степановна рассказывала, как уже ее наставник в краеведческих изысканиях, также уроженец Богородского, учитель в соседнем селе Удельные Дуваней Иван Кузьмич Семенов (1915—2011), умирая, говорил: «Осипов-то наш, богородский, из рода дворян Сергеевых, разыщи непременно».

Действительно, сыновья основателя поместья Николай и Петр Ивановичи Сергеевы окончили институт путей сообщения в Петербурге. П. И. Сергеев, женатый на дочери командующего Башкиромещерякским войском А. С. Циолковской (из этого рода вышел выдающийся теоретик космических полетов), стал известным инженером, проектировал гужевые трассы через горы Южного Урала и дорогу от Оренбурга на Ташкент после завоевания Средней Азии. Он же спланировал первую железнодорожную магистраль Самара — Оренбург, являлся одним из первых паромодчиков.

Сын его Николай Петрович Сергеев стал известным земским деятелем в Уфимской губернии, а дочь Александра вышла замуж за Николая Осиповича Осипова, впоследствии тайного советника, крупного столичного чиновника, а тогда управляющего Уфимской удельной конторой. Именно семья дочери унаследовала фамильное поместье, регулярно приезжая сюда на летний отдых. В поместье велось немалое сельскохозяйственное производство.

В Уфе дочери Н. О. Осипова и составили партии. Евгения вышла замуж за А. И. Пильца, до эмиграции занимавшего должность иркут-

ского губернатора. Вторая дочь, Любовь Николаевна Осипова, вышла замуж за управляющего уфимским отделением Госбанка И. П. Грунского, впоследствии известного деятеля российской кооперации, одного из учредителей кооперативного Московского Народного банка. Иосиф Петрович Грунский был похоронен в с. Богородском, где вплоть до 1920-х гг. оставалась его вдова [3]. Именно И. П. Грунский выстроил в Уфе здание отделения Госбанка, и поныне украшающего историческую часть города.

Имение в Богородском в 1899 г. перешло по наследству к сыну Н. О. Осипова Петру Николаевичу Осипову (1871—1927), столичному чиновнику. На 1903 г. коллежский секретарь Петр Николаевич Осипов служил в Государственной канцелярии, проживал в Санкт-Петербурге на Захарьевской улице, 25 [4, с. 489]. К 1914 г. П. Н. Осипов уже коллежский советник, получил придворное звание камер-юнкера, продолжая служить в Государственной канцелярии, семья переместилась на Екатерингофский проспект, 14 [5, с. 488].

Хотя последний владелец пытался продать поместье банку, оно оставалось в его собственности до революции. В 1919 г. опустевший барский дом был взят на учет и занят под школу [6]. Вторым ребенком в семье последнего богородского помещика и являлся Николай Петрович Осипов.

О разговорах с О. С. Мордовиной я вспомнил, когда в самарском архиве, в фонде здешнего отделения Дворянского поземельного банка, где закладывали имения также помещики соседних Уфимской и Оренбургской губерний, получил архивное дело на имение Петра Николаевича Осипова [7, ф. 322, оп. 1, д. 375].

После обращения владельца поместья в Дворянский банк с просьбой о ссуде или покупке имения на место выезжал банковский оценщик, который составлял подробнейшую опись всего имущества с анализом всех документов, чтобы в банке точно представляли историю поместья и юридические права собственности заемщика на случай возможных претензий.

Именно материалы самарского архива поставили точку в поисках. Вероятно, с Петром Николаевичем приезжал его сын Николай (в 1909 г. в Уфе родился его брат Дмитрий), который слушал в имении местные народные мотивы. Так или иначе, среди сельчан знали, что сынок последнего барина стал музыкантом.

В семье Осиповых детей учили музыке. Маленький Ника однажды заболел, и отец, чтобы развлечь ребенка, купил ему игрушеч-

ную балалайку. Дворник, бывший солдат, обучил Николая игре, талант мальчика был очевиден, с ним стал заниматься артист Велико-русского оркестра А. М. Дыхов. Затем шефство над юным Николаем Осиповым взял сам руководитель оркестра, знаменитый В. В. Андреев. С этим коллективом в качестве солиста Н. Осипов выступал в 1911—1913 гг. в Дворянском собрании, Александровском дворце Царского Села, Мариинском театре.

В славной музыкальной биографии Н. П. Осипова выделяются два момента — концерты в Москве в 1930 г., когда он утвердил балалайку в качестве инструмента «высокой» музыки, и период Великой Отечественной войны. В 1941 г. из столицы шла эвакуация практически всех музыкальных коллективов, но затем спохватились, что для бойцов необходимо передавать концерты по радио. В августе 1941 г. из оставшихся исполнителей собрали оркестр, возобновив его деятельность. Выступали в основном по ночам, музыканты даже спали в радиокомитете. Заслуги Н. П. Осипова оценили уже в разгар войны — в октябре 1942 г. его удостоили звания Заслуженного артиста РСФСР. Скончался Н. П. Осипов в светлый день Победы, 9 мая 1945 г., самому же оркестру присвоили его имя [8, с. 83—93].

Из рядов дворян Уфимского уезда вышло не только большое число деятелей местной культуры и общественной жизни (первые историки-краеведы, литераторы, земские и государственные деятели) — немало прославилось их на общероссийском поприще. Среди них академик, историк П. П. Пекарский, автор романсов А. В. Тимофеев, геолог и советский академик А. Н. Заварицкий, агроном-рационализатор Н. К. Тимашев, реформатор пенитенциарной системы в Российской империи М. Г. Галкин-Врасский, знаменитая пианистка В. В. Тиманова, генерал от артиллерии Д. А. Топорнин, вице-адмирал флота СССР Ю. Ф. Ралль. К роду уфимских дворян Осоргиных принадлежит знаменитый русский писатель Михаил Андреевич Ильин (литературный псевдоним Осоргин).

Вышло немало статей о родственных связях уфимского дворянства, но остаются темы и для новых поисков. К примеру, в Белебеевском уезде Уфимской губернии на 1897 г. находилось имение наследников Гедда. Совладельцами числились Анна Михайловна Гедда, Василий и Михаил Гедда из Санкт-Петербурга, а также бежецкий нотариус Дмитрий Гедда [9, ф. И-336, оп. 1, д. 2918, л. 1, 19]. Среди уфимских помещиков были представители знаменитых фамилий Вяземских, Волконских, графов Толстых. Культурное наследие местного дворянства обещает еще много интересных открытий.

Список источников и литературы

1. *Козлов С.А.* Российские ученые-аграрники XIX — начала XX века: Историко-биографические очерки. М., 2019.
2. *Роднов М.И.* Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900—1917 годы. Уфа, 2020.
3. *Роднов М.И.* Деяния банкира // Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы. Уфа, 2016.
4. *Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб., 1903]. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга, Кронштадта, Царского Села, Павловска, Гатчины и Петергофа.
5. *Весь Петербург на 1914 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб., 1914]. Отдел III. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга, Гатчины, Колпина, Красного Села, Кронштадта, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа и Царского Села.
6. *Мордовина О.С.* Родословная семейства Сергеевых — Осиповых // Исторические портреты : в 5 т. Т. 2 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019.
7. *Центральный государственный архив Самарской области.*
8. *Сергеев В.И.* Братья // Река времени. 2016.
9. *Национальный архив Республики Башкортостан.*

В. Н. Никулин

Кожевенный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX века

На основе преимущественно опубликованных источников и литературы рассмотрено состояние кожевенного промысла крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. и его распределение по уездам. Охарактеризованы природные и социально-экономические факторы, способствовавшие распространению кожевенного дела в губернии. Отмечено появление артельной формы организации промысла. Показан рост сырьевой зависимости крестьян, занимавшихся кожевенным промыслом. Сделан вывод о том, что на рубеже XIX—XX столетий кожевенный промысел в Новгородской губернии по-прежнему занимал важное место в экономике крестьянского хозяйства, приобретая все более выраженный товарный характер.

The article considers the state of peasants' leather industry in the Novgorod Governorate in the second half of the 19th — early 20th century, as well as its distribution by counties, based on literature and predominantly published sources. The paper characterizes the natural and socioeconomic factors that contributed to the growth of tanning in the governorate, and it notes the appearance of an artel form of occupational organization. Furthermore, it shows the growing dependence of those peasants in the leather industry on raw materials. The paper concludes that at the turn of the 19th — 20th centuries tanning in the Novgorod Governorate still held a meaningful place in the peasant household economy, acquiring an increasingly pronounced commercial character.

Ключевые слова: артель, Новгородская губерния, крестьяне, промыслы (кожевенный, овчинный, шорный, сапожный, валяльный).

Keywords: artel, Novgorod Governorate, peasants, occupation (tanning, shearing, saddlery, shoemaking, felting).

Многочисленные и разнообразные крестьянские промыслы удовлетворяли многочисленные потребности и хозяйственные нужды сельского населения, оказывали большое влияние на социально-экономические процессы в российской деревне и повседневную жизнь каждого крестьянского хозяйства.

Для промыслов новгородских крестьян было свойственно распределение кустарей по всей территории губернии с отдельными, в большей или меньшей степени крупными по концентрации кустарей промысловыми центрами. В селах и деревнях трудились, как правило, мастера, представлявшие различные промыслы. По уездам кустарные промыслы на территории губернии были распределены неравномерно. Наибольшее число кустарей находилось в Белозерском, Боровичском, Кирилловском, Новгородском и Череповецком уездах. Значительно слабее были представлены промыслы в уездах Валдайском, Демянском, Крестецком, Старорусском, Тихвинском и Устюжском. Такая неравномерность объяснялась разными социально-экономическими и природными факторами, в том числе распространением посевов льна в юго-западных уездах. А поскольку обработка льна была трудоемка, длилась почти год и вовлекала в процесс не только женщин, но и мужчин, она не могла не сказаться на направлениях и темпах развития промыслов [1, с. 27—28].

Наибольшее распространение в губернии получили промыслы, связанные с обработкой дерева, что было характерно и для остальных северо-западных губерний — Псковской и Санкт-Петербургской. Лесными промыслами занималось около 15 тыс. крестьян. В обработку волокнистых веществ было вовлечено 11,5 тыс. человек. На третьем месте находилось примерно 6,5 тыс. кустарей, занимавшихся промыслами по обработке отдельных продуктов животноводства (см. табл.) [2, с. 267; 3, с. 52—53].

**Распределение кожевенных промыслов крестьян
Новгородской губернии в начале XX в. по подсчетам А. А. Рыбакова**

Уезд	Промыслы				
	Кожевенный	Овчинный	Сапожный	Валяльный	Шорный
Белозерский	64	64	54	177	9
Боровичский	47	44	666	135	16
Валдайский	21	29	72	25	14
Демянский	6	84	35	75	8
Кирилловский	75	63	178	86	19

Окончание табл.

Уезд	Промыслы				
	Кожевенный	Овчинный	Сапожный	Валяльный	Шорный
Крестецкий	1	14	13	1	1
Новгородский	2	42	74	39	14
Старорусский	4	127	134	50	5
Тихвинский	49	8	96	8	10
Устюжский	15	39	—	32	3
Череповецкий	20	161	2802	557	31
По губернии	304	675	4124	1185	130

Кожевенно-овчинные промыслы всегда занимали особое место в хозяйственно-бытовой жизни крестьян. Кожа широко употреблялась для разнообразных нужд сельских жителей. В каждом крестьянском хозяйстве имелся широкий набор изделий из кожи, начиная от одежды и обуви и заканчивая конской упряжью. С кожевенным промыслом было тесно связано овчинное производство, продукция которого пользовалась устойчивым спросом у населения. В свою очередь, с овчинным промыслом были интегрированы промыслы по шитью шуб, полушубков, шапок, рукавиц, валянию зимней обуви из шерсти и шорный промысел. Кожевенный промысел привлекал крестьян возможностью иметь существенный заработок, не уходя в отход, продолжая выполнять все работы, связанные с сельскохозяйственным производством и домашним хозяйством.

В 1899 г. земская управа Кирилловского уезда ходатайствовала перед Министерством земледелия и государственных имуществ о направлении в уезд специалиста по кожевенному производству. Он требовался для оказания помощи в развитии местного кожевенного промысла, который, с одной стороны, характеризовался широким распространением, с другой — отличался рутинными приемами выделки кожевенного товара и примитивной техникой, нарушением процесса производства, что сопровождалось крайне низким качеством выпускаемой продукции. В результате у крестьян, занимавшихся промыслом, возникали серьезные затруднения со сбытом своих изделий.

Ходатайство земства было удовлетворено, и министерство направило в Кирилловский уезд К. Р. Стронского — специалиста по коже-

венному производству. Отчет Стронского о поездке в 1899—1900 г. в Новгородскую губернию и о результатах проделанной им работы был позднее опубликован [4, с. 86—97].

Стронский пробыл в уезде 6 месяцев, побывал на большинстве так называемых кожевенных заводов в Бураковской, Зауломской, Волокославинской, Талицкой и Ферапонтовской волостях для ознакомления с организацией производства продукции и демонстрации передовых приемов обработки кожевенного сырья. Однако главным объектом его новаций стал завод крестьянина Алексея Блинова в д. Захарьино Бураковской волости. Выбор Стронского определился, видимо, тем, что этот завод находился в центре расположения других кожевенных заводов, а его владелец А. Иванов был инициатором обращения кирилловского земства за поддержкой в Министерство земледелия и государственных имуществ. Завод Иванова стал показательным учебным центром, куда приезжали кожевники из разных волостей, даже весьма отдаленных [4, с. 87].

Позднее, в мае 1902 г., с аналогичным заданием К. Р. Стронский был командирован на несколько месяцев Министерством земледелия и государственных имуществ в Устюжский уезд. Стронский ездил по деревням, где показывал местным кустарям новые приемы более совершенной и качественной выделки кожевенного материала. По просьбе земской управы Стронский написал обстоятельный отчет о состоянии кожевенного дела в уезде, рекомендовав создать в уезде учебную мастерскую и ввести должность постоянного инструктора по кожевенному производству [5].

Кожевенные изделия новгородских кустарей были традиционными и не отличались особым разнообразием. Кроме дубления кож, производимого весьма примитивными способами, крестьяне изготавливали кожаную и валяную обувь, а также шорные изделия. Из овчин шили крайне необходимую в зимнюю пору теплую одежду — тулупы, шубы, полушубки, рукавицы [6, с. 127—129]. Обувь, мужскую, женскую и детскую, деревенские мастера выделывали простую, предназначенную для использования преимущественно сельскими жителями. В некоторых случаях производство обуви было организовано в достаточно крупных мастерских с применением наемного труда. Владельцы мастерских использовали также в своих интересах труд значительного количества крестьян, работавших в домашних условиях. По социально-экономической характеристике такое

производство представляло собой рассеянную мануфактуру. Часть крестьян трудились, используя рабочую силу семьи и собственные инструменты [7, с. 514; 8, с. 9—10].

Производство сапог среди крестьян-мастеров считалось выгодным занятием, поскольку приносило более высокий доход, нежели выделка кожевенного сырья. Обувь, в том числе сапоги, чаще всего скупалась на базарах и местных ярмарках скупщиками, которые возили товар по губернии, а также за ее пределы. Часть кустарной обуви скупщики поставляли в городские магазины.

В зимнее время производство вытяжных и прикройных сапог из юфти активно практиковали крестьяне сел Богородское, Горка, Панкино, Фроловское, Донское, деревень Большое Шубацкое, Малое Шубацкое, Обухово, Новец и Угол Богословской волости Череповецкого уезда. В этом же уезде шили сапоги крестьяне деревень Волково, Жидихово, Сандаलोво, Слабеево, Ямышево Шухободской волости. Кожу покупали преимущественно в Череповце. Готовая продукция продавалась на ярмарках в Весьегонске, Кириллове, Устюжне, Череповце и в соседних селах. В 1878 г. сапожники д. Большое Шубацкое шили по подряду сапоги для военной части и получали по 60 коп. с пары сапог за работу. Череповецкий торговец Черняев поставлял сапоги, изготовленные мастерами Богословской волости, в одну из воинских частей Петербургского военного округа [9, с. 43].

На ярмарках кустари продавали мужские сапоги по цене от 3 руб. 50 коп. до 6 руб., женские — по 2—3 руб. и детские — от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. Отдельные крестьяне Богословской волости занимались катанием из шерсти сапог и изготовлением шляп [10, с. 6—8].

Если в Череповецком уезде крестьяне изготавливали преимущественно обувь, то в Устюжском уезде была своя специализация в кожевенном промысле. Большинство крестьян Кирво-Климовской, Мегринско-Синозерской и Черенско-Жерновской волостей занимались выделкой овчин из кож, поставляемых местными жителями. За сезон с октября по январь они зарабатывали от 10 до 60 руб. [10, с. 10]. Такая же ситуация в кожевенном промысле сложилась среди кустарей Белозерского уезда [10, с. 20].

По данным Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Главного управления земледелия и землеустройства, в середине 1890-х гг. выделкой кож и овчин занималось свыше 250 кустарей Белозерского, Боровичского, Кирилловского, Старорусского, Тихвинского и Череповецкого уездов губернии. В большинстве селе-

ний кожевенным промыслом занималось от 1 до 3 человек. Кожевники и овчинники трудились преимущественно по заказам местного населения, обрабатывая сырье заказчика. Необходимые для промысла ивовую кору и известь они приобретали в пределах уезда. За выделку одной шкуры мастера брали от 25 коп. до 1 руб. 50 коп. Заработок кустаря в отдельных случаях достигал 60 руб. в год, но чаще он не превышал 15—20 руб. [11, с. 9].

Изготовление обуви, в основном крестьянских сапог, было распространено во многих селениях Боровичского, Старорусского и Череповецкого уездов [12, с. 388—389]. Сапожники занимались производством сапог, как правило на заказ и из материала заказчика. Годовой заработок колебался от 10 до 60 руб. [11, с. 10]. Развитие сапожного промысла в Череповецком уезде было обусловлено тем, что с 1904 г. кустари стали получать заказ от интендантства, с которым установили связь подрядчики. В результате был установлен устойчивый канал сбыта готовой продукции. Крестьяне изготавливали сапоги у себя дома, получая через подрядчиков материал и казенную колодку. За пару сапог кустари имели от подрядчиков не более 1 руб. 10 коп.

Растущая зависимость части крестьян от подрядчиков вынудила их организовать в уезде артель сапожников. С 1911 г. члены артели при поддержке уездного Кустарного бюро стали получать заказы непосредственно от интендантства и отдельных воинских частей [13, с. 124]. Заработки сапожников были серьезным подспорьем для бюджета крестьянской семьи. Недаром широкое распространение имела поговорка о сапожниках: «Сегодня сапоги шьет, завтра пироги печет» [14].

Суровые климатические условия жизни населения Новгородской губернии заставляли людей заботиться о теплой одежде, которую изготавливали из овчины. Поэтому сельскими мастерами ежегодно производилось большое количество разнообразной одежды. Лучшим сырьем для изготовления полушубков считалась овчина романовской породы овец. Часть овчин завозилась скупщиками из юго-восточных губерний, но в основном новгородские кустари использовали местное сырье.

Готовая выделанная овчина продавалась дороже невыделанной (сырой). Обработка овчины занимала много времени, была тяжела и состояла из нескольких операций. Сначала сырые шкуры квасили в специальном чане в течение 3—8 суток. Затем их помещали в от-

дельный чан и пересыпали золой, перемешанной с известью, процесс этот назывался «золением». После 2—3 недель «золения» кожи обрабатывали специальными инструментами — «тупиками» — для удаления шерсти и мездры. Затем наступала очередь дубления кож. Операция дубления для кожевенного процесса была чрезвычайно важна. В результате дубления сырой материал становился прочным, пластичным и износоустойчивым. Эти свойства были крайне необходимы при выработке кожаных и меховых изделий.

При дублении сырые кожи помещали в чан, пересыпая их истолченной ивовой корой, заливали сложенные таким образом кожи водой, настоянной на дубовой коре, сверху помещали гнет. После дубления кожи сушили, мяли железным крюком и белили мелом. Выделка кож занимала время от 3 до 6 месяцев [4, с. 89]. Из-за нарушения технологии выделки (неправильное «золение», лишнее количество раствора извести, использование для ускорения процесса дубления серной кислоты и т. д.) полученная продукция имела невысокое качество. Готовые овчины сбывались преимущественно в пределах губернии.

Местными мастерами изготавливалась не только меховая одежда, но и теплая зимняя обувь. Для валяной обуви использовалась шерсть разных домашних животных. В Новгородской губернии в качестве сырья преобладала овечья и козья шерсть. Валенки и валяные сапоги производились в специальных нежилых помещениях. Валяным промыслом занимались зажиточные крестьяне-хозяева, державшие наемных работников, а также земледельцы, работавшие дома и получавшие от хозяев сырье. Отдельные крестьяне имели мастерские, в которых трудилось от 5 до 15 наемных рабочих, а кроме того, на них работали крестьяне-работники по деревням. Работники, жившие у владельцев мастерских, зарабатывали до 40 коп. в день. Доход самостоятельных мастеров в день колебался от 70 коп. до 1 руб. Сбыт валяной обуви производился преимущественно на сельских ярмарках и базарах [4, с. 90; 7, с. 515].

Как уже было сказано выше, к кожевенному производству тесно примыкал шорный промысел. Крестьяне-шорники изготавливали разнообразные предметы лошадиной сбруи: шлеи, уздечки, хомуты, седла, вожжи и т. д. Важным элементом шорного производства были хомуты, состоявшие из деревянной основы — двух подвижных «клешей», которые покрывались кожухом из кожи с помещенной внутри шерстью. Хомуты надевались на шею лошади и использовались для управления ею, к хомутам крепились оглобли саней и телег.

Наряду с мужчинами часто работали женщины и дети начиная с 7 лет. Работать семьей из нескольких человек было выгоднее и удобней, особенно при изготовлении уздечек. Отдельные одинокие шорники иногда брали к себе на работу мальчиков из других семей, обучали их, привлекали их к изготовлению изделий, платя по 2—3 руб. в месяц. Труд шорников высоко ценился крестьянами. Поговорка «Шорник — полковник, портной — майор» — яркое тому подтверждение [14]. Изделия шорников были крайне необходимы для использования в работе главной тягловой силы — лошадей, без которых крестьянское хозяйство не могло существовать.

Условия для кожевенного промысла в Новгородской губернии были благоприятными, поскольку существовал постоянный спрос на продукцию кожевников со стороны местного населения. Кроме того, крестьяне, занятые промыслом, не испытывали недостатка в недорогом кожевенном сырье и ивовой коре. Часть сырых кож, а также заготовленная ивовая кора поставлялись в соседнюю Вологодскую губернию. По мнению К. Р. Стронского, существование и дальнейшее развитие кожевенного промысла в губернии было вполне обеспечено, поскольку «спрос на кожевенный товар довольно велик; обилие местного сырья и коры и сравнительная дешевизна их должна также способствовать развитию промысла» [4, с. 91].

Многие кустари страдали от нехватки оборотных средств для покупки сырья, нужных инструментов, трудностей с выходом на рынок для выгодного сбыта своей продукции. Тем не менее весьма добротная и необходимая в быту и хозяйственной жизни крестьян продукция мастеров-кожевников пользовалась устойчивым спросом. Со становлением и развитием крестьянских промыслов был тесно связан процесс социального и имущественного расслоения мелких промышленников, в промыслах все шире применялся наемный труд и новая техника, устанавливались технологические связи кустарей с крупными предприятиями. Все более заметной становилась фигура посредника. В мелкую крестьянскую промышленность все активнее проникал торговый капитал.

Промыслы были неразрывно связаны с изменениями, происходившими в сельском хозяйстве и промышленности страны в пореформенные годы. Они способствовали смягчению аграрного перенаселения, играли заметную роль в материальном обеспечении земледельцев и пополнении бюджета крестьян, давали возможность более эффективно использовать рабочие силы семьи на протяжении всего года, а не только в период сельскохозяйственных работ.

Список источников и литературы

1. *Васильева С.Л.* О причинах неравномерного распространения крестьянских промыслов // Новгородский объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник : тез. докл. и сообщ. итоговой науч. конф. Новгород, 1997.
2. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. Т. 1. СПб., 1913.
3. *Рыбаков А.А.* Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923.
4. *Стронский К.Р.* Улучшение кожевенного производства в Кирилловском уезде Новгородской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. 7. СПб., 1903.
5. *Воротынцева Е.А., Шведова Л.А.* История Устюженского земства 1865—1918 гг. (по материалам краеведческого музея). URL: <https://bib.convcdocs.org/v1561/?cc=1> (дата обращения: 07.08.2021).
6. *Петрова Л.Л.* Ремесла и промыслы крестьян Кирилловского уезда // Кириллов: историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.
7. *Сельское и лесное хозяйство России.* СПб., 1893.
8. [Пономарёв Н. В.]. Кустарные промыслы в России. СПб., 1900.
9. *Фёдоров И. В.* Описание кустарных промыслов Новгородской губернии. Новгород, [1910].
10. *Материалы* по исследованию кустарной промышленности в Новгородской губернии. Новгород, 1912.
11. *Кустарные* промыслы. Текущая статистика за 1895/6 сельскохозяйственный год. СПб., 1897.
12. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 2 т. Т. 1 : 1865—1897. СПб., 1897.
13. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. Т. 3. Пг., 1916.
14. *Пословицы* и поговорки про сапожника. URL: <http://poslovicy-pogovorki.ru/pro-sapozhnika/> (дата обращения: 24.08.2021).

**В. А. Кокорев — предприниматель-самородок
и идеолог национальной экономической науки —
«учения о русской избе»**

В статье рассматривается процесс осознания представителями русской общественной мысли необходимости выработки национально ориентированной экономической науки в целях изучения отечественной культурно-хозяйственной традиции. Одним из последовательных сторонников этой идеи был успешный предприниматель и общественный деятель В. А. Кокорев. На протяжении 1850—1880-х гг. он последовательно доказывал, что основой выработки методов экономического развития России должны быть не идеи «выгоды», а стремление к укреплению национальных производительных сил во имя возрастания народного благосостояния.

The article examines the process of awareness of the representatives of Russian public thought of the need to develop a nationally oriented economic science in order to study the national cultural and economic tradition. One of the consistent supporters of this idea was a successful entrepreneur and public figure — V. A. Kokorev. During the 1850s — 1880s. he consistently argued that the basis for developing methods of economic development in Russia should not be the Smithian ideas of “profit”, but the desire to strengthen the national productive forces in the name of increasing the people’s welfare.

Ключевые слова: В. А. Кокорев, национальный тип хозяйствования, культурно-хозяйственная традиция, учение о «русской избе», феномен «русского хозяина», предприниматель-самородок.

Keywords: V. A. Kokorev, Russian national type of management, cultural and economic tradition, the doctrine of the “Russian hut”, the phenomenon of the “Russian owner”, the entrepreneur-nugget.

Середина XIX в. ознаменовалась в истории России активным поиском путей обновления социально-экономических отношений. Наиболее рельефно этот процесс отразился в дискуссиях, участниками которых были представители бюрократии, ученые, политики, предприниматели. По словам одного из современников — Дмитрия Николаевича Бородина, бессменного секретаря одного из ученых экономических собраний, в то время в широких общественных кругах все социальные явления стремились объяснять борьбой экономических интересов и разного рода обновлений ожидали исключительно на почве экономических реформ [1, с. 1].

В развернувшихся дискуссиях наряду с проблемами текущей финансово-экономической политики оживленно обсуждались и вопросы экономической теории, непосредственно касающиеся определения общей стратегии хозяйственного развития страны. В числе наиболее обсуждаемых вопросов находилась концепция классической политэкономии, сложившаяся во второй половине XVIII в. в Англии под влиянием промышленного переворота и роста предпринимательской активности. В центре внимания оказался вопрос о степени применимости ключевых положений этой теории к процессу выработки наиболее адекватной российским условиям модели хозяйственного развития.

Отправным пунктом полемики стало освоение системы А. Смита, по отношению к которой уже в первой четверти XIX в. в России сложились неоднозначные суждения: с одной стороны, явно апологетические, а с другой — критические, связанные с утверждением о недопустимости слепо следовать рекомендациям западных ученых-экономистов. Одним из емких выражений второй позиции представляется замечание Н. В. Гоголя из письма от 1844 г. Обращаясь к своему адресату, личность которого осталась неустановленной, он писал: «Ты позабыл даже своеобразие каждого народа и думаешь, что одни и те же события могут действовать одинаким образом на каждый народ. Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадет на железо, кует его. Мысли твои о финансах основаны на чтении иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой» [2, с. 317].

В числе тех, кто пытался призвать ученых и государственных деятелей «войти в ум свой... а не захламостить его чужеземным на-

возом» был и известный русский предприниматель и общественный деятель Василий Александрович Кокорев (1817—1889). Современники о нем говорили как о «русском чуде», «величайшем гении русской земли» [3, с. 517; 4]. Его первый биограф, историк и публицист К. А. Скальковский, основываясь на впечатлениях личного знакомства, писал: «Наше купеческое сословие мало выставило людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, таланта и характером, да и немного по всей России за полстолетия сыщется людей такого калибра» [5, с. 177].

Авторитет предпринимателя был столь высок, что министр финансов Ф. П. Вронченко (1844—1852) советовался с ним по многим стратегически важным вопросам, а молва прочила его в «министры русской торговли и промышленности» [6, с. 5—10; 7, с. 5—10]. Под разными именами он фигурировал в произведениях художественной литературы. Его упоминали Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков. Подтверждением необыкновенной популярности Кокорева стала эпиграмма, написанная в 1884 г. поэтом-шаржистом Дмитрием Минаяевым. Это незамысловатое четверостишие было широко известно [8, с. 7]:

Вот имя славное. С дней откупов известно
Оно у нас, — весь край в свидетели зову;
В те дни и петухи кричали повсеместно:
Ко-ко-ре-ву!!.

Отзывы современников о личных качествах и деятельности этого человека отличались неоднозначностью. Они колебались от восторгов до ненависти и насмешек. С одной стороны, отмечался его обширный вклад в развитие отечественной торговли и промышленности, его активная общественная и филантропическая деятельность. На это, в частности, указывали К. Д. Кавелин, М. П. Погодин, И. С. Аксаков, Д. А. Оболенский, Д. И. Менделеев. Однако, с другой стороны, он характеризовался как делец, не знающий преград в погоне за барышом. Если Некрасов в поэме «Современники» выводил его под характерным именем Саввы Антихристового, то публицист Ф. В. Чижев прямо писал о нем как о беспринципном дельце, не задумывающемся о средствах, если речь идет о прибыли [9].

В. А. Кокорев происходил из старообрядческой вологодской семьи, по некоторым сведениям владевшей небольшим солеваренным заводом на севере Костромской губернии. В юном возрасте, едва вы-

учившись читать и считать, он стал помогать отцу, служившего «сидельцем» в одном из питейных домов. Занятие торговым делом помогло ему приобрести необходимый опыт и сноровку, а природный ум, деятельная натура и стремление к самообразованию позволили в итоге стать успешным предпринимателем с миллионным капиталом. По некоторым оценкам, к началу 1860-х гг. его состояние доходило до 7 млн руб. [6, с. 310].

Предпринимательскую деятельность Кокорев развернул с малюго. В своих воспоминаниях он отмечал, что после закрытия их солеваренного дела, которое к концу 1830-х гг. стало убыточным, он был вынужден покинуть родные места и направиться в Петербург, где стал искать откупных занятий [10, с. 11]. Сначала он устроился помощником к одному из откупщиков, а затем и сам стал искать счастье в этом прибыльном деле.

В 1844 г. молодой предприниматель подал в правительство проект о преобразовании откупов и просьбу передать в его распоряжение какой-либо неисправный откуп, чтобы на практике показать принцип работы предлагаемой системы. Результаты превзошли все ожидания. На основе проекта Кокорева было разработано и в 1847 г. введено в действие «Положение об акцизно-откупном комиссионерстве». С этого момента начинается головокружительное восхождение Кокорева. В 1851 г. он получил звание коммерции-советника и приобрел обширное влияние в высших чиновничьих кругах.

В конце 1850-х — начале 1860-х гг., став крупнейшим русским откупщиком, «откупщицким царем», как называл его Савва Мамонтов, Кокорев, составив обширное состояние, энергично принялся за создание и реализацию многочисленных проектов по строительству железных дорог, учреждению банков, пароходств, промышленных и торговых компаний. В итоге к 1870-м гг. Кокорев превратился во владельца заводов, железных дорог, пароходств, нефтепромыслов, банков, страховых компаний, гостиничных комплексов, телеграфных агентств. В конце 1850-х гг. он стал основателем первого нефтеперегонного завода в Сураханах (1857), а также соучредителем Русского общества пароходства и торговли (1856), Закаспийского торгового товарищества (1857), Волго-Донской железной дороги (1858), Волжско-Каспийского пароходства «Кавказ и Меркурий» (1859), общества «Сельский хозяин» (1859). В конце 1860-х гг. он был в числе учредителей Московского купеческого банка, а в начале 1870-х гг. — Волжско-Камского коммерческого банка, Северного телеграфного

агентства, «Северного общества страхования и склада товаров с выдачей warrants», Уральской железной дороги, в начале 1880-х гг. — Пермского товарищества по торговле солью, а затем стал владельцем Верновских золотых приисков на Урале. Перечисленные коммерческие предприятия — только часть обширной деятельности Кокорева. Многие из задуманного им по разным причинам остались невыполненными, однако и реализованные проекты более чем впечатляют.

Имя Кокорева не имело бы широкой популярности, если бы он руководствовался только коммерческими интересами. Они, безусловно, имели колоссальное значение в его деятельности, однако главным мотивом всегда выступало стремление к развитию национальных производительных сил, оживлению торгово-промышленной жизни российской глубинки.

Так, например, взявшись за учреждение Волжско-Камского коммерческого банка, он принимал во внимание необходимость создания благоприятных финансовых условий для основания в регионе различных предприятий, на становление и развитие которых требовалось финансирование. Неслучайно главным направлением деятельности этого банка, работавшего под председательством Кокорева, стало кредитование волжской торговли и сбыта хлеба. Созданный банк стал единственным петербургским кредитным учреждением с обширной сетью филиалов в провинции, где до начала 1870-х гг. кроме ростовщиков имелись, как писал К. А. Скальковский, только погрязшие в чиновничьей рутине отделения Государственного банка [5, с. 172].

Будучи предпринимателем-практиком, Кокорев обладал незаурядными способностями к теоретическим обобщениям и письменному изложению своих наблюдений. В итоге с конца 1850-х гг. у него вышел ряд работ, посвященных вопросам торгово-промышленного развития России. В их числе «Взгляд русского на европейскую торговлю» (1858), «Нужды и желания промышленности» (1858), «Миллиард в тумане» (1859), «О согласовании правил по винокурению и продаже вина с потребностями народной жизни» (1882), «Нужды и потребности» (1883), «Экономические провалы» (1887) и др. В этих публикациях он фактически предстал «Посошковым XIX в.», выступив защитником интересов русского купечества и национальных производительных сил.

Кокорев последовательно доказывал, что корни экономического процветания должны лежать в согласованности хозяйственных ме-

роприятий с потребностями народа, а не с голыми реформами, почерпнутыми из западных книг и имеющих лишь кажущуюся продуманность. Он писал: «Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку... могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т. п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т. д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием» [11, с. 294].

По мнению Кокорева, многие из тех, кто ведал в России выработкой государственного экономического курса, зачастую руководствовались не только ложными теоретическими установками, но и далекими от хозяйственных задач интересами. Раскрывая этот тезис, он писал: «Вся беда в том, что наш либерализм, начавшийся с 60-х годов и заявивший себя разными преобразованиями, был не искренний, а ложный. Первая подкладка преобразований заключалась большею частью в служебной карьере тех лиц, которые сочиняли и проводили новые законопроекты. Вторая подкладка при утверждении законопроектов — желание пощеголять перед Европой появлением в России либеральных начал. ...Никто не давал себе труда вникнуть в народные потребности, и оттого новые правила и постановления сыпались на русскую жизнь, как хлопья снега, производя всеобщее угнетение» [11, с. 258]. В России, считал он, надо видеть не просто государство, а Вселенную, которую не следует наряжать в чужой кафтан и устанавливать некие общие с иностранными державами правила.

Этот хозяйственник-практик был убежден, что «на русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, согласенная с русской жизнью», что «вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов» [11, с. 302]. Яркое тому подтверждение он увидел в событии, связанном с журналом «Вестник промышленности», который издавался в начале 1860-х гг. двумя видными экономистами — Ф.В. Чижовым и И.К. Бабстом. Кокорев сообщал, что публикациями этого издания заинтересовалась редакция брюссельского журнала «Экономист». Ее представители

обратились к издателям «Вестника» с просьбой о присылке в Брюссель из России молодого человека, знающего французский язык, с целью максимально точного перевода русских статей для подготовки их к последующей публикации в «Экономисте». Просьба была удовлетворена, но год спустя редакция бельгийского журнала отказалась от услуг переводчика, мотивируя это тем, что «экономические статьи “Вестника промышленности” не заслуживают перевода на французский язык, потому что в них нет ничего своего, доказывающего силу русского самовозрождения», и что в них «все вертится около давно известных европейских взглядов, во многом уже отживших свой век» [11, с. 155].

Этот и ряд других фактов того же рода вызывали у Кокорева как философа хозяйствования недоуменный вопрос: «К чему же после этого существуют кафедры Политической экономии и статистики?». По его мнению, было бы гораздо полезнее в отечественных университетах заменить эти псевдонаучные подразделения одной единственной кафедрой — «кафедрой изучения русской избы». В ее задачи должно было бы входить разъяснение практически единственного вопроса: «...если деревня богата своими домовными произведениями, тогда и волость богата, а когда все волости богаты, тогда — и только тогда — богата и вся Россия. Однако таких кафедр нет, а поэтому следует признать, что в России пока отсутствует политико-экономическая наука. Существующие же теории не учитывают простые начала народной жизни, а наполняют головы финансово-экономических деятелей такими знаниями, из которых невозможно понять насущных потребностей русской жизни. В итоге даже самые добросовестные усилия по преобразованию торгово-промышленных отношений ведут не к процветанию страны, а, напротив, ниспровержению общественного благосостояния» [11, с. 284].

Таким образом, насущной потребностью момента выдвигалась проблема создания национальной экономической науки, ориентированной на изучение и учет национальной культурно-хозяйственной традиции. В. А. Кокорев считал необходимым помнить, что «европейские экономические знахари, прежде чем признать за собою право участия в решении вопросов, касающихся общих интересов жизни, исходили пешком: немцы свою Германию, англичане — Великобританию, и перед их мышлением всегда во всей своей величине стояла самая суть дела, то есть нужды и потребности местного населения» [11, с. 123—124]. Неслучайно свой знаменитый труд «Эконо-

мические провалы» он начал славянофильским обращением И. С. Аксакова «Пора домой!». За этим призывом следовало увещевание: «Пора *государственной мысли* перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в *своих людях свою силу*, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью (то есть нынешний путь) тянет в обратную сторону — от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну неисправимого экономического расстройста» [11, с. 27—28].

Кокорев был убежден в необходимости отказа от «рабоподражательного снятия копий с европейских финансовых систем и порядков» и осознания силы в самих себе для применения в текущем дне накопленной веками хозяйственной традиции. Именно в ней, считал он, «лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет это понятие из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о русской экономической науке». Но, подчеркивал он, чтобы приступить к этому труду, «надобно предварительно уметь читать и понимать еще другую многосложную книгу, называемую русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым русским людям» [11, с. 302]. Кокорев был убежден, что только в этом случае отечественная экономическая наука проявит «самостоятельность мысли и действия» и вместе с тем будет полезна России и обретет уважение со стороны Запада [11, с. 158—159].

Своими суждениями этот предприниматель-мыслитель продолжил традицию русской общественной мысли, связанную с идеей необходимости выработать национальное понимание путей экономического обустройства страны. Уже веком ранее, в 1757 г., первый член-корреспондент Российской Академии наук П. И. Рычков заявил, что русским следует создать «собственную экономическую книгу» и отказаться от иностранных рецептов, основанных на заморском опыте, не отражающем специфики «туземных мест» [12, с. 39]. Как и его далекий предшественник, Кокорев был убежден, что без прочной

связи с народной жизнью, без выяснения условий ее хозяйственного развития в России, как и в любой другой стране, нет шансов на прочное экономическое процветание.

Он доказывал, что для всякого государства действительно полезными будут только те производства, какие обусловлены самой природой, где они создаются. При этом он обращал внимание на то, что размещение многих фабрик, как в Европе, так и в России, мотивировано исключительно тарифными соображениями и не согласуется с условиями природы и народного быта, вызывая сложности в их функционировании. Так, например, отмечал Кокорев, если во Владимирской губернии при крайней необеспеченности природными водяными двигателями и дешевым топливом размещены почти все ткацкие и многие другие фабрики, в Олонецкой губернии, где на каждой версте природные водопады и в избытке практически даровое топливо, нет ни одной фабрики, хотя эта губерния близка к Петербургу и находится на дешевом водном пути сообщений со всею Россией. В связи с этими наблюдениями он предлагал обращать строгое и подробное внимание на размещение фабрик, «то есть осмотреть, там ли они водворились, где местные условия содействуют дешевизне вырабатываемых на них изделий» [13].

Проблема согласованности размещения производства и торговых заведений с местными ресурсами его тревожила всегда. Еще в конце 1850-х гг. Кокорев писал: «Россия выпускает за границу в огромном количестве пшеницу, семя льняное и конопляное, сало, кожи, шерсть, пеньку и лен, и все это вывозится в сыром, необделанном виде. Но ведь все эти предметы не могут идти в употребление человека в том виде, как они есть, и требуют обработки, а у нас этих-то фабрик нет... Почему бы, вместо неестественных фабрик, у нас водворившихся, на коих обрабатывается сырой материал, привозимый из других стран, не завести нам такие фабрики, которые бы все сырые произведения, предназначенные для заграничного отпуска, приводили в обделанный вид, так, например, чтобы большая часть пшеницы дома была переработана в муку, все семя льняное и конопляное отпускалось бы маслом и т. д.» Для активизации и укрепления такой деятельности, по мнению Кокорева, было бы полезно ввести особый стимулирующий тариф: «Кто отправляет из России произведения сырые, тот платит правительству известную пошлину за право их вывоза, а кто эти произведения отправляет обработанными, тот ничего не платит... Такое правило поставило бы в необходимость заводить... естественные фабрики, которые и раз-

местились бы, по указаниям самой природы, в деревнях и селах, а не в столицах, куда теперь по необходимости должны отправляться рабочие и быть в разлуке со своим семейством целый год, к явному упадку сельского хозяйства и разрушению здоровья и семейной нравственности» [13].

В контексте этих наблюдений в качестве положительного примера Кокорев выделял несколько процветающих купеческих фамилий, развивающих торгово-промышленную деятельность на основе учета народных интересов. Он писал: «В Рыбинске — Журавлев, в Великом Устюге — Грибанов, в Ярославле — Пастуховы и т. д. Последствия показали, что дела преемников этих лиц... процветают и в настоящее время. Журавлев... снискав знанием дела такое общее доверие, что... сделался положительно торговым руководителем всей Волги со всеми ее притоками. Грибанов то же самое выражал по системе рек Северной Двины, Юзы и Вычегды. Стотысячное население, живущее около этих рек, передавало на его суда весь свой хлеб без определения цены, и расчет делался впоследствии, по продаже хлебов в Архангельске. Так продолжалось дело в течение нескольких десятков лет... К великой чести фамилии Грибановых относится учреждение в Великом Устюге льнопрядильной фабрики, закупающей местный лен и вырабатывающей лучшие полотна. Точно так же заслуживают всеобщей благодарности льнопрядильные фабрики: в Костроме С. М. Третьякова, под Ярославлем — Г. И. Хлудова и в Вязниках — Демидова» [11, с. 257].

Однако Кокорев сожалел, что эти примеры — лишь отрадные исключения из общего нездорового положения вещей, когда единственной целью коммерческих предприятий является барыш, идущий порой рука об руку с преступной халатностью. В итоге, он отмечал: «В России промышленность опередила земледелие, которое в общей сложности остается неподвижно в первобытной простоте, предоставленное на произвол всех случайностей природы. На наших фабриках готовятся изысканные предметы роскоши: шелковые ткани, фарфор, бронза, зеркала и т. д.; а в земледелии вовсе не известны на деле не только дренаж и ирригация, но даже травосеяние составляет редкость. Наши земледельческие орудия, за весьма немногими исключениями, все те же, как и в первые дни пашни на русской земле; их делает сам крестьянин кое-как, по преданию, и земледельческая механика вовсе не известна. <...> При неустройстве нашего земледелия нас обеспечивает в отношении к народному про-

довольствию только огромное пространство земель; достаточным сбором хлебов мы обязаны не искусству вести земледелие, не умению с ограниченными силами собрать хорошую жатву, а огромному труду крестьян, обрабатывающих обширные поля, труду, которому у нас нет другой оценки, кроме соразмерности с силами человека и условиями климата. Труд этот поглощает все время, и оттого земледелец не может развить себя и сознать в своих мыслях потребность внести в жизнь употребление нужнейших мануфактурных изделий, не говоря уже о том, что за употреблением всего времени на медленный и тяжелый труд, не облегчаемый земледельческой механикой, он не может приобрести излишних денег» [13].

Кокорев подчеркивал, что с фактами несоответствия в развитии города и деревни, земледелия и промышленности можно столкнуться на каждом шагу русской действительности. «...Представьте себе, — писал он, — что вы провели вечер в гостях у кого-нибудь в Москве или Петербурге; вы видели на этом вечере лампы, ковры, гастрономические редкости, щегольски одетую прислугу, хозяев и гостей в роскошных платьях: все это водворила в жизнь промышленность, и все это убеждает в том, что развитие внешней обстановки в передовых русских сословиях несколько не отстало от Европы, но вот вы выходите из дому на крыльцо и подзываете с улицы извозчика; к вам он является как представитель силы и состояния земледелия. Что же вы видите? Тошную лошаденку, увязанную веревками сбрую, грубую и бедную одежду кучера; все это жалкая самодельщина — ясное доказательство отсталости сельского быта» [13]. Таким образом, резюмировал Кокорев, земледелие в России безнадежно «отстало и разделилось с промышленностью», а без согласованности этих отраслей рассчитывать на экономическое процветание невозможно.

Предприниматель был убежден, что экономический курс государства, опирающийся на системы и теории английской политэкономии, абсолютно утратил связь с народной жизнью, а следовательно, и с основами нравственности, так как ориентирован не на насущные потребности реальных людей, а на повышение или понижение курсов, фондов и ценностей разных акций и облигаций. Такой порядок вещей, по мнению Кокорева, «в силах исказить нравы целой страны, невольно сообщая человеку отвычку действовать вдумчиво и разрабатывать предметы в глубине своих мыслей». Он писал: «От такой фейерверочной... деятельности вечно будет в результате один дым и копоть. В выгоде останется уже никак не народ, не страна, а только одни лишь проныры и пройдохи» [13].

Будучи разочарован результатами экономической политики правительства, проводившейся в 1830—1880-х гг., В. А. Кокорев настаивал на необходимости перехода к поиску внутренних ресурсов возрождения национальных производительных сил. Задачей текущего момента он считал не перекраивание народной жизни по лекалам Адама Смита, а пробуждение на ее основе хозяйственной инициативы. Такой подход, по мнению этого хозяйственного гения, позволил бы аккумулировать накопленные веками трудовые навыки и национальные культурно-хозяйственные традиции. В его представлении, в этом состояла истинная тайна социального и экономического прогресса России.

Список источников и литературы

1. *Вопросы* экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов». Отчет за 20 лет. 19 февраля 1891 г. — 19 февраля 1911 г. : в 2 т. СПб., 1911. Т. 1.
2. *Гоголь Н. В.* Близорукому приятелю // Собр. соч. : в 8 т. М., 1984. Т. 7.
3. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. СПб., 1900. Т. 14.
4. *Весь* Петербург на 1905 г. : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1905.
5. *Скальковский К. А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
6. *Гавлин М. Л.* Экономический славянофил // Кокорев В. А. Экономические провалы / науч. ред. Ю. В. Якутин. М., 2002.
7. *Из истории* российского предпринимательства: династия Кокоревых. Научно-аналитический обзор. М., 1991.
8. *Якутин Ю.* Пора домой! По поводу экономических воззрений В. А. Кокорева // Кокорев В. А. Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.
9. *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1990). М., 1974.
10. *Кокорев В. А.* Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.
11. *Кокорев В. А.* Экономические провалы / науч. ред. Ю. В. Якутин. М., 2002.
12. *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867.
13. *Кокорев В. А.* Взгляд русского на европейскую торговлю. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kokorev-vasilij-aleksandrovich/ekonomicheskie-provali/7> (дата обращения: 12.03.2016).

**Сельский социум и государственная власть:
проблемы отношений и взаимодействия
на рубеже XIX—XX веков**

Исследуется взаимодействие региональной власти и органов сельского самоуправления и их влияние на жизнь крестьянского сословия. Механизм и характер этого процесса рассмотрены на примере отдельных аспектов отношений крестьянства и должностных лиц в населенных пунктах Орловской губернии в конце XIX — начале XX в.

The article is devoted to the study of the interaction of regional authorities and rural self-government bodies and their impact on the life of the peasant class. The mechanism and nature of this process is considered on the example of certain aspects of relations between the peasantry and officials in the settlements of the Orel province in the late XIX — early XX centuries.

Ключевые слова: полиция, региональные власти, сельская администрация, крестьянство, Орловская губерния.

Keywords: police, the regional authorities, village administration, peasantry, Oryol province.

На протяжении столетий крестьянская община представляла собой особый социум, в котором нормы обычного права часто преобладали над действующим законом. Традиционализм взглядов русского крестьянина просматривался во всех жизненных нормах, обычаях, семейных устоях. Мир русской деревни породил свое особое отношение к государственной власти, ее институтам, создал собственное видение основ самоуправления и самоорганизации [1; 2, с. 110—119].

Отмена крепостного права, либеральные реформы в 60—70-х гг. XIX в. затронули и повседневную деревенскую жизнь. Начавшаяся модернизация социальной сферы привела к новому уровню взаимодействия государства и крестьян в «порепорформенную эпоху». Земские органы должны были стать тем мостиком, который мог бы объединить усилия государства по улучшению жизни народных масс империи с энергией и сознательностью самого населения страны, что дало бы возможность по-новому взглянуть на взаимодействие государства и населения. Но, к сожалению, контрреформы в области местного самоуправления при Александре III не позволили сблизить народ и чиновников даже на местном уровне. Нараставший кризис в социально-экономической, а вместе с тем и политической сфере страны, вылившийся в революционные события 1905—1907 гг., обнажил такое явление, как противодействие государственным органам власти. Таким образом, исследуемая эпоха довольно интересна с точки зрения рассмотрения отношений в плоскости *народ (крестьянство и т. д.) — государство и его органы власти*.

Взаимоотношения органов государственной власти, в том числе и силовых структур Министерства внутренних дел, с одной стороны, и крестьянской общины, или «крестьянского мира», — с другой, составляют одну из наиболее интересных тем в современной отечественной исторической науке [3—5; 6, с. 160—167]. Этой проблеме посвящено большое количество работ, в которых отражены различные аспекты взаимодействия крестьянства и органов полиции Российской империи в эпоху правления Николая II [7, с. 29—41; 8].

На указанную проблему можно взглянуть через микроисторический подход, часто используемый при изучении повседневной жизни населения. Его главным достоинством является возможность подробно рассмотреть конкретные, наиболее показательные примеры, отход от общих абстрактных расплывчатых понятий и представлений об исторических явлениях. В то же время микроистория подается в контексте больших макроисторических процессов, не нарушая принципов историзма и избегая скатывания в краеведение. В статье будет представлено несколько наиболее показательных примеров, связанных с непосредственным участием органов государственной власти в социальной и экономической жизни орловских крестьян на рубеже XIX—XX вв.

Во второй половине XIX в. роль земских органов в развитии российского села была весьма заметной, особенно в сфере образова-

ния и здравоохранения. Просвещению населения способствовало открытие бесплатных народных библиотек-читален, рост числа которых в губерниях Центральной России начался в 1880-х гг. и приостановился после 1907 г. из-за негативных последствий Первой русской революции, в первую очередь сокращения финансирования.

В 1895 г. в Орловскую губернскую земскую управу пришло ходатайство Орловского губернского земства о разрешении открыть в каждом из 12 уездов губернии по одной народной библиотеке в честь бракосочетания императора [9, ф. 525, оп. 1, д. 1031, л. 21]. Но из-за хронического недостатка средств реализация этой идеи затянулась на долгие годы.

Стоит отметить, что открытие школ, а тем более библиотек, было сложным процессом, в котором участвовало не только земство, но и само крестьянское сообщество, Министерство внутренних дел и другие государственные структуры. Теме становления и развития образования в Орловской губернии посвящено немало работ [8; 9, ф. 525, оп. 1, д. 1031, л. 21]. Однако до сих пор ощущается недостаток конкретных примеров. Для наглядности взят сюжет об открытии библиотеки-читальни в с. Навесном Ливенского уезда Орловской губернии. В Государственном архиве Орловской области сохранился полный перечень документов, посвященных этому вопросу [9, ф. 580, оп. 2, д. 2932, л. 19].

Шестнадцатого января 1902 г. волостной сход Навесненской волости постановил открыть в с. Навесном бесплатную библиотеку-читальню. Волостной старшина обратился с ходатайством по данному вопросу в Ливенскую уездную земскую управу. Спустя 8 месяцев, 24 сентября 1902 г. уездное земское собрание единогласно поддержало крестьянскую инициативу, считая важным способствовать развитию просвещения среди жителей села.

В силу особенностей законодательства Российской империи земское собрание, являясь органом уездного самоуправления, не имело полномочий для открытия подобных заведений, так как, например, библиотеки находились под надзором органов полиции, куда входил и корпус жандармерии (политической полиции). В результате открытие библиотеки-читальни в обычном селе превращалось в довольно сложный процесс, который мог затянуться на неопределенное время.

Восьмого октября 1902 г. председатель Ливенской уездной земской управы обратился к орловскому губернатору К. А. Балясному с

просьбой разрешить открыть библиотеку-читальню в с. Навесном. Из канцелярии губернатора был получен положительный ответ, а также запрошен у земской управы проект устава будущей библиотеки и сведения об источнике ее финансирования.

В конце 1902 г., 22 декабря, на сельском сходе представлявшие своих односельчан крестьяне единогласно проголосовали за проект устава и выбрали заведующей библиотекой местную дворянку М. В. Иваненкову.

Ливенская уездная управа выслала проект устава библиотеки вместе с копией приговора сельского схода в канцелярию губернатора 18 января 1903 г., после чего 25 января 1903 г. губернаторская канцелярия послала запрос в орловское губернское жандармское управление и ливенскому полицейскому исправнику о личности заведующей библиотекой и месте ее проживания в последние 4 месяца. Уже через 2 дня, 27 января начальник губернского жандармского управления под грифом «секретно» отправил отчет, в котором говорилось, что сведений, компрометирующих политическую благонадежность М. В. Иваненковой, не имеется, а 28 января ливенский уездный исправник сообщил, что потомственная дворянка М. В. Иваненкова является дочерью умершего штаб-ротмистра. Девушка была хорошего поведения, «суду и следствию не подвергалась и в политическом отношении ни в чем предосудительном замечена не была... Вполне соответствует назначению ее ответственным лицом по заведыванию библиотекой-читальней» [9, ф. 525, оп. 1, д. 336, л. 63].

Девятнадцатого марта 1903 г. канцелярия губернатора направила в Ливенскую земскую управу развернутый отзыв на представленный проект устава будущей библиотеки, в котором на нескольких листах были изложены поправки и уточнения, необходимые для того, чтобы устав полностью соответствовал постановлениям и циркулярам Министерства внутренних дел. Не вдаваясь в подробности, стоит отметить, что земская управа должна была исправить и доработать из 31 пункта устава 15 пунктов.

Все требуемые доработки были выполнены только к концу 1903 г. и 23 декабря отправлены в канцелярию губернатора. В результате 10 января 1904 г. Ливенская управа получила разрешение открыть библиотеку-читальню, финансирование которой было поделено между ливенским земством и сельским обществом Навесненской волости.

Третьего марта 1904 г. над библиотекой в с. Навесном был учрежден надзор со стороны инспектора народных училищ 2-го участ-

ка Ливенского уезда. С этого момента она стала действующей. Таким образом, потребовались 2 года и усилия земства, губернской канцелярии, органов полиции и сельской администрации для открытия обыкновенной сельской библиотеки.

Развитие системы здравоохранения являлось не менее приоритетным направлением деятельности земства. В 1894 г. в Елецком уезде насчитывались 4 земские больницы, 1 городская и 3 сельских. Общее количество больных, поступивших в больницы на лечение в 1895 г., составило 2330 человек.

В Елецком уезде функционировали 10 фельдшерских пунктов, в которых оказывали жителям первую медицинскую помощь; здесь же больные получали направление на стационарное лечение в больницы. Сельские фельдшеры играли заметную роль в профилактике инфекционных заболеваний. Примером их эффективной работы может служить ликвидация холерной опасности в уезде, а также проведенная прививка от оспы, что резко снизило смертность населения от этой болезни.

Важным делом в распространении медицинских знаний в уезде стали народные чтения, организованные по инициативе уездной земской управы. В них приняли активное участие студенты медицинских учебных заведений и фельдшеры, рассказывавшие жителям о различных инфекционных заболеваниях, мерах борьбы с их распространением, о личной гигиене и прочем.

Больницы и фельдшерские пункты Елецкого уезда находились под постоянным контролем земства. Оно следило за состоянием зданий, финансами, наличием необходимых медикаментов и работой персонала. Серьезной проблемой, с которой сталкивалась местная медицинская служба, была удаленность населенных пунктов от больниц и фельдшерских пунктов. Из-за этого большинство жителей не могли получить квалифицированную медицинскую помощь.

При открытии новых медицинских учреждений учитывались просьбы местного населения. Так, например, Каменский волостной сход ходатайствовал о создании фельдшерского пункта. Жители волости были недовольны тем, что за медицинской помощью им приходится обращаться в соседнюю Суворовскую волость, преодолевая расстояние в два десятка верст. Между тем Каменская волость исправно платила все казенные и земские сборы и не имела недоимки. Елецкое земство признало приведенные аргументы крестьян убедительными и помогло с открытием в волости фельдшерского пункта.

Довольно интересен сюжет с инициативой властей губернии об открытии приютов-яслей для крестьянских детей. К сожалению, все та же проблема недофинансирования помешала реализации данной идеи, весьма востребованной сельскими жителями. Когда в 1902 г. Орловская уездная земская управа хотела открыть приюты-ясли, ссылаясь на позитивный пример их существования в с. Упорой Дмитровского уезда, губернская управа посчитала эту затею весьма обременительной для земского бюджета. В итоге за 13 лет дело так и не сдвинулось с места.

Кроме социальной сферы точками взаимодействия крестьянства и власти были экономические вопросы, и здесь, в отличие от предыдущих, в основном положительных примеров, было не все так однозначно.

Земельный вопрос, а именно уменьшение размеров крестьянских наделов и сокращение доходности крестьянского труда, также являлся острой проблемой русской деревни [10, с. 99—104; 11, с. 38—42]. Данная тема очень хорошо изучена на уровне крупных территориальных образований (уездов и губерний), но недостаточно исследована для отдельных крестьянских сообществ и селений.

На рубеже XIX—XX вв. объектом растущего внимания со стороны земских органов становится аграрная миграция, инициированная правительством. Зажиточная и средняя прослойка земледельцев поначалу явно не спешила заняться освоением новых территорий, а наиболее бедная часть сельского социума не могла себе этого позволить по финансовым соображениям. Но ряд неурожайных и голодных лет, особенно голод 1891—1892 гг., вынудили крестьян изменить свою точку зрения. В результате со второй половины 1890-х гг. с территории Елецкого уезда Орловской губернии началось переселение крестьян на свободные земли Южного Зауралья и Западной Сибири [12, с. 141—146]. Из-за плохого финансирования и трудностей, возникавших в процессе крестьянского переселения, произошло обострение данной проблемы в неурожайный 1905 г., совпавший по времени с событиями Первой русской революции.

Основная часть подобных выступлений была вызвана накопившимися проблемами в области землевладения и имела локальный характер. Например, 28 октября 1905 г. крестьяне с. Свишни Стегаловской волости в количестве 60 человек пришли в имение купца Ростовцева при д. Пальцевой и потребовали возврата денег, взятых у них управляющим за поправу гречихи. Другие крестьяне самовольно

рубили лес землевладельца В. А. Варгунина у с. Долгое Казацкой волости. Пристав 3-го стана Елецкого уезда убеждал крестьян этого не делать, они извинились и заявили, что их безвыходное положение заставляет так поступать, ибо им нечего есть и нет топлива. Крестьяне просили помощи правительства и заявили, что если их просьба не будет уважена через 2 недели, они будут вынуждены добывать необходимое нелегальным путем [9, ф. 883, оп. 1, д. 291, л. 131].

Крестьяне с. Долгое, д. Волчья и Слободки Казацкой волости Елецкого уезда в ночь с 7 на 8 ноября разграбили и сожгли хутора, находящиеся в 2 верстах от с. Долгое. Ими было разграблено также имение В. А. Варгунина, хлеб вывезен на подводах, забраны земледельческие орудия, скот порезан. Девятого ноября те же крестьяне подвергли погрому имение И. С. Турбина, который во время грабежа ушел в соседнюю д. Ильинку Стегаловской волости. В доме Турбина выбили стекла, вся мебель была превращена в щепки, имущество расташено, порезано 60 овец и 5 коров [9, ф. 883, оп. 1, д. 291, л. 137].

Подобные случаи были не редки. Крестьяне забирали то, что считали своим. В полицейских отчетах подчеркивалось, что крестьяне прекрасно понимали, что преступают закон, но тут же указывали на его несправедливость. Временно исполняющий должность помощника начальника Орловского губернского жандармского управления в Елецком уезде корнет Шостаковский в своем рапорте от 14 июля 1905 г. отметил, что в Елецком уезде повсеместно был зафиксирован плохой урожай хлебов, ощущалась нехватка подножного корма. Крестьяне ждут и надеются получить помощь от правительственных учреждений. Благодаря этому настроение их пока спокойное. Если помощи не будет, им придется идти на помещичьи гумна за кормом и всем необходимым для своего существования, так как заработков нет и другого выхода из своего плачевного положения они не видят. В оправдание крестьянских действий стоит сказать, что они обращались к земским начальникам с просьбой ходатайствовать за них, но последние постоянно отказывали, чем настроили население против себя [9, ф. 883, оп. 1, д. 291, л. 75—76].

Столыпинская аграрная программа уже в 1906 г. (при том что революция продолжалась и крестьянские погромы не ушли еще в прошлое) начала приносить позитивные плоды в виде масштабной крестьянской миграции и создания отрубных и хуторских хозяйств.

Довольно интересным явлением была практика выдачи ссуд крестьянам на хозяйственное обустройство, о чем не так часто пишут в

исторических исследованиях. Приведем сведения из журнала Орловской губернской землеустроительной комиссии о ходатайстве Ливенской уездной землеустроительной комиссии, которая 19 апреля 1912 г. обратилась с просьбой о разрешении предоставить ссуды на улучшение хозяйства хуторянам Ливенского уезда: 1) крестьянину с. Гатище Андрею Васильевичу Бачурину 75 руб. на покупку лошади; 2) крестьянину Кузьме Иванову Сергееву на покупку лошади — 75 руб.; 3) крестьянке с. Гатище Ольге Алексеевне Бачуриной 56 руб. 50 коп. на покупку плуга и бороны; 4) крестьянину того же села Сергею Федоровичу Дворядкину 34 руб. на покупку плуга; 5) крестьянке с. Гатище Матрене Ивановне Некрасовой 56 р. 50 коп. на покупку плуга и бороны; 6) крестьянину д. Александровка Якову Титову Сидорову 50 руб. на покупку коровы. Всего для 17 хуторян на различные цели были выделены свыше 870 руб. [9, ф. 34, оп. 1, д. 215, л. 8].

Из сведений, представленных по этим делам уездной земской комиссии, видно, что ссуды назначены либо в пределах нормы, либо тем хуторянам, которые ранее ссуд не получали. Просьбу о выдаче ссуд на покупку лошадей уездная комиссия признала заслуживающей внимания, так как у всех перечисленных хуторян лошадей не было. Это же относилось к ссудам на покупку плугов и борон. Приобретение коровы для крестьянина Сидорова было жизненно необходимо, поскольку семья его была большой, но скота, кроме лошади, купленной после продажи коровы, не имела [9, ф. 34, оп. 1, д. 215, л. 8].

Источники содержат длинные списки крестьян различных селений Орловской губернии, которым выделялись согласно их прошением денежные суммы на развитие хозяйства. Помощь была адресной и обоснованной. Имели место, разумеется, случаи, когда помощь не доходила до селян.

Еще одной точкой соприкосновения жителей села и властных структур дореволюционной России стала местная кооперация. Примером может послужить история открытия крестьянского потребительского общества в Навесненской волости Ливенского уезда [9, ф. 580, ст. 2, д. 4092, л. 1].

В июне 1913 г. Навесненское волостное правление отправило губернатору Орловской губернии С. С. Андреевскому проект учреждения общества потребителей, составленный согласно принятым Министерством внутренних дел нормативам. В дополнение к проек-

ту прилагалось прошение крестьян-учредителей, подписанное всеми членами будущего общества, заверенное печатью волостного правления и завизированное волостным заседателем.

Проект устава потребительского общества представлял собой печатный текст шаблонного типа с местами для записи персональной информации. Из текста устава следовало, что в члены общества принимались лица обоих полов всех сословий, живущие в с. Навесное, Круглое, Вязовая Дубрава и сельце Топское Навесненской волости. Вступающий в общество обязан был вносить вступительную плату в размере 50 коп. и пай в 5 руб. Для ведения дел общества предполагалось избрание председателя и секретаря, все решения должны были приниматься на общем собрании по большинству голосов ($\frac{2}{3}$ всех членов общества) [9, ф. 580, ст. 2, д. 4092, л. 2—3].

Для открытия данного общества 22 июня 1913 г. канцелярия губернатора сделала официальный запрос под грифом «секретно» в орловскую жандармерию о политической благонадежности ее учредителей (прилагался полный список участников). Этот запрос был возвращен в губернскую канцелярию для уточнения информации о запрашиваемых лицах (требовалось указать их сословную принадлежность, род деятельности и т. д.). Губернская канцелярия под грифом «секретно» направила запрос в ливенское отделение полиции.

Четырнадцатого июля 1913 г. ливенский исправник отправил требуемую информацию в канцелярию губернатора, а 7 сентября эта информация была подтверждена начальником орловского губернского жандармского управления. Все 14 членов-учредителей общества потребителей были признаны политически благонадежными.

Навесненское общество потребителей было открыто 19 ноября 1913 г. После этого по распоряжению губернатора согласно циркулярам от 19.05.1909 г. № 312Б и от 04.01.1910 г. № 28 был установлен полицейский надзор за его работой. Он был возложен на пристава 5-го стана Ливенского уезда, в который входили населенные пункты Навесненской волости. Волостное правление регулярно отчитывалось перед становым приставом о деятельности потребительского общества, количестве его членов и т. д. Эти сведения в виде рапортов направлялись ливенскому исправнику, а он, в свою очередь, докладывал о деятельности общества в канцелярию орловского губернатора.

Пятнадцатого января 1915 г. пристав 5-го стана лично проинспектировал работу Навесненского общества потребителей. В ходе

дознания им было установлено, что данное общество с момента открытия не функционировало. Председатель общества объяснил это тем, что не удалось собрать требуемую сумму уставного капитала, кроме того, некоторые члены общества были призваны на военную службу в связи с начавшейся войной. Данная информация в виде рапорта была направлена уездному исправнику.

На основании этого 11 февраля 1915 г. губернатор поручил уездному исправнику предложить правлению общества ликвидировать организацию из-за ее несостоятельности, и 24 марта на общем собрании членов общества потребителей было решено распустить общество. В протоколе заседания указана основная причина, из-за которой пришлось пойти на крайнюю меру: «паевых взносов не могло быть собрано достаточное количество по случаю возникновения настоящей войны» [9, ф. 580, ст. 2, д. 4092, л. 26]. Ликвидация потребительского общества была осуществлена согласно законодательству Российской империи, что подтвердил полицейский урядник 14-го участка Ливенского уезда. По итогам ликвидации ливенский исправник рапортовал орловскому губернатору о закрытии общества и снятии с него полицейского надзора.

В рассмотренных примерах четко прослеживается тесное взаимодействие институтов региональной власти и органов сельского самоуправления. Противодействие государственным органам даже в годы революционных событий не было повсеместно распространено. Жители села нуждались в помощи, и государство эту помощь оказывало, в том числе персонально. Естественно, не обходилось без конфликтов, но в целом взаимоотношения крестьянства и региональной власти носили положительный характер вплоть до событий 1917 г.

Список источников и литературы

1. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
2. Земцов Л. И. Крестьянский мирь и война (1914—1916 гг.) // История: факты и символы. 2017. № 2 (11).
3. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017.
4. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов, 2004.
5. Мионов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М., 2010.
6. Николашин В. П. Тамбовская деревня в 1917—1918 годах: между реформой и восстанием // История: факты и символы. 2017. № 3 (12).

7. Горская Н. И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860—1880-х гг.) // Российская история. 2011. № 1.

8. Жирова М. С. Отражение крестьянских волнений 1905 г. в документах политической полиции (Елецкий уезд Орловской губернии) // Filo Ariadne : электрон. журн. 2016. №4. URL: filoariadne.esrae.ru/6-100 (дата обращения: 22.09.2019).

9. Государственный архив Орловской области.

10. Жиров Н. А. Крестьянское землевладение в Орловской губернии на рубеже XIX—XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017 год. Формы землевладения и системы землепользования, сельское управление и самоуправление в аграрной истории России X—XXI вв. М.; Брянск, 2018.

11. Бочаров В. О. Крестьянское переселение из центральных областей России в годы Столыпинских преобразований // 10 корпус : сб. ст. Елец, 2017. Вып. 3.

12. Жиров Н. А. Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колониационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. // История: факты и символы. 2016. №4.

Е. В. Дианова

Сельскохозяйственные общества Вологодской губернии: организация и деятельность в 1905—1919 годах

В статье освещаются общие аспекты организации и деятельности сельскохозяйственных обществ в Вологодской губернии. Показана роль земства в создании крестьянских объединений и оказании им материальной помощи; представлены статистические данные по численности обществ до и после революции 1917 г.; рассмотрены основные направления практической работы обществ по улучшению сельского хозяйства.

The article covers the general aspects of the organization and activities of agricultural societies in the Vologda province. The role of the zemstvo in the creation of peasant associations and the provision of material assistance to them is shown; statistical data on the number of societies before and after the revolution of 1917 are presented; the main directions of practical activities of societies to improve agriculture were considered.

Ключевые слова: сельское хозяйство, земство, крестьянство, сельскохозяйственные общества, кооперация.

Keywords: agriculture, zemstvo, peasantry, agricultural societies, cooperation.

В начале XX в. важным фактором социально-экономической модернизации страны выступало преобразование сельского хозяйства. На необходимость глубоких аграрных преобразований обратили внимание участники Совещания земских деятелей по аграрному вопросу, состоявшегося в апреле 1905 г. в Москве [1, с. 314].

В условиях начавшейся Первой русской революции решение аграрного вопроса становилось еще более актуальным, поскольку крестьянство активно включилось в революционную борьбу. Известный деятель кооперативного движения А. Е. Кульжный отмечал, что

«события последних лет пробудили крестьянство и заставили открыть глаза на окружающее. Раздвинулись рамки деревенского мира. Интересы крестьянина уже не ограничиваются жизнью своей деревни. Крестьянство открыло глаза на старую жизнь и осудило ее; вместе с тем, увидев всю ненормальность старой жизни, оно стало искать новой» [1, с. 1]. Одним из проверенных способов улучшения крестьянских хозяйств являлось объединение домохозяев в сельскохозяйственные общества. Содействуя развитию личности крестьянина, они приносили «огромную пользу крестьянству, приучая его к самостоятельности, создавая привычку помогать самим себе, не надеясь на других и рассчитывая только на свои собственные силы. <...> Без ошибки можно сказать, что они являются школой общественной жизни в деревне» [2, с. 1—2].

На Европейском Севере России наибольшее количество крестьянских объединений находилось в Вологодской губернии, которая в целом отличалась широким развитием кооперативного движения. Различные виды кооперативных организаций (общества потребителей, маслодельные артели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества) охватывали почти все население.

В Вологодской губернии действовали сельскохозяйственные общества (СХО). Первые крестьянские объединения такого типа возникли в 1905 г.: в Вологодском уезде — Троицкое СХО (Нестеровская волость), в Великоустюгском уезде — Алешевское СХО (Папуловская волость) и Меркурьевское СХО (Усть-Алексеевская волость). Ежегодно число СХО постоянно увеличивалось. Так, на 1 января 1908 г. в Вологодской губернии числилось 27 СХО. В 1910 г. было учтено 59 СХО, в том числе в Вологодском уезде — 3 СХО, в Великоустюгском — 12, в Вельском — 18, в Устьсысольском — 7, в Никольском — 6, в Сольвычегодском — 2, в Тотемском — 11 [3, с. 15].

На 1 января 1911 г. в Вологодской губернии существовало 67 СХО, а на 1 ноября 1911 г. — уже 79. По уездам общества распределялись следующим образом: Вологодский уезд — 7, Грязовецкий — 4, Никольский — 8, Тотемский — 11, Вельский — 20, Устюгский — 18, Сольвычегодский — 3, Устьсысольский — 7, Яренский — 1. В 1911 г. сельскохозяйственные общества имелись во всех уездах губернии, кроме Кадниковского. Статистика показывает, что число СХО не было постоянным, так как общества то открывались, то закрывались. В 1913 г. в Вологодской губернии функционировало по-прежнему

79 обществ, но в Тотемском уезде их стало 10 вместо 11, зато в Кадниковском уезде появилось Максачихинское СХО в д. Максачиха Ильинской волости [4, с. 15; 5, с. 3; 6, с. 106—108].

Уездные земства способствовали созданию мелких обществ и оказывали им материальную поддержку, что обеспечивало рост числа СХО. В Никольском уезде земское собрание ассигновало на 1909 г. 200 руб. для выдачи беспроцентной ссуды по 50 руб. сроком на 5 лет каждому вновь открывавшемуся обществу. В Великоустюгском уезде при содействии агрономического бюро уездного земства действовало 13 СХО и 23 потребительских общества, из них 12 — при СХО [7, с. 285].

Местные сельскохозяйственные общества, не имея достаточных финансовых ресурсов, обращались с просьбами в уездные земские управы и губернскую земскую управу. В 1909 г. в Вологодскую губернскую земскую управу поступило ходатайство от Верхнетоемского СХО Сольвычегодского уезда. Поскольку крестьяне нуждались в грамотных советах и указаниях по рациональному ведению сельского хозяйства, общество просило назначить ему субсидию в 400 руб., чтобы нанять секретаря «хотя бы с низшим сельскохозяйственным образованием, практически знакомого с улучшенной обработкой почвы, травосеянием, огородничеством, полеводством, для ведения опытного показательного поля». Управа отклонила ходатайство о выделении 400 руб. на наем секретаря СХО, признав его «необоснованным, чисто теоретичным и серьезному обсуждению не подлежащим» [8, с. 133].

Верхнетоемское СХО также ходатайствовало о бесплатной высылке обществу улучшенных семян ржи озимой и яровой по 5 пудов, ячменя шведских сортов и других культур, подходящих к местным условиям, по 3 пуда — для посева на опытном показательном поле СХО и для членов общества; черной вики 30 пудов, клевера красного 2 пуда, шведского клевера 1 пуд, тимофеевки 1 пуд 20 фунтов — для развития травосеяния. Данную просьбу управа нашла нужным удовлетворить и выслала семена обществу [8, с. 134].

В 1910 г. Вологодское губернское земское собрание постановило выделить средства на удовлетворение мелких ходатайств СХО, если эти ходатайства касались небольшого количества семян, удобрений или приобретения популярных брошюр по сельскому хозяйству. Вологодская губернская управа на эти цели внесла в смету расходов

100 руб., посчитав, что «такие, чисто практического характера просьбы следовало бы если не все целиком, то в некоторой их части удовлетворять» [8, с. 131].

В 1911 г. в связи с постоянными обращениями СХО с просьбами о выделении средств Вологодское губернское земское собрание целевым назначением отпустило 140 руб. на пособия сельскохозяйственным обществам. За счет указанного кредита губернской управой были бесплатно выданы для проведения опытов семена зерновых культур улучшенных сортов и корнеплодов Верхнетоемскому, Ефимовскому, Морозовскому и Сольвычегодскому СХО. Также в 1911 г. губернская управа получила ходатайства от Моломского СХО Никольского уезда, Гавриловского СХО Сольвычегодского уезда и Нювчинского СХО Устьсысольского уезда. Они просили снабдить их улучшенными семенами, посадочным материалом и удобрениями для опытных целей. Приняв во внимание, что мелкие сельскохозяйственные общества являлись «полезными сотрудниками земства», Вологодская губернская управа просила губернское земское собрание снова отпустить 140 руб. на удовлетворение как уже поданных ходатайств, так и тех просьб, которые могли поступить в управу позднее [9, с. 172].

В 1911 г. поступило также ходатайство от Больше-Ивановского СХО Марьинской волости Вологодского уезда, которое собиралось открыть свой склад и просило отпустить ему в 1912 г. в кредит на сумму 1000 руб. сельскохозяйственных машин, орудий и семян сроком на 9 месяцев под личную ответственность членов общества. Вологодская губернская управа, приняв во внимание то обстоятельство, что в районе деятельности Больше-Ивановского СХО функционировало Леоновское кредитное товарищество, которое могло самостоятельно открыть склад сельскохозяйственных машин, орудий и семян или же субсидировать для этой цели Больше-Ивановское СХО, предложила данное ходатайство о кредите на 1000 руб. отклонить. Кроме того, губернской управе было совершенно неизвестно имущественное положение членов совета Больше-Ивановского СХО, под ответственность которого испрашивались машины и орудия на сумму в 1000 руб., в то время как кредит по губернской кассе мелкого кредита Леоновского кредитного товарищества был далеко еще не исчерпан. В деле организации сельскохозяйственного склада Больше-Ивановское СХО могло рассчитывать на ссуды Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Главного управления землеустройства и земледелия [9, с. 173].

Практическая работа СХО заключалась в открытии прокатных пунктов, применении минеральных удобрений (туков) на опытных полях и участках, в устройстве рассадников. Прокатные пункты существовали при Малодорском СХО Вельского уезда, Николо-Комьянском СХО Грязовецкого уезда, в Великоустюгском уезде в д. Папулово Папуловской волости при Гладышевском СХО, в с. Палема Палемской волости при Палемском СХО [10, с. 44]. Новленское и Высоковское СХО Вологодского уезда получили пособия от Департамента земледелия на организацию зерноочистительных обозов и прокатных пунктов. Зерноочистительные обозы каждого общества были укомплектованы триером «Гейде» и сортировкой «Триумф», прокатные пункты — рядовой сеялкой, пружинной бороной и железным плугом завода Липгарт. Кроме того, Новленское СХО устроило рассадник плодовых деревьев [11, с. 20; 12, с. 14].

Для реализации плана земских мероприятий по развитию сельского хозяйства требовалось наличие штата участковых агрономов. Потребность в специалистах испытывали сами общества. В 1910 г. в Вологодскую губернскую земскую управу поступили ходатайства от Морозовского СХО Вельского уезда и Сольвычегодского СХО Сольвычегодского уезда об отпуске пособия в размере 700 руб. на оплату труда агронома. Поскольку Департамент земледелия уже ассигновал 700 руб. и перевел эту сумму Вельскому казначейству для выдачи Морозовскому обществу, а члены общества просили дать еще дополнительно 700 руб., их ходатайство было отклонено [8, с. 131].

В 1911 г. Морозовское СХО Вельского уезда вновь обратилось к губернскому земству с просьбой выдать пособие в 700 руб. на содержание агронома, который смог бы обслуживать Морозовское и Малодорское СХО Вельского уезда и Сольвычегодское СХО Сольвычегодского уезда. Вологодская губернская управа пособие на содержание агронома не отпустила и посоветовала обратиться в уездные земства [9, с. 174].

В 1913 г. Малодорское СХО и Орловское кредитное товарищество Вельского уезда подали просьбу об учреждении должности участкового агронома в с. Шангалы Камкинской волости. Свое прошение они объясняли тем, что «учреждение при обществе должности агронома будет способствовать поднятию техники сельского хозяйства, усилит распространение сельскохозяйственных машин и орудий, благотворно отразится на деятельности самого общества и послужит толчком к развитию кооперативов в соседних волостях».

Губернская управа отклонила данное ходатайство, так как содержание участкового агронома относилось к компетенции уездного земства и Департамента земледелия [10, с. 188].

Под давлением постоянных обращений за агрономической помощью со стороны мелких СХО земцы решили откликнуться на их просьбы. Десятого января 1912 г. при Вологодской губернской земской управе состоялось совещание по разработке плана объединения деятельности правительства, земства и СХО в сфере агрономических мероприятий. Совещание приняло резолюцию, в которой говорилось: «При выработке плана агрономических мероприятий в Вологодской губернии, касающихся включения сельскохозяйственных обществ малого района действия в местные агрономические организации, уездные земства должны иметь самую тесную связь с сельскохозяйственными обществами и направлять их работу как мелкой агрономической единицы, и считаться с наличностью этих обществ при разработке плана сельскохозяйственных мероприятий» [13, с. 21].

Патерналистский характер отношений земства и сельскохозяйственных обществ вызывал критику со стороны кооперативных работников Вологды, прежде всего руководителей Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ), открытого 11 марта 1908 г. по инициативе группы местных землевладельцев и общественных деятелей. К организации общества оказались причастны лица, находившиеся в оппозиции к власти: С. А. Бессонов, Д. И. Деларов, П. П. Котов, Н. И. Орлов, В. И. Румянцев, А. И. Швецов. По мнению самих работников ВОСХ, общество было создано «усилиями тех агрономов, которые отбывали в Вологде политическую ссылку, и тех земских деятелей, которые в то время волною реакции были выброшены за борт земских учреждений» [14, с. 4].

На заре своей деятельности ВОСХ предложило согласовывать действия земских и правительственных агрономов по развитию сельского хозяйства и кооперации. Однако земство и правительственные специалисты отнеслись к этому предложению ВОСХ с презрением и высокомерием: «“Всяк сверчок знай свой шесток” — таким был ответ аристократических учреждений маловлиятельному жалкому плебейскому Обществу» [15, с. 46].

Вологодские земцы прилагали большие усилия к созданию мелких обществ и оказанию им постоянной материальной помощи, но не спешили поддержать общество областного масштаба. Деятели

ВОСХ сделали вывод, что «Вологодское губернское земство решило, по-видимому, третировать и не признавать ВОСХ». В дальнейшем земство «либо третировало Общество, либо проявляло столько безразличия к нему, что у деятелей ВОСХ не возникало желания делать новые попытки в направления сближения». Конфронтация между земством и Обществом привела к разделению сфер деятельности: земство занималось сельским хозяйством, ВОСХ — кооперацией, целиком уйдя в кооперативную работу, на которую земство тогда мало обращало внимания [15, с. 46—47].

Постепенно однородность задач и личное знакомство инструкторов ВОСХ и земства подготовили почву для объединения их деятельности. В 1914 г. была создана объединенная земско-кооперативная инструкторская коллегия. Положение об инструкторской коллегии было одобрено на общем собрании ВОСХ и Вологодского губернского земства. Двенадцатого января 1915 г. на одном из заседаний Вологодского губернского земского собрания земская управа представила план совместной работы инструкторского персонала губернского земства и ВОСХ, который был принят единогласно [16, с. 20].

Время от времени некоторыми кооперативными работниками поднимался вопрос о целесообразности существования сельскохозяйственных обществ. На первом Всероссийском съезде деятелей по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации (Санкт-Петербург, 11—16 марта 1912 г.), созванном Петербургским отделением Комитета о сельских кредитных и ссудо-сберегательных товариществах, где присутствовали представители 366 ссудо-сберегательных товариществ, 40 сельскохозяйственных обществ и товариществ, 14 союзов кооперативов, были высказаны сомнения по поводу необходимости сельскохозяйственных обществ как таковых. Делегат съезда секретарь ВОСХ П. П. Котов отмечал «как один из любопытнейших моментов в работе съезда» обсуждение вопроса о том, «как относиться к сельскохозяйственным обществам: признать ли их полезными и нужными культурными единицами или сказать, что в настоящей своей форме они бесполезны. В самом деле, какая цена организации, создавшейся иногда в угоду моде и не обладающей ни материальными средствами, ни знающими людьми, чтобы начать практическую культурную работу. Кажется, вывод прямой — отринуть ее как ненужную ветошь, и перейти к укреплению кооперати-

вов жизнеспособных, каковыми являются, помимо кредитных и потребительских кооперативов, сельскохозяйственные товарищества. Такое мнение проскальзывало в речах многих ораторов» [17, с. 13].

Действительно, некоторые делегаты съезда даже пытались доказать, что общества сельского хозяйства не являются кооперативами, поэтому о них «не следует говорить вовсе». Но эта позиция была отвергнута. Сельскохозяйственное общество с точки зрения теории и практики есть именно кооператив; «оно выделяет из себя целый ряд других кооперативов (кредитное товарищество, товарищество по закупке и сбыту), чтобы совместно с ним работать как одна семья. Задачи общества должны быть настолько серьезны и обширны, что оно должно существовать в центре, в середине всех других видов кооперации» [18, с. 11].

Горячую отповедь противникам сельскохозяйственных обществ дал теоретик кооперации В. Ф. Тотомианц. В своей речи он призвал съезд «дорожить всеми кооперативными ячейками, в коих так или иначе может проявиться общественная работа». Он призывал беречь, а не разрушать эти местные общественные ячейки агрономической помощи населению и выражал надежду, что «быть может, недалеко то время, когда у нас сельскохозяйственные общества мелкого района явятся культурными центрами, облагораживающими население, играющими роль контролера за правильностью расходования членами кооперативных средств» [17, с. 14].

Тем не менее среди некоторых кооперативных работников по аналогии с русской поговоркой «Курица не птица, прапорщик не офицер» появилась прибаутка «Сельскохозяйственное общество не кооператив». Вологодский кооператор К. А. Новиков по этому поводу иронизировал: «Как скандинавские богословы когда-то мудрствовали над вопросом, “христиане ли московиты”, так и исследователи кооперативного движения никак не могут определить, достойны ли сельскохозяйственные общества включения в кооперативную семью, и если достойны, то в какую рубрику кооперативной классификации надлежит их поместить и как оправдать их существование с точки зрения кооперативной теории» [19, с. 5].

Накануне революции 1917 г. бюро кооперативной статистики ВОСХ произвело учет кооперативов северного края. В Вологодской губернии в 1916 г. потребительные общества составляли 45% к общему числу кооперативов, маслодельные артели — 26%, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества — 15%, сельскохозяйственные общества — 12% (табл. 1) [20, с. 12].

Таблица 1

Кооперативы северных губерний в 1916 г.

Губерния	Потребительские общества	Маслодельные артели	СХО	Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества	Прочие	Всего
Архангельская	183	11	10	46	14	264
Вологодская	406	235	111	133	16	901
Олонецкая	138	1	32	63	13	247

В 1916 г. в Вологодской губернии насчитывалось 111 обществ, в то время как в Архангельской губернии их было в 11 раз меньше — 10 СХО, что объяснялось природно-климатическими условиями и особенностями экономики. Так, по данным на 1910 г., в Вологодской губернии крестьяне составляли 95% населения (953 тыс. из 997 тыс.). Здесь сельским хозяйством на каждую 1000 человек занималось 898 жителей, а в Архангельской губернии — 798 человек (в том числе рыболовством и охотой) [21, с. 13—14].

Тем не менее архангельские сельскохозяйственные общества распространяли свою деятельность на большую часть территории губернии. В 1912 г. группа крестьян Шенкурского уезда учредила Шенкурское уездное сельскохозяйственное общество и собиралась открыть зерноочистительный пункт [22, с. 22]. В 1914—1915 гг. сельскохозяйственные общества действовали только в нескольких уездах Архангельской губернии: в Архангельском уезде — Лявленское и Кегостровское СХО, в Шенкурском уезде — Устьпаденское, Верхоуланское, Ямскогорское, Шенкурское и Ростовское СХО. В Холмогорском уезде свою деятельность широко развернула Верхнематигорская молочная артель [23, с. 60; 24, с. 48]. В 1915 г. открылось Поморское СХО для развития сельского хозяйства на Архангельском Севере. В район его деятельности входили Александровский, Архангельский, Кемский и Онежский уезды [25, с. 28].

Появившиеся ранее сельскохозяйственные общества продолжали существовать и при советской власти. К началу 1918 г. в Вологод-

ской губернии насчитывалось 111 СХО. В дальнейшем на статистику повлияли административно-территориальные преобразования. В июне 1918 г. путем выделения из Вологодской губернии Великоустюгского, Сольвычегодского, Яренского, Никольского, Усть-Сысольского уездов произошло создание Северо-Двинской губернии.

По данным бюро кооперативной статистики Вологодского центрального общества сельского хозяйства (ВЦОСХ), к началу 1919 г. в Вологодской губернии насчитывалось 39 СХО, в Северо-Двинской губернии — 38 СХО. По уездам Вологодской губернии общества распределялись так: Вологодский — 9 СХО, Грязовецкий — 5, Кадниковский — 11, Тотемский — 6, Вельский — 8. В Северо-Двинской губернии: Великоустюгский уезд — 11, Никольский — 7, Сольвычегодский — 2, Устьсысольский — 9, Яренский — 9. В Вологодской губернии в СХО входило 7500 человек, в Северо-Двинской губернии — 7300 человек [26, с. 15].

В конце 1919 г. отмечается некоторое увеличение числа СХО за счет 8 обществ Каргопольского уезда и 29 обществ части Кирилловского уезда, отошедших к Вологодской губернии. К началу 1920 г. в Вологодской губернии имелось 76 СХО, в Северо-Двинской — 38 [27, с. 16].

В целом среди всех кооперативов Вологодской и Северо-Двинской губерний СХО занимали одно из последних мест. Так, по двум губерниям к началу 1918 г. СХО составляли 6% от общего числа кооперативов (1596), к началу 1919 г. — 4% (от 2356), к началу 1920 г. — 3% (от 3015) [28, с. 1; 29, с. 31].

С ликвидацией земства сельскохозяйственные общества остались без материальной поддержки. Руководство и инструктирование СХО взяло на себя прежнее ВОСХ, преобразованное в 1917 г. в ВЦОСХ. Сельскохозяйственные общества рассматривались как опорные пункты в агрономической работе. Все СХО делились на три группы: 1) общества, занятые торговлей; 2) общества, нацеленные на развитие сельского хозяйства; 3) общества, занятые преимущественно культурно-просветительскими мероприятиями в сельском социуме.

Не получая поддержки извне, крестьянские общества быстро хирели и закрывались. При обследовании кооперативов выяснилось, что мелкие районные сельскохозяйственные общества, ставившие целью содействие сельскому хозяйству, «не проявляют признаков жизни». Причины упадка обществ были известны: недостаток средств, отсутствие агрономической помощи этим организациям, слабая

связь с населением, отсутствие объединения мелких СХО. Собственные средства СХО были «всегда ничтожны и составлялись обычно из четвертаков и полтинников, вносимых членами ежегодно» [26, с. 10].

Общества постоянно жаловались на свое тяжелое материальное положение. Так, из Вельского СХО писали: «Нет никаких учреждений, нет никаких мероприятий, за отсутствием каких бы то ни было средств». Слободищевское СХО Тотемского уезда сообщало: «Ничего нет и ничего не было, так как не получено ни от кого ничего». Висляковское СХО Грязовецкого уезда, извещая о том, что «никаких мероприятий у общества нет», пояснял причины этого бездействия: «С открытия военных действий с Германией все работники общества были взяты на войну. Все, что намечалось, осталось неосуществленным» [26, с. 15—16].

Также отмечалась «оторванность широких кругов деревенского населения» от СХО, «более или менее активное участие в делах общества принимала лишь небольшая группа лиц, тщетно силившаяся протягивать ножки по одежке, которой у них не было, так как не было ни достаточных средств, ни надлежащего интереса к этого рода организациям» [30, с. 24].

Прежде считалось, что в первую очередь свою нежизнеспособность обнаруживали общества, занимавшиеся торговлей, которая «поглощала все их силы». Вместе с тем в обществах, имевших собственную лавку, в среднем число членов было больше, чем в остальных. Так, на одно СХО с лавкой приходилось в среднем 226 человек, без нее — 185 человек [26, с. 15].

Торговля товарами первой необходимости давала дополнительный доход, поэтому неслучайно в 1918 г. в Вельском уезде зафиксировано 28 случаев перехода СХО на устав потребительских обществ. К примеру, Боровинское общество потребителей Вельского уезда до 1918 г. было обществом сельского хозяйства. Перейдя на устав потребительского общества, кооператив стал укреплять материальное положение, что позволило заняться культурно-просветительной работой и даже открыть библиотеку-читальню. Это была «просторная и светлая комната, по стенам красуются плакаты, напоминающие членам об их правах и обязанностях, и призывы идти через кооперацию к просвещению путем устройства Народных домов, этих рассадников культуры и света среди деревенского населения, объединенного в кооперативы». Ранее общество почти не ставило цель просвещения своих членов; выписывались одна-две маленькие газетки,

и дальше этого дело не шло. Теперь же в читальне общества можно было найти несколько газет, а также кооперативные журналы [31, с. 19].

Несмотря на затухание работы большинства СХО, у части населения сохранялся определенный интерес к сельскохозяйственным обществам. Так, 11 апреля 1919 г. по инициативе членов маслодельных артелей Тотемского уезда состоялось учредительное собрание Мольского районного общества сельского хозяйства (ОСХ). В правление Мольского ОСХ были избраны учитель, крестьяне, члены правления Мольского союза кооперативов. Средства Мольского ОСХ формировались из отчислений 1% с товарного оборота Мольского союза кооперативов и маслодельных артелей, доходов от огорода и показательных участков и членских взносов. Членами общества могли быть как кооперативные организации, так и отдельные лица. Мольское общество сельского хозяйства представляло собой «крестьянскую организацию, независимую, творческую, без элементов принудительности, и охватывающую самые широкие слои трудового крестьянства». Мольское общество намеревалось открыть библиотеку, выписать для нее газеты и журналы, закупить наглядные пособия, проводить лекции, экскурсии и другие культурно-просветительные мероприятия [30, с. 19—20].

Общества обычного типа, действовавшие по Нормальному уставу 1898 г., устраивали сельскохозяйственные курсы и чтения, выставки, опытные поля, другие занимались больше практической работой, создавая склады, прокатные пункты. К примеру, в Вельском уезде Морозовское СХО, открытое в 1907 г., настойчиво вело агрикультурную и культурно-просветительную работу среди местных крестьян. Культурно-просветительная деятельность СХО проявлялась в устройстве показательных мероприятий, чтений и бесед по различным вопросам сельского хозяйства. При обществе имелась библиотека, для нее выписывались кооперативные и сельскохозяйственные журналы, приобреталась художественная литература. Общество устраивало детские праздники и спектакли для взрослых. В марте 1919 г. при Морозовском СХО совместно с ВЦОСХ были организованы курсы по сельскому хозяйству [32, с. 29].

Результаты работы обществ в уездах обнадеживали деятелей ВЦОСХ и позволяли им строить планы о создании сети «жизнеспособных и обладающих достаточными денежными средствами» СХО [33, с. 15]. В 1919 г. наиболее активными были Верховское СХО

Вельского уезда, Лелековское и Нестеровское СХО Кадниковского уезда, Андреевско-Древянское, Вознесенско-Вохомское, Зеленцовское и Кожаевское СХО Никольского уезда, Сольвычегодское СХО Сольвычегодского уезда, Козьминское и Палевицкое СХО Яренского уезда. Общества занимались хозяйственной и культурно-просветительной деятельностью. Имея прокатные и случные пункты, зерноочистительные пункты, склады, показательные поля и участки, они создавали «устойчивое экономическое положение, необходимое для проведения культурно-просветительных мероприятий» (табл. 2) [30, с. 23].

Таблица 2

**Сельскохозяйственные общества
Вологодской губернии в 1918—1919 гг.**

Уезд	СХО	Предприятия и поля
Вельский	Верховское	Опытно-показательное поле, прокатный пункт
Кадниковский	Лелековское	Сельскохозяйственный склад, прокатный пункт
	Нестеровское	Опытно-показательное поле, прокатный и случной пункты
Никольский	Андреевско-Древянское	Зерноочистительный и случной пункты
	Вознесенско-Вохомское	Опытно-показательное поле, прокатный пункт, метеостанция
	Зеленцовское	Прокатный и случной пункты
	Кожаевское	Зерноочистительный пункт
Сольвычегодский	Сольвычегодское	Опытно-показательное поле, зерноочистительный и прокатный пункты
Яренский	Козьминское	Прокатный пункт, кожевенный завод
	Палевицкое	Прокатный пункт

В 1919 г. после подчинения потребительской кооперации Народному комиссариату продовольствия кооперативные деятели стали говорить о «возвращении к жизни захиревших, а порою совершенно умерших мелко-районных обществ сельского хозяйства». Агроном ВЦОСХ А. Галевиус считал нужным «обратить внимание на мелко-

районные общества», цель которых — служить «поднятию и улучшению крестьянского сельского хозяйства и крестьянской промышленности» и оказывать «содействие их планомерной и продуктивной работе» [26, с. 23].

На СХО возлагались большие надежды как на организации, вокруг которых могло «группироваться трудовое земледельческое население». Поскольку число крестьян в мелких обществах составляло 86,9—90,8%, то через мелкие общества следовало «проводить все культурные и агрономические мероприятия на местах, ибо только в таких ячейках могли найти объекты для своей работы и агроном, и внешкольник, и кооператор, и другой общественный деятель, работающий в деревне» [34, с. 6].

В то же время у отдельных вологодских кооператоров появилось «новое течение мысли». Они считали, что мелкие СХО «сами себя уже изжили, а посему возиться с ними не стоит». Соглашаясь с тем, что «идея содействия сельскому хозяйству не только близка нашей кооперации, но и является ее неотъемлемой сущностью», они предложили начать организацию неторговых отделов, содействующих поднятию сельского хозяйства и культурного уровня населения. На смену СХО выдвинута новая форма крестьянских объединений — неторговые сельскохозяйственные отделы при кооперативах первой степени. Такой сельскохозяйственный отдел появился при Карповском обществе потребителей [26, с. 12].

Неумение СХО приспособиться к изменившимся условиям жизни дало право не без оснований говорить о том, что общества «отжили, отстали от жизни и не удовлетворяют запросам деревни». Поэтому СХО «необходимо окончательно ликвидировать», а «вместо них создать совершенно новые организации, которые бы отвечали запросам и нуждам современной деревни» [34, с. 10]. Данную точку зрения отстаивал член правления ВЦОСХ К. А. Новиков. Он полагал, что кружки с агрономическим уклоном были более популярны в деревне, нежели СХО, поскольку возникли по инициативе самого населения.

Однако, как отмечал агроном ВЦОСХ С. Наумов, многие из культурно-просветительных кружков «так же быстро закончили свое существование, как и появились на свет, порою не оставив после себя даже и хорошей памяти». Некоторые кружки «превратились в деревенские “танцульки”, и только очень немногие занимаются культурной работой, которая, к сожалению, идет помимо деревни и не связана с ней глубоко» [34, с. 10].

Между тем сельскохозяйственные общества ставили своей целью обслуживание непосредственных интересов крестьянина, стремились поднять его хозяйство на более высокий культурный уровень. Поэтому, по мнению С. Наумова, «сельскохозяйственные общества малого района еще не спели своей “лебединой песни” и имеют все основания продолжать существовать и развиваться»; «нужно найти только способ, каким образом восстановить и заставить жить, то есть вдохнуть живую душу в эти полузамерзшие сельскохозяйственные общества» [34, с. 11].

Поскольку и культурно-просветительные кружки, и СХО переживали глубокий кризис, деятели ВЦОСХ предлагали создать единую культурно-просветительную и сельскохозяйственную организацию, которая, объединив «все живые силы деревни», вела бы собственно агрикультурную работу и вместе с тем проводила мероприятия «чисто культурно-просветительного характера» (спектакли, курсы, лекции, чтения, беседы). Требовалось «объединение обществ малого района действия». Консолидация усилий агрономов, кооператоров и крестьян могла иметь особое значение «в грядущем возрождении русского сельского хозяйства, и на эту область самодеятельности населения ВЦОСХ придется обратить самое сугубое внимание» [26, с. 23].

Позитивным примером служила деятельность смешанных культурно-просветительных сельскохозяйственных обществ. Они не только устраивали опытные поля, огороды, прокатные и зерноочистительные пункты, но и открывали библиотеки, читальни, детские сады. В сельскохозяйственных культурно-просветительных обществах сосредоточивалась вся культурная жизнь деревни. Членами таких обществ состояли как отдельные граждане, так и кооперативы первой степени.

Однако в октябре 1919 г. по решению Вологодского губернского исполнительного комитета произошло закрытие Вологодского центрального общества сельского хозяйства. В 1920 г. с выходом декрета СНК о слиянии сельскохозяйственных кооперативов с потребительскими обществами началась повсеместная ликвидация мелких обществ сельского хозяйства. К началу 1921 г. в Вологодской губернии осталось только 46 СХО (из 76 СХО, имевшихся к началу 1920 г.) [35, с. 4]. Дальнейший переход к нэпу и внедрение принципов хозрасчета поставили все зависимые от внешних финансовых вливаний крестьянские организации в еще более тяжелое положение.

Подводя итог, можно сказать, что сельскохозяйственные общества малого района действия оказались востребованными крестьянством, чему способствовала финансовая поддержка со стороны органов местного самоуправления. Вологодское земство выделяло субсидии на различные хозяйственные надобности, хотя не всегда удовлетворяло ходатайства о выделении ссуд для приглашения участковых агрономов. Вологодская губерния в целом отличалась от северных соседей широким размахом кооперативного движения и наибольшим количеством сельскохозяйственных обществ по сравнению с другими северными губерниями. Несмотря на то что крестьянские объединения такого типа зачастую зависели от внешней помощи, они участвовали в аграрных преобразованиях в северной деревне. При советской власти даже после ликвидации земства сельскохозяйственные общества продолжили практическую работу по улучшению крестьянских хозяйств.

Список источников и литературы

1. *Козлов С. А.* «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820—1930 гг.) : в 3 т. Т. 1. М. ; СПб., 2020.
2. *Кульжский А. Е.* Как устраивать сельскохозяйственное общество. М., 1908.
3. *Кушныренко-Кушнырев М. А.* Кооперативные организации в Вологодской губернии (к концу 1910 года). Вологда, 1910.
4. *Северный хозяин.* 1913. №2.
5. *Содействие* кооперативам. Доклад Вологодской губернской земской управы губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Вологда, 1911.
6. *Ежегодник* Вологодской губернии на 1913 год. Вологда, 1913.
7. *Доклады* 40-му очередному Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1909 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1909.
8. *Доклады* 41-му очередному Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1910 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1910.
9. *Доклады* 42-му очередному Вологодскому губернскому собранию. Сессия 1911 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1911.
10. *Доклады* Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1913 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1914.
11. *Северный хозяин.* 1912. №21.
12. *Северный хозяин.* 1913. №2.
13. *Северный хозяин.* 1912. №4.
14. *Северный хозяин.* 1917. №3.
15. *Вологодское общество сельского хозяйства.* Доклад. Вологда, 1908.
16. *Северный хозяин.* 1915. №2.

17. *Северный хозяин*. 1912. № 7.
18. Канчер Е. Санкт-Петербургский Всероссийский кооперативный съезд. СПб., 1912.
19. *Северный хозяин*. 1918. № 16.
20. *Северный хозяин*. 1916. № 20.
21. *Сельскохозяйственный* экономический листок Вологодского губернского земства. 1910. № 17—18.
22. *Северный хозяин*. 1912. № 3.
23. *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1914 год. Архангельск, 1914.
24. *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1915 год. Архангельск, 1915.
25. *Северный хозяин*. 1915. № 23—24.
26. *Северный хозяин*. 1919. № 12.
27. *Северный хозяин*. 1919. № 37—38.
28. *Кооперация* Вологодской и Северо-Двинской губерний к началу 1919 года. Вологда, 1919.
29. *Кооперация* Вологодской и Северо-Двинской губерний к началу 1920 года. Вологда, 1920.
30. *Северный хозяин*. 1919. № 15—16.
31. *Северный хозяин*. 1919. № 21.
32. *Северный хозяин*. 1919. № 17—18.
33. *Северный хозяин*. 1919. № 4.
34. *Северный хозяин*. 1919. № 31—32.
35. *Отчет* о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов за три года. Вологда, 1921.

Крестьянство как политический союзник пролетариата (эволюция взглядов В. И. Ленина на проблему)

Исследование основано на анализе ряда работ лидера большевиков — В. И. Ленина, в которых выявляется эволюция его взглядов на роль российского крестьянства в революционном процессе. При всей противоречивости текстов в них отчетливо просматривается сугубо тактическое отношение автора к самой многочисленной, но «мелкобуржуазной» части населения страны. Подобный подход основателя Советского государства создал предпосылки для последующей отрицательной динамики развития сельскохозяйственной отрасли в стране.

The material of the article is based on a number of works by the leader of the Bolsheviks — V. I. Lenin, in which the evolution of his views on the role of the Russian peasantry in the revolutionary process is revealed. For all the inconsistency of the texts, they clearly show the author's purely tactical attitude towards the most numerous, but "petty-bourgeois" part of the country's population. This approach of the founder of the Soviet state created the preconditions for the negative dynamics of the development of the agricultural sector.

Ключевые слова: Россия начала XX в., В. И. Ленин, революция, большевики, крестьянство, пролетариат, советская власть.

Keywords: Russia at the beginning of the 20th century, V. I. Lenin, revolution, the Bolsheviks, the peasantry, the proletariat, Soviet power.

Роль крестьянства в истории нашей страны — это проблема многоплановая и многомерная. Она не сводится только к хозяйственным, социальным и этнографическим ее аспектам. Крестьянство как основа социально-экономического развития России на протяжении

ее многовековой истории являлось базой формирования цивилизационных особенностей нашего общества и государства. При этом данное утверждение относится не только к раннефеодальному и феодальному периодам. Как ни парадоксально, крестьянский аспект серьезно повлиял и на советский период истории страны.

Известно, что Октябрьская революция и сформированный большевиками тип развития общества и государства стали ответом на внутренний кризис начала XX в. Он был соразмерен не только реальной глубине противоречий, но и исторически сложившейся способности общества, его социокультурных групп реагировать на такого рода опасности. Странники Ленина смогли осознать и сформировать те смыслы, которыми можно было воздействовать на разные слои населения. В отношении чуждых классов это были вражда и взаимоотталкивание. Пользуясь архаичностью сознания рабочих и крестьян, большевизм представлял себя единственным защитником их интересов. Этот процесс был тем ярче, чем больше разжигалась атмосфера ненависти к «эксплуататорам» [1, с. 9].

На современные исторические вызовы большевистская партия отвечала архаичной или традиционалистской реакцией, которая была близка уровню сознания рабочих и крестьянства, всегда составлявших большинство населения страны. Они могли воспроизводить смыслы сообразно своим возможностям. Эта реакция была обусловлена особенностями российских менталитета и культуры, в условиях которых формировался большевизм. Здесь же кроется ответ на вопрос о методологии анализа важнейших процессов развития советского общества.

В советской истории, как и в развитии любого государства и общества, имеется масса противоречий. Активное «вторжение» капиталистических начал, вызвавшее к XX столетию мощный конфликт города и деревни, не создавало предпосылок сотрудничества городских пролетариев и крестьянства. При численном преобладании последних руководящая роль рабочей партии в революционном движении не могла стать основой их единения. Поэтому в отношении крестьянства политика большевиков, а затем коммунистов была направлена на его «пролетаризацию». Она должна была касаться и форм хозяйствования, и изменения уровня политического сознания. То есть идейные установки партии, на основе которых строилось советское государство, становились первичными и подчиняли себе экономические задачи. В абсолютизации такого подхода кроется

одна из причин отрицательной динамики советской экономики, особенно сельскохозяйственной. При этом подобная расстановка акцентов противоречила основам марксизма о соотношении базиса и надстройки.

Еще один фактор важен при анализе места крестьянства в советской истории. Так называемая пролетаризация крестьянства и ликвидация собственнической его части ломали авторитет сельского труда, возможности его роста и развития, а значит, и роста количества и качества сельхозпродукции. Поэтому уже в середине XX в. СССР приступил к закупкам зерна за рубежом. Мы до сих пор остаемся страной с невысоким уровнем развития сельскохозяйственного производства. Долгое время крестьянство в советской России было, по меткому выражению Н. П. Носовой, «неудобным» классом, но без него государственная экономика не могла существовать [2, с. 121—127]. В этом состоит один из парадоксов советского периода, корни которого, впрочем, можно искать в исторической ретроспективе.

С чего началось вовлечение русского крестьянства в политическую орбиту? Если анализировать взгляды лидера большевиков, то он, будучи радикальным русским марксистом, изначально видел в системе производства, в том числе сельскохозяйственного, борьбу «имущих с неимущими», которая «идет в России везде... и в глухой деревушке» [3, с. 237]. При этом он постоянно подчеркивал, что крестьяне как мелкие производители живут и действуют в условиях товарного хозяйства, которое постоянно рождает капитализм. Поэтому процесс распада крестьянства на разные социальные группы лидер большевиков называл буржуазным разложением товаропроизводителей, чего крестьяне пока еще, по его мнению, не понимали. Следствием стал раскол на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Раскололся и «старый русский крестьянский социализм, уступив мест, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм» [3, с. 272]. В. И. Ленин в начале XX в. считал, что от гнета капитала крестьянин может избавиться лишь примкнув к рабочему движению. Он полагал, что «агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу — внести классовую борьбу в деревню, — когда с каждым разоблачением того или другого “экономического” зла она сумеет связать определенные политические требования» [4, с. 435]. При этом рабо-

что движение должно было поддерживать борьбу крестьян против классового угнетения. Классовая борьба в деревне была призвана содействовать превращению земли в общественную собственность [4, с. 431—432].

Интересной представляется позиция пролетарского вождя по поводу требования о возвращении крестьянам отрезков, отобранных у них по реформе 1861 г., которое он предлагал внести в аграрную программу партии в 1903 г. В ходе различных выступлений Ленин объяснял логику этого требования тем, что данное решение усилит классовую борьбу в деревне [5, с. 358]. Эта задача, по его мнению, являлась важнейшей для развития революционной борьбы в России. Несколько позже Г. В. Плеханов писал о том, что идею возвращения «отрезков» тогда потребовали многие, боясь, что может начаться крестьянская революция, которая остановила бы развитие капитализма в России [6, с. 67], что, в свою очередь, замедлило бы процесс развития пролетарской классовой борьбы. Р. Майер обратил внимание на тот факт, что для Ленина существовал лишь один неизменный тактический принцип (который определял его стратегическое мышление) — интересы рабочего класса [7, с. 157]. Отношение же к крестьянству строилось только на тактической основе, позволявшей усилить пролетарскую политическую борьбу.

Ранние взгляды лидера большевиков проявляют свойственный ему подход к приоритету субъективного фактора в историческом процессе. Подобное мы можем встретить в базовой работе «Что делать?» по поводу вовлечения пролетариата в политическую борьбу: «Социал-демократического сознания и не могло быть» в рабочем классе — оно может быть внесено только извне [8, с. 29—30]. Конечно, определенная логика такого постулата несомненна. Но воззрения и практика деятельности вождя показывают, что его миссионерские представления о роли партии в формировании политического сознания масс были очевидны. Поэтому явно коррелируют эти понятия — миссионерство и преувеличение роли субъективного фактора — в мировоззрении В. И. Ленина и в формируемой большевиками стратегии и тактике политической борьбы.

Вождь категорично требовал «неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организовав сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию», участвовать в социалистической революции [9, с. 341].

Вместе с тем Ленин призывал «относиться недоверчиво к крестьянству... быть готовым к борьбе с ним» из-за изначальной его реакционности. Для большевиков была очевидна противоположность интересов разных категорий крестьянства. Классовость сельских труженников (то есть идейный аспект) Ленин ставил выше особенностей сельскохозяйственного производства и формируемых ими черт социальной психологии крестьянства. В процессе пропагандистской работы среди крестьян рекомендовалось по-разному относиться к вражде между крестьянами и помещиками: «При одних условиях... это отношение должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки, и не только поддержки, но и “натравливания”». При других условиях это отношение может и должно быть нейтральным» [9, с. 343].

Умозрительность взглядов на крестьянство как объект революционной политики пролетарской партии уступила место несколько иному подходу к проблеме крестьянского участия в начавшейся в 1905 г. революции. Мощный подъем крестьянских волнений, приобретавших характер открытых восстаний, в начале XX в. охватил треть губерний Европейской России [10, с. 127]. В 1900—1904 гг. произошло 670 крестьянских выступлений. Они проявлялись уже в активных формах борьбы вплоть до политических митингов. При этом уже в 1905—1906 гг. стало очевидным стремление либерально-буржуазных партий к компромиссу с властью. Этот факт подвел Ленина к изменению акцентов в характере политической борьбы и установлению новой формы власти после революции — демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства [11, с. 241—270].

На IV съезде РСДРП аграрный вопрос оказался в центре дискуссии. Ленин, даже не будучи поддержан своими сотоварищами большевиками, требовал уже национализации земли, которая ускорила бы процесс развития капитализма в России. Это, в свою очередь, должно было усилить классовую борьбу пролетариата и крестьянства с эксплуататорами и привести к пролетарской революции, что явилось бы подтверждением верности марксовской теории формационного развития человеческого общества. Несмотря на то что съездом была принята программа «муниципализации земли», лидер большевиков продолжал придерживаться идеи усиления капиталистических черт в аграрной экономике. Он считал столыпинскую реформу частью необходимой капитализации России. Ее следствием

должна была стать классовая борьба городских и сельских пролетариев с буржуазией. В статье «Заработная плата сельских рабочих», написанной в марте 1914 г., когда большевики надеялись на новый революционный подъем, Ленин продолжал предостерегать крестьянство от мелких форм хозяйствования, которые при капитализме не спасут его от нищеты и нужды [12, с. 21]. Такой подход означал настрой крестьянства на борьбу с помещиком и изъятие у него земли. При этом решалась и задача нацеленности крестьянства на создание крупных хозяйств, которые будут преобладать после пролетарской революции и находиться под контролем государства.

В апреле 1914 г., ознакомившись с некоторыми техническими новациями в системе крестьянского труда, Ленин продолжил линию представления его капиталистических элементов в качестве фактора, обостряющего неизбежность кризиса и усиления классовой борьбы [13, с. 90—92]. Эти же выводы он транслирует в статье «Земельный вопрос в России» в июне 1914 г., утверждая, что капитализм разовьется в России еще больше при условии национализации земли, и это будет прогрессивной мерой. Далее Ленин утверждал, что это «ускорит развитие производительных сил в земледелии и очистит классовое движение наемных рабочих» [14, с. 239].

Несмотря на то что в работах Ленина обнаруживается своего рода «педантичная теоретизация реальных процессов» [7, с. 154], зачастую не лишенная реального содержания, как, например, «рабоче-крестьянская демократическая диктатура», он быстро оценивал новые революционные возможности в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Известно, что война прервала подготовку большевиков к руководству новым революционным подъемом, который обозначился после 1910 г. Но и в этой ситуации их идеолог не отказался от продвижения идеи классовой борьбы и революции. Влияние войны на уровень жизни крестьянства было крайне негативным. Война подорвала внутренний и внешний рынки, активно развивавшиеся до 1914 г. Крестьянство не находило нужных товаров для обмена на проданный собственный продукт. Происходил процесс натурализации экономики, увеличивая количество традиционного крестьянства, что способствовало актуализации социалистических идей уже в 1915—1916 гг. [15, с. 245].

В работе «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», написанной в сентябре 1914 г., Ленин, среди известных

лозунгов в отношении Первой мировой войны для русского народа, обозначил призыв к конфискации помещичьих земель [16, с. 7]. В октябре 1914 г. в работе «Война и российская социал-демократия» идея продолжения классовой борьбы была доведена им до высшей степени противостояния: «Преобразование современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг» [17, с. 22]. Логическим продолжением утверждаемой Лениным политической стратегии в войне стала работа «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная в 1916 г. Вступление мира и в том числе России в стадию империализма, по мнению Ленина, для страны и общества сопрягалось с количественным ростом и политическим взрослением пролетариата, усилением классовых конфликтов между сельскими производителями, абсолютным ростом политической активности трудящихся, высокой степенью монополизации экономики. Последнее было основой, облегчающей централизацию управления хозяйственным потенциалом страны. Это, с одной стороны, должно было обострить противоречия между владельцами средств производства и трудящимися, с другой — подготовить базу для обобществления производства при социализме.

Оказавшаяся неожиданной для большевиков Февральская революция создала новые реалии, в которых Ленин сориентировался раньше многих политических лидеров. В марте 1917 г. он прямо поставил вопрос: «Каковы союзники пролетариата в данной революции?» Одним из союзников он назвал массу полупролетарского и мелкокрестьянского населения. В конкретных условиях войны, относительной свободы и хозяйственного кризиса большевики должны «просветить и организовать» эту массу, усиливая классовый раскол в деревне [18, с. 21—22]. Уже в апреле Ленин утверждал, что буржуазный этап революции завершен, поэтому для дальнейшего ее развития классовое противостояние должно обрести облик пролетарской борьбы, в том числе в деревне. В его «Апрельских тезисах» были обозначены задачи формирования нового типа власти — Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов. Именно Советы в деревне должны были осуществлять конфискацию помещичьих земель и контроль над вновь образовавшимися крупными образцовыми общественными хозяйствами [19, с. 115]. В этом проявился взгляд вождя большевиков на классовое содержание новой революции — социалистической. К тому же он акцентировал внимание на крестьянах в солдатских шинелях, то есть вернувшихся с фронта и прошедших

там через большевистскую пропаганду, называя их «прогрессивным крестьянством». В процессе конфискации помещичьей земли, по мнению Ленина, «крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее» [20, с. 136].

Начавшиеся летом 1917 г. захваты крестьянами помещичьих земель, которые явились ответом на бездействие Временного правительства в аграрном вопросе, были поддержаны большевиками. «Партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям крестьянских депутатов на местах», — писал Ленин в сентябре 1917 г. В это время факты захвата земли были многочисленными. Понимая серьезность и мощь крестьянского потенциала, большевистский лидер акцентировал внимание не только на поддержке крестьян в этом процессе, но и на придании ему видимости законности — как решений местных крестьянских Советов. Хотя последних было еще крайне мало в стране, подобная тактика способствовала росту их количества и авторитета. При этом в ожидании новой революции такая постановка вопроса содействовала бы недопущению крестьянской анархии в решении вопроса о земле [21, с. 165—167].

Во время Первой мировой войны крайне незначительным было внимание вождя к крестьянскому вопросу в широком смысле слова. Охваченный азартом от предвкушения приближающегося кризиса власти Временного правительства Ленин активно продвигал в своих работах задачу усиления классово-борьбы. В реальной практике большевики осуществляли эту пропагандистскую работу на фронтах, где основная масса солдат была вчерашними крестьянами. В процессе войны усиливалась деморализация деревни. Безуспешность войны, отсутствие реальных правительственных мер, направленных на решение проблем деревни, рост крестьянского самосознания в ходе обретения собственного органа управления в лице крестьянских Советов, большевистская пропаганда на фронте и в тылу — все это содействовало размаху крестьянских требований и реальной практики захвата земель под руководством местных земельных комитетов. Аграрная революция получила дополнительную прививку агрессивности от солдат: где-то по волостям и селениям предлагалось создавать склады оружия [22, с. 195]. Местная власть была бессильна перед этим процессом. Ленин осознавал мощь такого движения. По-ви-

димому, это было одной из причин обращения к эсеровскому аграрному проекту. Декрет «О земле» был необходим большевикам для удержания крестьянства в орбите своего влияния.

Работы Ленина этого периода выдавали только политическую основу интереса большевиков к крестьянству, социально-экономического содержания их аграрная программа не имела. Поэтому использование главных компонентов эсеровской программы явилось очень нужной составляющей в большевистской тактике пролетарской революции. Решалось несколько проблем: укреплялся союз с крестьянством, компромисс с левыми эсерами, решался вопрос об отмене частной собственности и национализации земли.

Уже в изменившихся условиях после октября 1917 г. политика большевиков в деревне продолжала усиливаться в сторону «левицы». Диктатура пролетариата предполагала его союз только с беднейшим крестьянством и батрачеством: осуществить преобразования могло *«только»* присоединение беднейшего крестьянства к пролетариату, *только* национализация банков и синдикатов» [23, с. 432]. Тексты ленинских работ этого периода отличаются ярко дифференцированным подходом к сельскому жителю, в них представлены множественные оттенки принадлежности к крестьянской среде. Более того, в предреволюционных статьях, где Ленин анализировал революционную ситуацию осени 1917 г., постоянной была тревога о том, кто повернет в свою сторону крестьянство: мелкобуржуазные или социалистические партии, сельская буржуазия или пролетариат. Автор жестко ставил задачу большевикам: «вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в этом залог спасения революции» [24, с. 198]. Он же интересовывал крестьянство: «Чтобы вся земля досталась трудящимся, необходим тесный союз городских рабочих с беднейшими крестьянами (полупролетариями). Без такого союза нельзя победить капиталистов» [25, с. 44].

После Октября Ленин постоянно рассматривал крестьянство как многословную структуру. Внутри нее масса противоречий, есть враги и есть союзники пролетариата. Классовая борьба в деревне должна была углубляться. Такова — от почти умолчания места крестьянства в общественных процессах в России в начале века до утверждения его важнейшей роли в судьбе и исходе русской революции в 1917 г. — эволюция ленинских подходов. В это же время немало выступлений и статей Ленин посвящал критике политики эсеров и меньшевиков в крестьянском вопросе. Мотивация очевид-

на: не допустить отхода беднейшего крестьянства от идеи пролетарской революции в сторону программ других партий, заинтересовать его заманчивой перспективой счастливого будущего в новой социалистической России, ради создания которой требуется поддержать пролетариат в социалистической революции.

Выступление Ленина на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов подтверждает понимание им важности поворота крестьянства в сторону большевиков. Между тем отношение к крестьянству как к мелкобуржуазной стихии не изменилось и после октября 1917 г. Сразу после революции Ленин считал необходимым установление жесткого контроля над крестьянством. Он утверждал: «Либо мы подчиняем *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо...» [26, с. 298].

С началом Гражданской войны в России нажим на крестьянство продолжился. Он был продиктован не только продовольственной проблемой. Доминанта большевистской идеологии — классовая политика в отношении крестьянства — обретала новые оттенки, она углублялась в создании комбедов, призванных разрушить остатки единства сельского мира, завершив так называемую революционную борьбу с деревенской буржуазией. Поэтому с лета 1918 г. начался новый этап крестьянской революции, однако он был обречен. В отличие от Временного правительства, которое не могло решить продовольственный вопрос, поэтому пало, большевики нашли решение в расколе крестьянства. Опираясь на комбеды и вооруженные отряды рабочих из голодающих промышленных центров, большевики добились решения продовольственного и классового вопросов ценой развязывания войны с крестьянством [27, с. 335].

Стали забываться слова о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Обещанной лучшей жизни для крестьян не получилось. Вождь пролетариата явно менял акценты в послереволюционной риторике.

После отмены комбедов молодая советская экономика и политика вынуждены были в связи с тяжелыми условиями Гражданской войны пойти по пути поиска союза с середняком: «...в такой стране без поддержки мелкобуржуазного слоя мы долго продержаться не можем». Ленин призывал прекратить подавление крестьянства [28, с. 252]. Среднее крестьянство, составляющее большинство населения деревни, помогло спасти Россию от голода и ужесточения гражданской войны. По сути, оно спасло большевиков, при этом не пере-

став быть «мелкобуржуазным враждебным классом». Вынужденное примирение с середняком не означало отказа от классовой политики. Весной 1920 г. Ленин, выступая на съезде профсоюзов, заявил: «Мы ведем классовую борьбу, и наша цель — уничтожить классы. Пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор социализм остается неосуществимым» [29, с. 304].

Следующий этап классовой борьбы в деревне предполагал завершение борьбы с «кулаком». Это понятие стало часто употребляемым после введения комбедов. В августе 1918 г. Ленин писал: «Кулаки — бешеный враг Советской власти. <...> Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом *никогда*» [30, с. 40].

Крестьянство, по мнению вождя революции, выполнило свою историческую задачу, содействуя прямо или косвенно победе революции. После этого его пути с пролетариями должны были разойтись. В отношении новой власти с крестьянством не вкладывалась экономическая основа. Новую систему социальных отношений Ленин видел в политическом контексте — союзник или враг. Большевики не выполнили главного обещания крестьянству — землю оно не получило. Историческая предопределенность пути России как мощного производителя сельхозпродукции ломалась. Крестьянство, будучи вовлеченным в процесс классовой борьбы, постепенно отдалялось от производства, ради которого оно призвано существовать. Начав с идеи классовой борьбы, большевики содействовали постоянному обострению отношений деревни и власти, в процессе которого ломалась природа крестьянина, мотивация его труда. Ленин не знал практики крестьянской жизни, оставаясь теоретиком, пытавшимся подчинить архетип российской цивилизации западноевропейским законам общественного развития. Определив крестьянству роль тактического союзника пролетариата, Ленин формировал последовательную линию борьбы со всеми слоями крестьянского мира: от уничтожения зажиточного крестьянства до пролетаризации бедного. Крестьянство всегда оставалось средством, объектом большевистской политики, несмотря на то что среди руководства страны были и противники такого курса. Постепенное «вытравливание» крестьянской сути из сельского труженика привело к тому, что любые нововведения советской власти в отрасли давали лишь кратковременный результат.

Список источников и литературы

1. Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.
2. Носова Н. П. «Неудобный класс». Становление советской парадигмы отношения к крестьянству // Вестник Томского государственного университета. 2017. №417.
3. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1.
4. Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство // Полн. собр. соч. Т. 4.
5. Ленин В. И. О нашей аграрной программе // Полн. собр. соч. Т. 9.
6. Плеханов Г. В. Вопросы тактики в эпоху первой революции (1905—1908) // Соч. М. ; Л., 1926. Т. 15.
7. Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М., 2011.
8. Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6.
9. Ленин В. И. Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т. 9.
10. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1 : Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985.
11. Ленин В. И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12.
12. Ленин В. И. Заработная плата сельских рабочих // Полн. собр. соч. Т. 25.
13. Ленин В. И. Крепостное хозяйство в деревне // Полн. собр. соч. Т. 25.
14. Ленин В. И. Земельный вопрос в России // Полн. собр. соч. Т. 25.
15. Кузнецов И. А. Первая мировая война, «аграрный кризис» и крестьянская экономика: к вопросу о предпосылках российской революции // Русское крестьянство и Первая мировая война : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2016.
16. Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Полн. собр. соч. Т. 26.
17. Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26.
18. Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31.
19. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31.
20. Ленин В. И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. Т. 31.
21. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31.
22. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2017.
23. Ленин В. И. Три кризиса // Полн. собр. соч. Т. 32.

24. *Ленин В. И.* Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34.

25. *Ленин В. И.* Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 32.

26. *Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36.

27. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. // Россия сельская XIX — начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М., 2004.

28. *Ленин В. И.* Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 38.

29. *Ленин В. И.* Речь на III Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920) // Полн. собр. соч. Т. 40.

30. *Ленин В. И.* Товарищи-рабочие! Идем в последний и решительный бой! // Полн. собр. соч. Т. 37.

**Аграрная политика государства
в 1920-е — начале 1930-х годов**

В статье анализируются аграрная политика советского государства в условиях нэпа и массовой коллективизации, методы ее осуществления и социально-экономические последствия.

The article analyzes the agricultural policy of the Soviet state in the conditions of NEP and mass collectivization, methods of its implementation and socio-economic consequences.

Ключевые слова: аграрная политика, крестьянство, новая экономическая политика, массовая коллективизация.

Keywords: agrarian policy, peasantry, new economic policy, mass collectivization.

Аграрная политика советского государства с первых ее шагов носила классовый характер. Дав землю крестьянам, государство тотчас вручило им винтовки, чтобы они ее защищали. Можно смело утверждать, что именно крестьянство сыграло решающую роль в победе Советов над белыми армиями. Ради «своей» земли оно терпело все тяготы политики военного коммунизма, в том числе продразверстку. В.И. Ленин писал: «...мы, будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т.е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем» [1, с. 150].

После войны политика военного коммунизма уже не устраивала крестьян, составлявших подавляющую часть населения России. Между тем разверстка оставалась непомерно высокой. Она разрушала

российскую деревню, лишала крестьян стимула к увеличению производства, вызывала их естественное недовольство. Сопротивление продразверстке вылилось в сокращение запашки. При уменьшении посевных площадей и поголовья скота продовольственные ресурсы быстро сокращались. Это был прямой путь к голоду.

Большевики понимали, что в стране нарастает внутренний политический кризис, реальная опасность отрыва власти от ее социальной базы. Противоречия между революционной властью и ее политикой, с одной стороны, и интересами крестьян — с другой, выплеснулись наружу. Крестьяне стали переходить к крайним формам протеста, начались стихийные бунты и восстания, наиболее ярким проявлением которых стало крестьянское восстание в Тамбовской губернии.

Повсеместное недовольство и открытое возмущение крестьян показало ошибочность методов продовольственного обеспечения страны, заставило руководство большевистской партии переосмыслить основы своей экономической политики. Надо отдать должное В. И. Ленину, который смело пошел на радикальную смену взглядов на социализм. Это ускорило принятие советским руководством важнейших решений: о новой экономической политике, снявшей с плеч крестьянина груз продовольственной разверстки; о переходе к свободному производству и расширению рыночной торговли; о нормализации товарных отношений между городом и деревней.

С принятием решения о переходе к нэпу каждому крестьянину устанавливался продовольственный налог, который был почти вдвое меньше заданий прежней разверстки. Излишки хлеба и других продуктов крестьяне могли продавать на рынке либо государству за наличные деньги, а также в обмен на промышленные товары. Нэп и потребительская кооперация создали благоприятные условия для быстрого экономического развития страны. Личный интерес, заинтересованность дали толчок к экономическому развитию. С помощью нэпа за пять лет производство сельскохозяйственной продукции превзошло довоенный уровень.

Это позволило накормить голодающий рабочий класс, уже численно сокращенную армию, обеспечить промышленность сельскохозяйственным сырьем. Постепенно государственными и кооперативными хлебными заготовками были охвачены почти все процессы хозяйственной жизни в деревне. За переломный 1923 г. в сельском хо-

зяйстве наметился быстрый рост, посевная площадь увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 64 %, в том числе пшеницы — на 96 %.

Повышение товарности крестьянского хозяйства занимало главное место среди мероприятий экономической политики того времени. К середине 1920-х гг. улучшилось экономическое положение крестьянских хозяйств, ушла в прошлое разруха. Свобода торговли, укрепление червонца, образование частных предприятий, появление многочисленных кооперативов постепенно вывели страну из страшного экономического кризиса.

В 1928—1929 гг. в условиях рынка сложилась и окрепла мощная хозяйственная система потребительской кооперации, которая занимала 40 % валового и 54 % розничного оборота, 27 % средств общественной торговли, 35 % собственных средств. Постепенно кооперация охватывала все процессы хозяйственной жизни в деревне. Во второй половине 1920-х гг. возникли специализированные производственно-сбытовые кооперативные объединения (Хлебоцентр, Льноцентр, Маслоцентр и др.), а также целая сеть кооперативных предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства.

Потребительская кооперация, изучая спрос населения и предъявляя промышленности определенные требования, постепенно переходила от торговли к плановому удовлетворению потребительского спроса. Благодаря кооперации была разрешена самая сложная проблема теории и практики социалистического преобразования сельского хозяйства, определена экономическая форма, которая сочетает личные интересы крестьянства с общественными, рыночные отношения с государственным регулированием. Словом, кооперация в период нэпа была локомотивом экономического развития.

Усилилось экономическое воздействие государства на развитие социальных отношений в деревне. Закупка хлеба на рынке позволила увеличить поступление зерна и других продуктов в государственные закрома. Переход от продрозверстки к продналогу значительно облегчил жизнь крестьян и оправдал себя как экономически, так и политически. Личный интерес, индивидуальная заинтересованность оказались стимулом, который только и мог дать в тех условиях толчок к экономическому развитию, заставить крестьянина работать с пользой для себя и общества. Быстро восстанавливалось сельскохозяйственное производство, улучшалось снабжение городского населения продовольствием, увеличивались поставки сырья для промышленности.

Воспоминания монархиста В. В. Шульгина ярко подчеркивают эти достижения нэпа. «Москва, — писал В. В. Шульгин, — кажется, восстановилась вполне. Бесконечные ряды, где навалена в титанических количествах всякая еда. Огромные рыбы туши, перерезанные пополам, гипнотизировали своими красными дурхшнитам, серебрились чешуей. Валялись горы дичи, в перьях и общипанные, неистовое количество всякого рода “икр”, да и вообще всего. Я перечислять не мастер, но это грандиозно... в огромных зеркальных витринах всякие принадлежности туалетов, среди которых узрел достаточное количество крахмальных воротничков, рубашек, галстуков и тому подобных вещей. Это сильно уступало роскоши западных столиц. Но явно было на пути к ней. Советская власть не поспевает за буржуазными правительствами, но все же бежит за ними петушком, вприпрыжку» [6, с. 225—226].

С развитием производительных сил страны, с ростом промышленного и сельскохозяйственного производства большое значение приобретали вопросы товарооборота, и тем настоятельнее становилась необходимость государственного управления рынком. Был выдвинут лозунг научиться культурно торговать и хозяйничать, правильно расставлять силы и систематически проверять исполнение. Доля частных торговцев в общих заготовках хлеба сократилась. Таким образом, в условиях преобладания мелкого крестьянского хозяйства страна получила возможность сосредоточить в своих руках основную часть товарного хлеба и регулировать объемы заготовок и заготовительные цены, что позволило существенно обуздать рыночную стихию. Тем самым были серьезно урезаны возможности спекулянтов, ограничено действие перекупщиков, посредников.

Все это способствовало тому, что сельское хозяйство росло более быстрыми темпами, чем промышленность. К тому же доля промышленной продукции, выделяемой для обмена, сокращалась.

Нэп помог в короткий срок восстановить сельскохозяйственное и промышленное производство, но не создал основ индустриализации. Восстановление промышленности осуществлялось как реставрация ее предшествующей структуры, а не как модернизация. Страна же нуждалась именно в модернизации, для которой необходимы были новейшая техника и технология, высококвалифицированные специалисты. Без значительных валютных средств модернизация была невозможна, и главным источником таких ресурсов виделось сельское хозяйство. Государство нуждалось в больших объемах дешевого хлеба, который можно было экспортировать. Задача состояла в том, как

взять его у крестьян. Промышленных товаров не хватало. Крестьяне не могли отоварить деньги, полученные от реализации своей продукции, спрос на промышленные товары быстро рос, они дорожали, а цены на сельхозпродукцию снижались, появились «ножницы цен». При таких условиях получить хлеб можно было лишь за счет неэквивалентного обмена между городом и деревней. Словом, коллективизация началась не столько для ускорения темпов роста производства и повышения его эффективности, не для быстреешего перехода отрасли на социалистические рельсы. Колхозы создавались потому, что они были лучшей формой изъятия хлеба у крестьян. Перед руководством страны стояла дилемма: либо цивилизованные товарно-денежные отношения при сокращении темпов индустриализации, либо ускоренная индустриализация с использованием средств внеэкономического давления на крестьян. Был выбран второй путь. Власть пошла на централизацию в своих руках основной части хлеба и регулирование уровня заготовительных цен. Усиление диспаритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары ударило по интересам крестьян. Объем реализации продукции резко сократился, что привело к большим затруднениям в хлебозаготовительной кампании 1927 г. Государство снова пошло на чрезвычайные меры. Сталин говорил, что обеспечить быстрые темпы экономического развития можно только за счет внутренних средств. И крестьянину придется платить нечто вроде «дани», сверхналога, который вводится временно для того, чтобы сохранить нынешний темп развития индустрии [4, с. 159].

Отдавая практически все, что ими производилось, крестьяне находились, по существу, в положении рабов. Больше всего страдали зажиточные крестьяне, кулаки, которые основную часть своей продукции продавали на рынке. Состоятельные слои деревни, имеющие хлебные излишки и играющие большую роль на хлебном рынке, стали саботировать продажу продукции по ценам, не компенсировавшим затрат. Начались сокращения запашки, забой скота. Нередко в поле оставался необрушенный урожай. Интересы государства и крестьян снова разошлись. Конфронтация между кулачеством и советской властью нарастала. По убеждению руководства страны, кулак мешал проводить нужную власти продовольственную политику. И государство снова пошло на чрезвычайные меры, на принудительное, практически бесплатное изъятие сельскохозяйственной продукции у крестьян. Принимается решение о ликвидации кулачества как класса.

И. В. Сталин поставил задачу быстрого развития тяжелой промышленности на основе централизации планирования и управления, насильственной коллективизации крестьянства.

В 1928 г. валовой сбор ржи и пшеницы сократился на 500 и 600 млн пудов соответственно по сравнению с 1927 г. Срывались договоры поставок иностранного оборудования, а следовательно, и планы индустриализации. Это заставило руководство страны коренным образом изменить аграрную политику. В ряде своих выступлений И. В. Сталин приводил цифры, которые показывали, что значительная часть довоенной торговли зерном приходилась на хозяйства помещиков и кулаков. Этот вывод имел огромное значение для активизации процесса коллективизации, так как ставил под сомнение возможность при индивидуальном крестьянском хозяйстве и сложившейся рыночной политике обеспечить армию и города продуктами питания. В конце 1920-х гг. развитие на основе рынка привело к углублению экономического расслоения сельского населения. Нарастала не только поляризация между богатыми и бедными крестьянами, но и расслоение в среде середняков. Одна их часть пополняла ряды наемных работников — батраков, другая выбивалась в число богатых.

Слабая промышленность не могла дать крестьянам в достатке необходимых товаров. Возможности развития материально-технической базы деревни отставали от потребностей. Например, в 1928 г. свыше 70% площадей яровых культур засевалось вручную, около 45% всех зерновых было убрано серпами и косами, более 40% всего урожая обмолочено цепями и валками. Возросший платежеспособный спрос деревни не был сбалансирован соответствующим ростом товарного предложения со стороны промышленности. Резко снизились цены на зерно и другие продукты крестьянского хозяйства, что привело к затруднениям в хлебозаготовительной кампании 1927 г. Появились «ножницы цен». Снижалась заинтересованность крестьян в наращивании производства. Сокращение темпов роста валовой продукции привело к нехватке в городах хлеба и других продуктов. Правительство вынуждено было ввести карточную систему. Свертывалось кооперативное движение. Наметилась тенденция нарушения рыночного равновесия, не соблюдались основные закономерности развития экономических отношений, нарушались изначальные принципы кооперации, их подменяли бюрократическими приемами руко-

водства. Все это вскоре переросло в кризис. Начинался принципиально новый период советской истории. Кардинальные изменения претерпела и аграрная политика.

После Декрета о земле все крестьяне получили равные земельные доли. Но справедливый подушный раздел земли не обеспечил равные возможности хозяйствования. Богатые крестьяне (в основном бывшие кулаки), имея достаточное количество рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, капиталы и, как сегодня бы сказали, являясь хорошими менеджерами, более эффективно работали на своих наделах, получали более высокие урожаи. Бедные безлошадные крестьяне вообще не могли обрабатывать свои наделы и вынуждены были сдавать их в аренду, а сами нанимались к богатым хозяевам в работники.

Крестьянство разделилось на три группы: богатые, середняки и бедняки. Кулак быстро увеличивал обрабатываемую площадь и численность работников-батраков, становился важнейшим поставщиком товарной сельскохозяйственной продукции. Всевозрастающий капитал прижимистого кулака вкладывался в приобретение техники, расширение производства. Усиливалась эксплуатация наемных работников. Мелкие крестьянские хозяйства действовали в рамках частного интереса и тоже старались придерживать сдачу хлеба. В 1927—1928 гг. заготовки его резко сократились. Это сказывалось на ходе индустриализации страны.

Большевики понимали, что с помощью механизмов нэпа получить от крестьян необходимое количество дешевого хлеба невозможно. От чрезвычайных мер, связанных с изъятием продовольствия, уже устали, да они и не давали должного эффекта. Требовались новые подходы, гарантировавшие поступление в закрома государства нужных объемов продовольствия. Этого можно было добиться с помощью неэквивалентного обмена.

Отказ от нэпа и переход к сплошной коллективизации либеральные исследователи до сих пор считают ошибкой большевиков в аграрной политике. Так ли это? Без серьезного анализа состояния, в котором находилась страна в конце 20-х гг. прошлого столетия, невозможно объективно ответить на этот вопрос. Промышленность в период нэпа развивалась в основном за счет ввода старых, дореволюционных промышленных предприятий, которые были остановлены в период гражданской войны и интервенции. Россия оставалась промышленно отсталой, одиноким социалистическим островком в

океане враждебного капитализма. Капиталистические страны ненавидели нашу страну и не хотели признавать социалистическое государство. Сталин утверждал, что интервенция 14 государств, пытавшаяся задушить молодую социалистическую республику, была доказательством того, что опасность нового вторжения в страну интервентов сохраняется, а потому обеспечение обороноспособности страны было крайне необходимо. Единственный способ избежать нового избиения состоит в том, чтобы догнать капиталистический мир [2, с. 39].

Индустриализация началась под лозунгом догнать и перегнать передовые страны в экономическом и техническом отношениях. «Хотите ли, — говорил Сталин, — чтобы наше отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства социалистического хозяйства. Других путей нет... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны преодолеть это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [3, с. 38—39].

Сталин и его окружение пошли на полную ликвидацию нэпа и введение чрезвычайных мер. Считалось, что крестьянство, пока оно остается индивидуальным и мелкотоварным, постоянно и непрерывно будет выделять и не может не выделять из своей среды капиталистов, что удельный вес капиталистических элементов в стране падает и они, чуя смертельную опасность, усиливают свое сопротивление.

В 1929 г. заостряется вопрос об ускорении развития колхозов и совхозов, о наступлении на зажиточные элементы крестьянства. Форсированные темпы коллективизации нужны были для того, чтобы брать из села как можно больше средств для индустриализации и обеспечения обороноспособности страны. Вопрос о крестьянстве стал одним из важнейших в экономической политике партии. Форсировалась организация колхозов, а летом 1929 г. партия призвала к «сплошной коллективизации». Административный нажим усиливался, появились новые формы «чрезвычайщины».

Большевики понимали, что при колхозной системе пропадала всякая неопределенность в отношении того количества продовольствия, которое было необходимо государству для рабочих, армии и экспорта. Колхозы были наилучшей формой организации, позволяющей власти с меньшими издержками изымать хлеб у крестьян. Началось соревнование между регионами, кто быстрее завершит коллективизацию. Нередко обобществлялись жилые постройки, мелкий

скот, домашняя птица. «Что это — политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации? Успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: “Мы все можем! Нам все ни-почем!” Они, эти успехи, нередко пьянят людей, причем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристические попытки “в два счета” разрешить все вопросы социалистического строительства» [5, с. 192]. Так Сталин фарисейски «осуждал» авантюристический подход к созданию колхозов, на деле же попирает идею постепенности и добровольности. В этих условиях ни о каком сознательном отношении крестьян к оперированию не могло быть и речи.

Массовая коллективизация сельского хозяйства и новая система заготовок, ставившие своей задачей выкачивать из крестьян как можно больше хлеба, позволили резко увеличить объемы заготовок. Однако грубейшие отступления от принципов кооперации обернулись большими издержками социального, экономического и нравственного характера. Замена отношений с крестьянством на основе товарообмена и взаимной выгоды отношениями диктата привела к созданию принципиально новой политической и социальной обстановки. Страна возвращалась к практике продразверстки. Последующие события, известные как «скачок в коллективизацию», были ожесточенным наступлением государства на крестьянство, последствия которого пагубным образом сказались и на крестьянстве, и на системе.

Низкие заготовительные цены на сельхозпродукцию ужесточили эксплуатацию, подорвали заинтересованность крестьян в увеличении производства. В 1925—1926 гг. прирост валовой продукции сельского хозяйства составлял 19,2%, в 1926—1927 гг. — 4,1%, в 1927—1928 гг. — 3,2%. С 1928 по 1933 г. валовая продукция отрасли сократилась на 18,5%.

Главной целью сплошной коллективизации стало стремление в самые сжатые сроки решить зерновую проблему, резко увеличить объемы товарного хлеба. На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был установлен контроль за «темпами коллективизации». Действовал критерий: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти!» В итоге были отброшены важнейшие принципы кооперации: добровольность организации кооператива, выборность руко-

водства, самоуправление. В этих условиях ни о каком сознательном отношении крестьян к кооперированию не могло быть и речи. Их недоверие к колхозам было повсеместным, резко снизилась заинтересованность в труде.

Колхозная система стала гарантом получения того количества продовольствия, которое требовалось для городов, армии и экспорта. Выбора не было: либо совершить почти невозможное, ломая традиционный уклад жизни огромной страны, неимоверно напрягая силы, либо смириться с грядущей иностранной оккупацией и тотальным геноцидом русского народа. Подход И. В. Сталина был прямым и быстрым решением. Стратегия Н. Бухарина, который доказывал право крестьян на большую свободу, была обходной, медленной. Большевики противопоставили свою волю интересам крестьянской массы, на тяжелом труде и лишениях которой осуществлялась ускоренная индустриализация страны. Их модель оказалась эффективной для создания крупной, хорошо развитой тяжелой промышленности и военной индустрии.

Большевики за очень короткий период времени обеспечили модернизацию промышленности и повышение обороноспособности страны. Они преодолели традиционное отставание России в этой сфере и вывели страну на уровень современных буржуазных государств Европы. Индустриализация требовала большого количества рабочих рук. Их можно было взять только на селе. Правительство принимает ряд постановлений, обязывающих руководителей колхозов и совхозов поставлять кадры для промышленности. За 1929—1935 гг. почти 17 млн молодых здоровых жителей села переселились в города, численность населения которых удвоилась. Город окрестняивался, крестьянство пролетаризировалось. Количество городского населения увеличилось примерно на 60 млн чел., а население деревни сократилось на 17,9 млн чел. То есть деревня отдала городу весь свой естественный прирост и почти 18 млн чел. основного населения. К середине 1930-х гг. существенно изменилась социальная структура аграрного производства: на долю единоличных крестьянских хозяйств приходилось лишь 5% произведенного зерна, основную его массу давали колхозы и совхозы. Переселившиеся в города крестьяне столкнулись с экономическими трудностями, нехваткой жилья.

Соотношение городского и сельского населения резко изменилось, и вопрос аграрного перенаселения приобрел несколько иной

характер. Деревня наложила отпечаток на психологию города. Если в 1913 г. в городах проживало 24,7 млн чел., то в конце 1930-х — 87 млн. При этом быстро менялся состав населения колхозной деревни, она по своему составу не была уже чисто крестьянской, превратившись в такой населенный пункт, в котором живут и колхозники, и служащие, и рабочие, и лица интеллигентных профессий, не говоря уже о том, что в составе самих колхозников стали появляться интеллигентные люди со средним образованием и специальной подготовкой.

Предвидя неизбежность военной агрессии объединенного западного мира против СССР, руководство страны с полной самоотдачей развивало научно-технический потенциал. Большевики понимали, что без создания «нового человека», без современной науки невозможно выйти в число развитых государств мира. В 1930 г. в деревнях открылись обязательные для всех трехгодичные курсы начального образования, крестьянам были предоставлены равные с рабочими льготы при поступлении в высшие сельскохозяйственные учебные заведения и на рабфаки.

В короткий исторический период страна добилась огромных успехов в сфере экономики, произошел технический, научный, культурный рывок. За считанные годы была восстановлена разрушенная экономика, готовились научные и инженерные кадры, осуществлялась структурная перестройка в промышленности, проводилась модернизация всей экономики. Концепция Сталина обеспечила в предвоенное десятилетие 19,5% ежегодного прироста продукции в среднем по промышленности, 28,5 и 17,7% для групп А (товары промышленного назначения) и Б (потребительские товары) соответственно. В то время как Советский Союз демонстрировал беспрецедентные успехи во всех сферах жизни, капиталистический мир погружился в пучину небывалого доселе кризиса. СССР своими успехами породил большую тревогу на Западе, сильно напугал капиталистический мир.

Без «сверхналога» с крестьян такие темпы роста промышленного производства были бы невозможны. В 1933—1934 гг. для обеспечения колхозов соответствующими машинами государство организовало 2,5 тыс. МТС. С помощью колхозов и их тракторизации руководство страны рассчитывало резко повысить товарность зерновых культур и существенно расширить экспорт зерна. Уже первый год коллективизации показал, что те задачи, ради которых коллективи-

зация начиналась, успешно выполнены. В 1930 г. государственные заготовки зерна по сравнению с 1928 г. выросли в два раза. Это давало основание предусмотреть в первом пятилетнем плане рост производства зерна с 731 млн ц в 1927—1928 гг. до 1058 млн ц в 1932—1933 гг.

Однако высокая товарность хлеба в 1930 г. была достигнута не за счет новой организации сельскохозяйственного производства, а за счет благоприятных погодных условий, позволивших получить рекордный урожай зерновых. Хорошо «поработали» и заготовительные органы, выгребая хлеб у крестьян. Они вывезли даже хлеб, необходимый для пропитания колхозников. Это стало основанием существенно увеличить план заготовок в 1931 г. Крестьянство оказалось в крайне тяжелом положении. Крестьянин снова стал центральной фигурой всех планов и стратегий, главным донором государственного бюджета. К 1929 г. преобладающая масса продуктов сельского хозяйства приобретает государство без посредства частного капитала по твердым ценам. В. И. Ленин еще в начале революции говорил, что работа по вовлечению широких масс крестьянства в кооперацию является процессом длительным, поскольку эта форма хозяйствования требует для своего успеха соответствующих навыков и должна распространяться исключительно путем разъяснения, убеждения, постоянного подведения крестьян к мысли о целесообразности объединения мелких хозяйств при недопустимости какого бы то ни было администрирования. Однако принципы недопустимости спешки и насилия при кооперировании деревни, постепенности и добровольности коллективизации игнорировались.

Чтобы предупредить взрыв крестьянского возмущения, государство приняло ряд мер: была реабилитирована часть раскулаченных, прекратилось принудительное обобществление скота, колхозам стали оказывать материальную помощь, предоставлять налоговые льготы. Организация МТС способствовала повышению уровня механизации и технической оснащенности сельского хозяйства. Только за 1930 г. их было создано свыше 1 тыс. Продолжение этого курса могло бы существенно оздоровить обстановку в деревне. Однако горький опыт предыдущих лет не пошел впрок. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. наметил контрольные цифры коллективизации для всех районов страны. На коллективизацию вновь были брошены основные силы партийных, государственных и

общественных организаций. Кулакам же, по сути, объявлялась война. Возобновилась конфискация у них средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек. В результате свертывалось производство, началась массовая распродажа скота, инвентаря, сельхозмашин. Примерно 250 тыс. кулацких семей «самораскулачились».

В итоге к июню 1931 г. в колхозах было объединено около 53%, а в 1933 г. — почти 60% крестьянских хозяйств и 73% посевной площади. В колхозы вступило в 5 раз больше крестьянских дворов, чем в 1929 г. За 1930—1934 гг. коллективизация сельского хозяйства в основном была закончена. Число крестьянских дворов, вошедших в колхозы, возросло почти в 16 раз. Естественно, при таких темпах ни о какой добровольности, ни о каком сознательном отношении крестьян к кооперированию не могло быть и речи.

Хлеб заготавливали по заранее составленным планам. Цены на зерно и другие продукты были в несколько раз ниже рыночных. За услуги МТС вводилась натуральная оплата. За труд колхозники практически ничего не получили. Еще в 1928 г. была введена контрактация по договорам с кооперативами и крестьянскими хозяйствами. После того как единоличное частное крестьянское хозяйство было заменено колхозным, контрактацию как общую форму заготовок сельскохозяйственных продуктов сменили обязательные поставки, имевшие характер и силу налога. Все это резко снизило социальную активность масс, заинтересованность в результатах производства и в конечном счете привело к сокращению производства сельскохозяйственной продукции, уменьшению поголовья скота. Если в 1916 г. насчитывалось 58,4 млн голов крупного рогатого скота, то в 1928 г. — 66,8 млн, в 1933 г. — 33,5 млн, в 1936 г. — 46 млн. Соответственно сократилось и производство продукции животноводства. В 1928 г. по сравнению с 1922 г. производство зерна возросло на 46%, мяса — в 2,2 раза, молока — на 2% и яиц — в 2,4 раза. В 1934 г. производство мяса уменьшилось против уровня 1929 г. в 2,9 раза, в 1933 г. производство молока по сравнению с 1928 г. — на 61%, яиц — в 3 с лишним раза.

Эти показатели свидетельствовали о том, что аграрная политика не отвечала интересам многих крестьян.

В результате антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебозаготовок, проводимой ради решения задачи форсированной индустриализации страны, положение крестьян рез-

ко ухудшилось. В 1932—1933 гг. деревню постиг голод. Он был вызван неурожаем, насильственной коллективизацией, приведшей к крестьянскому сопротивлению хлебозаготовкам, а также увеличением экспорта зерна для закупки на вырученную валюту высокотехнологичного промышленного оборудования. В ряде районов колхозники и единоличники, бросив свое имущество, целыми селами снимались с мест, уходили на стройки в города и промышленные центры, искали любые заработки, уклоняясь от колхозных работ. Деревня пустела. Летом 1932 г. на еще не созревших полях по ночам срезали колосья. Зерно несли с токов в карманах и за пазухой. Деревню захлестнула волна административного произвола и насилия. По закону об охране социалистической собственности за подобное хищение применялась высшая мера наказания или лишение свободы на срок не ниже 10 лет. В этих условиях никто не был заинтересован в производительном труде. Существовавшие методы коллективизации не создавали, а разрушали производительные силы деревни.

В годы сплошной коллективизации реконструкция сельского хозяйства на базе новой техники затрагивала лишь небольшую часть колхозов. По-прежнему преобладали примитивные орудия и методы обработки земли. Слабая техническая оснащенность не позволяла использовать преимущества коллективных форм организации труда, тогда как отрыв крестьянина от земли, снижение его материальной заинтересованности сказались существенным образом. В колхозной системе как способе перехода к новым порядкам было много не кооперативного. Хозяйственная самостоятельность колхозов как кооперативных предприятий все больше ограничивалась, превалировали административные методы руководства, грубо нарушался принцип выборности руководящего состава колхозов.

В целях расширения посевных площадей и повышения урожайности сельскохозяйственных культур СНК СССР и ЦК ВКП(б) 19 января 1933 г. приняли постановление «Об обязательной поставке зерна государству», по которому договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур была отменена. Для всех товаропроизводителей были установлены твердые, обязательные поставки сначала зерна, а затем и мяса, молока, картофеля, подсолнечника и шерсти. Контрактация сохранялась только для технических культур. С 1933 г. этот порядок поставок стал основным методом государственных заготовок продукции сельского хозяйства, что не могло не

отразиться на увеличении их объемов. Если в 1927 г. колхозы и совхозы поставили государству 35 млн пудов зерна, в 1930 г. — свыше 400 млн, то в 1934 г. — более 1 млрд пудов, что составляло примерно 75% всего объема заготовок. Единоличные крестьяне в 1934 г. сдали лишь 130 млн пудов зерна против 780 млн в 1929—1930 гг.

Новая заготовительная система позволила обеспечить высокий уровень товарности колхозного производства, резко увеличить заготовки хлеба в стране. Усилилась централизация. Разрабатывается единый план развития сельского хозяйства.

Большое значение в этот период приобретает поступление сельскохозяйственной продукции в порядке натуроплаты за обслуживание колхозов МТС, от услуг которых они не могли отказаться. Закрыта государства в результате натуроплаты ежегодно пополнялись около 1 млрд пудов зерна. После выполнения плана обязательных поставок и натуральной оплаты работы МТС в большинстве хозяйств не оставалось хлеба для выдачи колхозникам по трудодням.

Можно утверждать, что колхозная система в СССР внедрялась в страшных муках деревни. Власть по ходу коллективизации также училась и делала выводы из своих ошибок. К таким выводам можно отнести отказ от обобществления личного подворья колхозников. В личном пользовании крестьяне получали до 50 соток земли. Уже к середине десятилетия личные подсобные хозяйства крестьян давали большую часть картофеля и овощей, весомую долю молока и молочных продуктов, мяса и другой продукции. Крестьяне, не имея адекватной оплаты труда в колхозах, получили в приусадебных хозяйствах источник для содержания своих семей. Внедрение всеобщего неполного среднего образования, возможность крестьянским детям обучаться в техникумах и вузах, бесплатное медицинское обслуживание примирило крестьянство с властью (за исключением репрессированного кулачества). К началу войны укрепились колхозы, они стали больше внимания уделять оплате труда. Все это привело к тому, что, вступив в войну, советское колхозное крестьянство в целом поддержало свое государство, защищало свое советское Отечество.

Список источников и литературы

1. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 43.

2. *Сталин И. В.* О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б), 13 апреля 1928 г. // Соч. Т. 11.

3. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Соч. Т. 13.

4. *Сталин И. В.* Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на пленуме ЦК ВКП(б), 9 июля 1928 г. // Соч. Т. 11.

5. *Сталин И. В.* Головокружение от успехов: К вопросам колхозного движения // Соч. Т. 12.

6. *Шульгин В. В.* Три столицы. М., 1991.

О. В. Бершадская

**Производственный потенциал
черноморской деревни в 1920-е годы:
историко-экономический анализ**

Проведен историко-экономический анализ эффективности основных факторов производства черноморской деревни в 1920-е гг., направленный на выяснение возможностей создания продовольственной базы санаторно-курортной отрасли.

The work carried out a historical and economic analysis of the effectiveness of the main factors of production of the Black Sea village in the 1920s in order to find out the possibilities of creating a food base for the sanatorium and resort industry.

Ключевые слова: черноморская деревня, факторы производства, историко-экономический анализ, 1920-е годы.

Keywords: Black Sea village, factors of production, historical and economic analysis, 1920s.

В 1920-е гг. в Черноморском округе Северо-Кавказского края началось восстановление и дальнейшее развитие санаторно-курортной отрасли. В связи с этим перед местными крестьянскими хозяйствами была поставлена задача обеспечения курортных городов и санаторных учреждений продукцией собственного производства. Данная задача не была выполнена, поэтому санатории и пансионаты вынуждены были закупать сельхозпродукты на Кубани или держать подсобное хозяйство. В настоящей работе проанализирован производственный потенциал черноморской деревни по четырехфакторной модели и дан ответ на вопрос, насколько реальной была возможность создания продовольственной базы курортной отрасли на основе крестьянских хозяйств округа.

Один из четырех основных факторов производства — земля. Вопрос обеспечения земель в черноморской деревне стоял очень остро. Особенности рельефа не предполагали наличия пространства для сельскохозяйственных угодий. В рассматриваемый период в среднем на каждого едока приходилось 0,68 дес. земли [1, ф. 17, оп. 16, д. 1003, л. 12]. Следует учесть, что значительная часть земельных наделов располагалась на горных склонах, заросших густым лесом. Землепользование в черноморской деревне характеризовалось «чересполосностью» и дальнотемельем. В пользовании большинства крестьянских семей находилось несколько участков, с трудом очищенных от лесной растительности и никогда не переделываемых. Во многих населенных пунктах сведение отдельных отрубков в единый участок требовало очень больших материальных средств, которых не было ни в местном бюджете, ни у населения [2, ф. Р-158, оп. 1, д. 89, л. 44].

Тяжелые глинистые почвы не позволяли выращивать полевые культуры даже для собственного обеспечения, поэтому хлеб в Черноморском округе был привозным и дорогим. Основными отраслями сельскохозяйственного производства являлись табаководство, садоводство и виноградарство. Хорошие перспективы имело овощеводство. Однако своевременно реализовывать продукцию могли только те хозяйства, которые располагались в приморской низменности вблизи путей сообщения. Для жителей горных селений, находившихся вдали от транспортных магистралей и курортной зоны, доставка фруктов и овощей была сопряжена с большими трудностями и материальными затратами [3, ф. 9, оп. 1, д. 531, л. 24]. В 1925 г. началось изъятие из сельскохозяйственного фонда части земель, получивших курортное значение [1, ф. 17, оп. 16, д. 999, л. 33]. Указывалось, что на этих землях «ни в коем случае не должен допускаться отвод земли в трудовое пользование, а также не должны иметь места сдача земли в аренду хозяевам-единоличникам» [4, ф. Р-9, оп. 1, д. 685, л. 90]. Для сельских жителей округа это означало потерю территорий, расположенных в удобной местности вблизи рынков и путей сообщения, что еще больше ухудшило ситуацию с землепользованием. Все вышеуказанные обстоятельства объясняют, почему земля в черноморской деревне не могла стать эффективным фактором производства.

Еще один фактор производства — труд, под которым понимается совокупность физических и умственных способностей людей. По

данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Черноморском округе в 722 сельских поселениях проживало 178 954 человека. В сельскохозяйственном производстве было занято около 85 % жителей округа [5, с. 347—357]. В крестьянских семьях дети с 10-летнего возраста активно включались в трудовой процесс. Верхней границы трудоспособного возраста у крестьян, как правило, не фиксировалось, так как люди преклонного возраста продолжали выполнять посильные обязанности в домашнем хозяйстве. Для нашего анализа мы взяли возрастную группу от 10 до 39 лет. Ее численность составляла 106 900 человек — примерно 60 % жителей черноморской деревни [6, с. 214—215].

При оценке эффективности труда как фактора производства необходимо учитывать не только численность трудоспособного населения, но и уровень его квалификации. В рассматриваемый период важным показателем квалификации являлась грамотность. Перепись 1926 г. зафиксировала процент грамотного населения в стране. Однако критерии грамотности не были высокими и ограничивались умением читать по складам и писать свою фамилию. В связи с этим выяснить уровень образованности опрашиваемых жителей по материалам переписи 1926 г. не представляется возможным. В черноморской деревне только 77 440 человек (что составляло 43,3 % от общего числа) владели элементарными навыками чтения и письма. Наиболее высокий уровень грамотности отмечался в возрастных группах от 20 до 39 лет — 61,2 %. Доля грамотных мужчин была 54 %, грамотных женщин — 32,3 % [6, с. 214—215].

Что касается квалифицированных специалистов, то их в черноморской деревне было недостаточно. Технический персонал, занятый в сельском хозяйстве, был представлен лесничими и таксаторами (20 человек по главному занятию), а также агрономами (14 человек по главному и 1 по побочному занятию) [5, с. 350—353]. Ветеринарных врачей насчитывалось 4 человека [5, с. 353]. Ситуация с кадрами была столь тяжелой, что на 2-й беспартийной конференции, состоявшейся в 1925 г. в Анапе, было принято решение о применении такой «целесообразной» меры, как «выявление по району лиц, знакомых с ветеринарным делом», для того чтобы «проверить их познания и взять содержание их на бюджет райисполкома, чем и будет достигнуто действительное увеличение ветеринарной помощи крестьянству» [3, ф. 9, оп. 1, д. 638, л. 5].

Медицинский персонал насчитывал 171 человека по главному и 5 человек по побочному занятию, из них 24 врача, 66 фельдшеров и акушеров, 48 санитарок и сиделок. На весь округ приходилось 10 фармацевтов, 1 зубной врач и 14 медицинских сестер [5, с. 353; 7, с. 362]. Эти данные свидетельствуют о крайне низком уровне медицинского обслуживания в черноморской деревне.

Представителей культурно-просветительного персонала насчитывалось 449 человек по главному занятию и 12 по побочному [5, с. 353]. Большинство работников культуры и просвещения было представлено сельскими учителями — 412 человек. Тем не менее если в среднем по стране свыше половины интеллигенции в составе сельского населения являлись учителями, то в черноморской деревне их было лишь 13% от общего количества служащих [8, с. 66; 5, с. 353].

Из-за малочисленности специалисты не могли оказать квалифицированную помощь крестьянам в ведении хозяйства и предоставить медицинские и образовательные услуги в требуемом объеме. К тому же их работа существенно осложнялась разбросанностью крестьянских хозяйств на территории со сложным рельефом и плохими путями сообщения.

Капитал как фактор производства показывает уровень организации крестьянского хозяйства. В среднем капиталовложения в крестьянское хозяйство округа распределялись следующим образом: в 1 га земли было вложено 158,8 руб., в 1 крестьянское хозяйство — 702,8 руб. капитала. Величина капиталовложений в хозяйства колебалась от района к району и во многом определялась особенностями природных условий. Так, постройки требовали наибольшего количества затрат в горных местностях Туапсинского и Сочинского районов — 26% капитала. Наибольший удельный вес вложений в сельскохозяйственный инвентарь наблюдался в районах, где преобладало равнинное земледелие (север Геленджикского района, Новороссийский, Анапский и Крымский районы) — 19,5%. Максимальные показатели затрат на садоводство (13,7%) были характерны для хозяйств Сочинского района, в котором эта отрасль являлась одной из основных. Наибольшее количество денежных средств тратилось на содержание виноградников в хозяйствах Геленджикского, Новороссийского и Анапского районов — 16,5%. Капиталовложения в один гектар земли были наиболее весомыми в горных селениях Шапсугского района — 648 рублей. Здесь же отмечены максимальные капиталовложения в содержание домашнего скота — 68,1%. В целом наибольшая капита-

лоемкость характерна для хозяйств, расположенных на побережье Сочинского, Геленджикского, Новороссийского и Анапского районов, в которые было вложено около 1190 руб. капитала на одно хозяйство. Они же давали наибольший уровень доходов от сельскохозяйственного производства, доля которого превышала 90% в структуре валового дохода крестьянского хозяйства. Такая высокая доходность объяснялась близостью к городам и курортным учреждениям, а также к путям сообщения. Наименее доходными были отрезанные от внутреннего рынка хозяйства, находившиеся в горных районах Сочинского, Туапсинского и Шапсугского районов. Здесь доходы от земледелия и животноводства приносили чуть более 64% валового дохода хозяйства, остальную часть составляли различные неземледельческие заработки [9, ф. Р-1390, оп. 1, д. 678, л. 67—74].

Приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что лучшая организованность и производительность были характерны для хозяйств, имеющих возможность своевременного сбыта продукции. Таких хозяйств, расположенных в прибрежной зоне, на территории округа было меньшинство.

К факторам производства относятся и предпринимательские способности. Конечно, в традиционной деревне уровень предпринимательства был низким и составлял в целом по Северо-Кавказскому краю 1,38% от общей массы активно-самодеятельного населения [7, с. 366]. В Черноморском округе эта цифра была несколько выше — 1,6% [5, с. 354]. В рассматриваемый период основными показателями предпринимательства являлись аренда земли и использование наемной рабочей силы. Этого требовали такие отрасли производства черноморской деревни, как табаководство и виноградарство. Среди табаководов немалую часть составляли армяне и греки, переселившиеся в свое время из Турции и сохранявшие иностранное гражданство. Они не имели права землепользования и вынуждены были арендовать землю под табачные плантации у местного населения.

Что касается использования наемной рабочей силы в сельскохозяйственном производстве, то необходимо отметить, что в крестьянских хозяйствах отношения найма могут носить как капиталистический, так и некапиталистический характер. В первом случае наемный труд используется экономически мощными хозяйствами, ведущими предпринимательскую деятельность. Во втором случае хозяйства прибегают к наемному труду в моменты острой необходимости — нехватки собственных рабочих рук в разгар полевых работ и т. п.

В 1920-е гг. в Черноморском округе применение наемного труда носило капиталистический характер в большинстве табаководческих хозяйств. Более 80% хозяйств, имевших посеы табака площадью более ½ дес., использовали наемный труд [10, с. 6]. В крестьянских хозяйствах Анапского, отчасти Новороссийского и Крымского районов основной отраслью, где применялась посторонняя рабочая сила, было виноградарство. Так, в Анапском районе около 45% хозяйств имели виноградники площадью более 1 дес. и пользовались наемным трудом [10, с. 9—10].

Идеологические ориентиры советского государства были несоместимы с понятием «частное предпринимательство». На исходе эпохи нэпа началось целенаправленное вытеснение индивидуальных крестьянских хозяйств из аграрного сектора и замена его коллективными и советскими хозяйствами. В конце 1920-х гг. в черноморской деревне виноградарство и виноделие становятся прерогативой совхозов. Был нанесен удар и по другой «капиталистической» отрасли — табаководству, которое во второй половине 1920-х гг. начинает стремительно сокращаться. Одна из основных причин этого явления — объединение табаководов в Черноморский табаководческий союз, который получил монопольное право на закупку табака. Эта организация оплачивала сдаваемую продукцию не по полной стоимости. Оставшийся долг расценивался как кредит от крестьян, который в большинстве случаев оказывался невозвратным. Со временем производство табака перестало приносить ожидаемую прибыль, что послужило главной причиной упадка данной отрасли в Черноморском округе [11, ф. 7, оп. 1, д. 285, л. 9].

Итак, основные факторы производства — земля, труд, капитал, предпринимательство — в совокупности и по отдельности оказались недостаточно эффективными для превращения черноморской деревни в продовольственную базу курортной отрасли.

Список источников и литературы

1. *Российский* государственный архив социально-политической истории.
2. *Сочинский* городской архив.
3. *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края.
4. *Управление* архива муниципального образования город Новороссийск.
5. *ЦСУ СССР*. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: занятия. Т. 12 : Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1929.

6. ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: народность, родной язык, возраст, грамотность. Т. 5 : Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928.

7. Гозулов А.И. Морфология населения: опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей — 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов н/Д, 1929.

8. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

9. Государственный архив Ростовской области.

10. Наемный труд в черноморской деревне / сост. А. Сеннов ; под ред. И. Лебедева. Новороссийск, 1927.

11. Центр документации новейшей истории Ростовской области.

В. В. Кондрашин

**«Великий перелом»:
как начиналась сталинская коллективизация**

Статья посвящена ситуации в советской деревне и аграрной политике сталинского руководства в 1927—1929 гг., накануне сплошной коллективизации. Предпринята попытка на основе анализа разнообразных источников, в большинстве своем введенных в научный оборот в последние десятилетия, восстановить картину событий, приведших к общекрестьянской трагедии.

The article is devoted to the situation in the Soviet countryside and the agrarian policy of the Stalinist leadership in 1927—1929, on the eve of complete collectivization. In it, an attempt is made on the basis of an analysis of various sources, most of which have been introduced into scientific circulation in recent decades, to restore the picture of the events that led to the common peasant tragedy.

Ключевые слова: советская деревня, кризис хлебозаготовок, коллективизация, «великий перелом».

Keywords: Soviet countryside, grain procurement crisis, collectivization, «great turning point».

Тема сталинской коллективизации, ее причин, этапов и результатов — одна из самых востребованных в современной историографии [1, с. 15—96; 2, с. 18—25]. Тем не менее в литературе отсутствуют обобщающие исследования, основанные на анализе накопленного историографического материала по данной теме, а также разнообразных достоверных источников, введенных в научный оборот в последние десятилетия. В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел и охарактеризовать ситуацию в советской деревне и аграрную политику сталинского руководства накануне коллективизации.

В условиях нарастающего кризиса хлебозаготовок из-за нежелания крестьян продавать государству хлеб по низким закупочным ценам в декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б). Хотя в советской историографии его было принято считать съездом, взявшим курс на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств, в действительности он таковым не был. На съезде речь шла лишь о «всемерной поддержке» ростков «общественного сельскохозяйственного труда» на основе «дальнейшего кооперирования крестьянства» и постепенного перехода «распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» [3, с. 261]. При этом съезд высказался против каких бы то ни было мер административного воздействия и принуждения по отношению к крестьянству. В его решениях подчеркивалось, что переход к коллективному хозяйству «может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян» [3, с. 261]. Съездом не устанавливались сроки и темпы коллективизации. Весной 1928 г. Наркомзем РСФСР и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, то есть к 1933 г., предполагалось вовлечь в колхозы 1,1 млн хозяйств (4% общего их числа). Летом 1928 г. Союз союзов сельскохозяйственной кооперации эти цифры увеличил до 3 млн хозяйств (12%). Весной 1929 г. в утвержденном пятилетнем плане запланированный процент коллективизации достиг максимума — 4—4,5 млн хозяйств, то есть 16—18% общего числа крестьянских хозяйств [4, с. 33]. Таким образом, в 1927 — первой половине 1929 г. никакая коллективизация насильственными мерами не планировалась сталинским руководством. Курс на насильственную коллективизацию вырастал из практики «чрезвычайных» хлебозаготовок 1927—1929 гг.

Хотя XV съезд ВКП(б) не был «съездом коллективизации», именно на нем участниками «объединенной оппозиции» были озвучены меры, ставшие впоследствии сутью аграрной политики советского государства. Обвиняемая в «левом радикализме» «объединенная оппозиция» вслед за Л. Д. Троцким предложила XV партсъезду обеспечить изъятие у зажиточно-кулацких слоев, составлявших примерно 10% крестьянских дворов, в порядке займа не менее 150 млн пудов из тех натуральных запасов, которые якобы достигли уже в 1926/27 г. 800—900 млн пудов и оказались сосредоточены в руках «верхних слоев крестьянства» [5, с. ф. 56, оп. 2, д. 52, л. 34]. Затем предполагалось полученный хлеб вывезти на внешний рынок, заку-

пить промышленное оборудование и тем самым дать мощный импульс процессу индустриализации, погашая принудительный заем постепенно, по мере ввода в строй новых предприятий, продукция которых предназначалась для удовлетворения сельских потребностей. Фактически «объединенной оппозицией» предлагалось начать раскулачивание крестьян с целью получения средств для форсированной индустриализации.

В основе подобных планов, в том числе и сталинской группировки в коммунистической партии, лежало стойкое убеждение во враждебности и антигосударственном настрое зажиточной части советской деревни, не желавшей войти в трудное положение государства и пожертвовать своими личными интересами во имя государственных интересов. Проявлялось это, по мнению представителей данной группировки, в сокрытии имеющихся значительных запасов хлеба, полученных благодаря нэпу, создавшему зажиточным, кулацким хозяйствам благоприятные условия для обогащения.

В действительности никаких значительных излишков товарного хлеба в советской деревне накануне кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. не было. Об этом неоднократно заявлял Н. И. Бухарин, полемизируя с И. В. Сталиным и его сподвижниками по поводу применения «чрезвычайных мер» в хлебозаготовках. Он считал «мифом» так называемые 900 млн пудов хлебных запасов, которые якобы были у крестьян и которые их придерживали в корыстных целях [6, с. 299]. Позиция Н. И. Бухарина основывалась на следующих данных, полученных им от Экспертного совета при ЦСУ СССР и СТО (табл. 1).

Таблица 1

**Балансы зерновых культур за 1925—1928 гг.
и предположительный баланс на 1928/29 г.
по данным Экспертного совета при ЦСУ СССР и СТО, млн пудов**

Год	Валовой сбор	Расход, всего	Остаток за вычетом расхода	Запасы		
				К началу года	Накопление за год	Сальдо «села»
1925/26	4512,4	3759,0	+753,4	213,5	+190,1	+563,3
1926/27	4747,4	3982,4	+765,0	403,6	+173,6	+591,4
1927/28	4464,0	4018,3	+445,7	577,2	-48,1	+493,8
1928/29	4535,4	4024,2	+511,2	519,0	+42,1	+469,1

Источник: [10].

Как видно из таблицы 1, излишки товарного хлеба в крестьянских хозяйствах во второй половине 1920-х гг. не достигали и 800 млн пудов и колебались от 445,7 до 765 млн пудов. В период кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. они составляли менее 500 млн пудов.

О завышенных оценках крестьянских запасов хлеба неоднократно сообщал член президиума Госплана СССР П.И. Попов, в том числе и после снятия его с должности управляющего ЦСУ из-за данной позиции. В частности, 9 ноября 1928 г. на коллегии ЦСУ СССР в докладе «Конъюнктура народного хозяйства СССР за 1927/28 год» он заявил:

...О невидимых запасах. Эти невидимые запасы были в прошлом году одним из аргументов для очень многих мероприятий. В 1926/27 г. мы определили запасы к концу года в 721 млн [пудов]. В 1927/28 г. мы установили запасы в 896 млн — 900 млн [пудов]. Таким образом, когда мы подошли к новому хозяйственному году, мы оперировали запасами в 900 млн [пудов] и весь наш хозяйственный план строили при учете этого обстоятельства. Но вот заготовки, с одной стороны, сельскохозяйственный налог, с другой стороны, поставили вопрос о проверке этих запасов и, как вам известно, 107 статья показала, что этих запасов нет. Тогда Экспертный совет приступил к переработке и оказалось по его расчетам, что в прошлом году запасов было не 900 млн, а 529 млн [пудов], 896 и 529, а в этом году 561 [млн пудов]. Таким образом, наши знания весьма условны по зерновой продукции и совершенно преувеличены — на 350 млн [пудов] в отношении запасов и не могут, конечно, способствовать правильной линии хозяйственной политики. Я повторяю и подчеркиваю, что весь расчет запасов был не верен и преувеличен. И это не значит, что я говорю об этом после того, что случилось. Я об этом говорил раньше. Я систематически с 1926 г. говорил в Экспертном совете о преувеличении валовой продукции и запасов [7, ф. 1562, оп. 1, д. 533, л. 15, 24—26].

Миф о «хлебном изобилии» был создан назначенным вместо П.И. Попова новым руководством ЦСУ СССР, чтобы оправдать курс сталинского руководства на выкачку из советской деревни максимума ресурсов для нужд индустриализации, а также обосновать тезис о «кулацкой опасности». В последнем случае обосновывалась идея о кулаке как «саботажнике» хлебозаготовок, коллективизации и других мероприятий советской власти.

Хотя и в том и в другом случаях налицо были явная политизация и конъюнктурный подход, все же факт «саботажа» основной массой

крестьянства хлебозаготовок в 1927 г. нельзя отрицать. Крестьяне, в первую очередь кулаки и зажиточные хозяйства, отказывались сдавать хлеб государству по установленным закупочным ценам, придерживая его или продавая частнику по рыночным ценам. Пусть у них и не было приписываемых властью запасов, но и имеющиеся они рассчитывали использовать с максимальной выгодой только для себя, игнорируя интересы государства. Об этом сообщалось в многочисленных донесениях ОГПУ с мест в конце 1927 — начале 1928 г. Повсеместно шла скупка хлеба частными заготовителями по «спекулятивным ценам». В январе 1928 г. частные торговцы покупали у крестьян хлеб по ценам, в 1,5—2 раза превышающим твердые государственные. Например, пшеница закупалась за 2 руб. 20 коп., в то время как ее закупочная цена составляла 1 руб. 20 коп. На рынке рожь стоила не менее 1 руб. за пуд, тогда как лимит ее закупочной цены равнялся 70 коп. То же самое было с овсом, просом, ячменем и мукой [8, ф. 2, оп. 6, д. 567, л. 84; 9, с. 658, 663]. Скупкой зерна по рыночным ценам активно занимались кулаки и зажиточные крестьяне («маклаки»), которые ездили по деревням и скупали хлеб мелкими партиями по 100—200 пудов для его последующей продажи на рынке. В этом же ряду были частные владельцы кожевенных и других предприятий, обменивающих свою продукцию на хлеб в деревне. Как и в годы гражданской войны, в стране резко активизировалось мешочничество. Срыв государственных хлебозаготовок привел к общему росту цен на хлеб, ухудшению снабжения продовольствием городов [8, ф. 2, оп. 6, д. 597, л. 4—5]. Крестьяне, особенно зажиточные, категорически отказывались сдавать хлеб по существующим закупочным ценам. «Пусть цены повысят до 1 руб. 40 коп. за пуд, тогда и хлеб повезем. Если же будут забирать насильно, так пусть не достается никому, я зарю хлеб в снег, и пусть он там погибает» — таковы были типичные высказывания крестьян на эту тему, фиксируемые ОГПУ [9, с. 711].

В этой ситуации 22 декабря 1927 г. на первом же заседании избранного после XV съезда Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о выработке неотложных мер по разрешению кризиса хлебозаготовок, так как в снабжении городов образовался дефицит хлеба в 128 млн пудов [5, ф. 17, оп. 3, д. 664, л. 3; 10, с. 325]. В направленных на места 24 декабря 1927 г. директивах Политбюро сообщалось о переброске в деревню значительной массы промтоваров с целью стимулирования заготовок, а также о необходимости взимания

«задолженности крестьянства» по налогам, кредитам и т. п. В этот же день было принято решение о направлении в проблемные регионы специальных ответственных уполномоченных ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам (в ЦЧО — А. М. Микояна, на Украину — В. М. Молотова и т. д. [5, ф. 17, оп. 3, д. 666, л. 2—3]. Распоряжения ответственного за хлебозаготовки Наркомторга СССР требовали от местных властей для перелома в хлебозаготовках действовать «совершенно жестко, не смущаясь никакими другими соображениями» [8, ф. 2, оп. 5, д. 495, л. 876]. К хлебозаготовкам впервые в массовом порядке привлекалось ОГПУ как структура, обеспечивающая контроль над региональными органами власти в хлебозаготовительной кампании [8, ф. 2, оп. 5, д. 495, л. 968; оп. 6, д. 982, л. 99]. Важнейшей задачей ОГПУ становилась борьба с хлебными спекулянтами на рынке.

Впервые в полном объеме проблемой хлебозаготовок занялся сам И. В. Сталин. В свойственной ему манере 5 и 14 января 1928 г. он подготовил и направил на места от имени Политбюро жесткие директивы о необходимости в кратчайший (двухнедельный) срок «добиться решительного перелома в хлебозаготовках», используя «репрессивные меры» в отношении «кулаков и спекулянтов» [5, ф. 17, оп. 3, д. 667, л. 10—12]. При этом Сталин потребовал от местных коммунистов избавиться от «самых гнилых», по его мнению, мыслей о том, что решительные действия против скупщиков и кулаков могут «отпугнуть» от советской власти середняка. В директиве Политбюро от 14 января 1928 г. он впервые назвал кулака «врагом Советской власти», перечеркнув таким образом все прежние рассуждения периода «Лицом к деревне!» о «крестьянах-интенсивниках». Средняк же, говорилось в директиве, должен «выполнить перед рабочим классом свой долг союзника» [11, с. 195—196]. Позднее суть этой позиции очень точно сформулирует оппонент Сталина, заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин в своей полемике с В. М. Молотовым: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк» [10, с. 292].

Таким образом, Сталин открыто призвал партийно-хозяйственный аппарат в регионах к насильственным действиям против не только кулаков, но и зажиточных середняков, организовав до весенней распутицы «отчаянный нажим» по отношению к ним. Он сравнил хлебозаготовки с крепостью, которую следовало «взять во что бы то ни стало», «по-большевистски, с большевистским нажимом» [11, с. 196]. Это был курс на развертывание «чрезвычайщины» в советской деревне, впервые со времен гражданской войны.

Особое значение в утверждении и распространении данного курса имела поездка Сталина в Сибирь 18 января — 4 февраля 1928 г. В ходе этой поездки он призывал местные власти не «дрейфить», а «зверски» нажимать на держателей хлеба [11, с. 201—202], добиваясь выполнения годового плана хлебозаготовок «во что бы то ни стало» [12, ф. 45, оп. 1, д. 119, л. 99—101], широко используя статью 107 УК РСФСР, предусматривающую лишение свободы на срок до одного года и конфискацию всего или части имущества за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок» [12, ф. 45, оп. 1, д. 119, л. 50; 13, с. 16—19]. Фактически это означало раскулачивание крестьян, которое началось в советской деревне именно в период хлебозаготовительной кампании 1927/28 г., и его инициатором выступал И. В. Сталин. В это же время активно формировалась и социальная база раскулачивания и будущей насильственной коллективизации в лице деревенской бедноты, которой передавалось 25 % конфискованного у кулаков хлебного излишка, стимулируя ее таким образом к действиям в данном направлении. К ним примыкала значительная часть сельского актива из работников сельсоветов, партячеек и других общественных организаций, осознавших под влиянием сталинских указаний о выполнении партийных директив любой ценой правило «Лучше перегнуть, чем недогнуть». Тем самым в практике местной власти укоренились так называемые «перегибы», то есть насильственные действия, формально нарушавшие закон, но при отсутствии сильно отягчающих обстоятельств допускаемые вышестоящим руководством и поощряемые им.

Их укоренению способствовал тот факт, что среди местных работников системы управления как в партийном, так и в государственном аппарате было немало горячих голов, прошедших через гражданскую войну и внутренне расположенных к командно-репрессивным действиям [10, с. 38]. Не случайно ОГПУ отметило рост в рассматриваемый период в деревне «комбедовских настроений» среди части бедноты «в связи с мероприятиями по усилению заготовок». Характерными были заявления: «Что с ними (кулаками) церемониться. Приходите во двор, забирайте, а мы покажем у кого... Им бы вспомнить 1921—22 гг., чтобы они почувствовали, что такое советская власть и как не давать хлеба» [9, с. 669].

Получив установку на применение чрезвычайных мер, региональные органы власти решительно использовали их для выполне-

ния плана хлебозаготовок. Прежде всего, как указывалось в «Обзоре заявлений и жалоб в Президиум ВЦИК от осужденных по делам о хлебозаготовках» от 15 марта 1928 г., под их удар попало немало середняков и бедняков, привлеченных по 107-й статье за несдачу «170, 135 и даже 82 пудов хлеба», хотя законом предусматривалось применение этой статьи лишь в отношении хозяйств, имеющих запасы не менее 2 тыс. пудов [14, ф. 374, оп. 27, д. 1556, л. 22—28].

Сводки ОГПУ пестрят сообщениями о массовых «перегибах» на местах в январе — марте 1928 г. в ходе хлебозаготовительной кампании. Об их масштабах говорит факт рассылки 31 марта 1928 г. местным органам ОГПУ циркуляра СПУ ОГПУ «О принятии мер в связи со случаями извращения классово-линейной советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне» [8, ф. 66, оп. 1, д. 184, л. 330]. Согласно сводкам ОГПУ, различные уполномоченные и сельские активисты выбивали хлеб у крестьян с помощью нагана и винтовок, угрозами отдачи под суд и высылки на Соловки, массовыми обысками и арестами [9, с. 665—670]. В станице Терновской Кубанского округа уполномоченный по хлебозаготовкам заставлял житочных казаков «лаять по-собачьи, становиться на колени и молиться богу, лезть на крышу, вылазить из хаты раком». В станице Некрасовской Усть-Лабинского района еще один уполномоченный, напившись пьяным, ворвался в дом крестьянина и, «воспользовавшись отсутствием хозяина, схватил его жену, приставил к виску наган, требуя указать, где спрятан хлеб, и грозя: “Если не выдашь — к стенке пришью”». На возражения крестьян об отсутствии хлеба и жалобы, что оставшегося не хватит на пропитание, нередко слышались такие ответы активистов: «Надо поменьше жрать» и т. п. [9, с. 754—763].

Конечно, наиболее вопиющие случаи «перегибов» пресекались, и их исполнители подвергались наказанию, но основная масса «перегибщиков» оставалась безнаказанной, поскольку выполняла порученное ей дело выколачивания из крестьян максимального количества хлеба. Характерно в этом плане выступление В. М. Молотова на совещании в ЦК ВКП(б) 24 апреля 1928 г. при обсуждении «перегибов» в применении 107-й статьи, в котором он отметил, что не помнит случая, «чтобы ЦК привлек хотя бы один местный орган за нарушение этой статьи» [10, с. 259].

В докладной записке ЭКУ ОГПУ о результатах проведения массовых репрессий против «спекулятивных элементов» на хлебном

рынке СССР от 8 февраля 1928 г. указывалось, что с начала января текущего года и на момент составления записки органами ОГПУ было арестовано по СССР около 3000 «частных хлебников», то есть скупщиков и торговцев хлебом. Подавляющее их большинство было арестовано в основных хлебозаготовительных районах. У хлеботорговцев были обнаружены и конфискованы тайные склады с десятками тыс. пудов зерна и муки, особенно много их оказалось на Украине. Как отмечалось в докладной записке, «непосредственным результатом арестов частников» явилось их «снятие» с хлебозаготовительного рынка и прекращение всех «частных» заготовок хлеба. Это сказалось и на рыночных ценах на хлеб, которые значительно снизились к началу февраля 1928 г. [9, с. 682—684].

Одновременно с борьбой против скупщиков хлеба в рассматриваемый период ОГПУ провело массовые операции по закрытию частных кожевенных заводов и мануфактурных лавок, владельцы которых скупали хлеб и другие сельскохозяйственные продукты у крестьян в обмен на свои изделия и товары [8, ф. 2, оп. 6, д. 567, л. 68, 241—242; 9, с. 653—656].

Таким образом, к весне 1928 г. был нанесен мощный удар по частному сектору экономики нэпа, связанному с сельским хозяйством. Фактически частник был вытеснен из деревни как субъект заготовок сельскохозяйственной продукции.

«Чрезвычайщина» в хлебозаготовках начала 1928 г. сопровождалась действиями власти по стимулированию колхозного движения. В частности, установка на расширение посевов в колхозах и рост коллективизации была дана в директивном письме ЦК ВКП(б) «О весенней посевной кампании» от 1 марта 1928 г. [5, ф. 17, оп. 85, д. 410, л. 216].

Насильственный характер хлебозаготовок вызвал недовольство и активный протест основной массы крестьян во всех регионах страны. Его кульминацией стало «кулацко-шариатское выступление» в Кабарде в первой половине июня 1928 г. как реакция на произвол хлебозаготовок, затруднения в снабжении хлебом, закрытие мечетей и т. д. [10, с. 790]. По данным ОГПУ, в деревнях распространялись настроения в пользу организации Крестьянского союза, имели место факты сопротивления хлебозаготовителям, террора в отношении сельских активистов, усилились слухи о скорой войне, появился новый слух — о захвате советской власти «бывшими кадетами» и «офицерами-белопогонниками», намеренно разорявшими крестьян [9, с. 672—682, 689—694, 709—720, 754—763].

Ставка Сталина и его сторонников на «чрезвычайные меры» как основное средство разрешения кризиса хлебозаготовок была резко раскритикована «правой оппозицией» и рядом крупных советских чиновников. Прежде всего возражения вызывал тезис о «кулацкой опасности» как главной причине кризиса. Секретарь Московского комитета партии Н. А. Угланов, побывавший в качестве эмиссара ЦК на хлебозаготовках в Поволжье, указал на объективный характер их трудностей («пестрота урожая», «недостаточный и несвоевременный завоз промтоваров в деревню», «воспоминания о голоде 1921—1922 гг.», «разговоры о войне» и т. д.). Вместо нажима на крестьян он предложил создать местный семенной фонд за счет обложения наиболее мощных хозяйств 5%-ным налогом [10, с. 34].

Три обращения в ЦК партии направил замнаркома финансов СССР М. И. Фрумкин с критикой установки на превращение кулака во врага советской власти, поскольку она отбивала у середняка «всякий стимул улучшения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота» из-за опасения «быть зачисленным в кулаки». Главный вред данной установки, по мнению Фрумкина, состоял в разрушении действующих форм производства по идеологическим причинам. Но его критика не была услышана Сталиным, более того, вскоре Фрумкин будет снят со своей должности, а в дальнейшем репрессирован.

С критикой «чрезвычайщины» в хлебозаготовках выступили на апрельском и июльском пленумах ЦК ВКП(б) 1928 г. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский, акцентируя внимание на низких экономических результатах чрезвычайных мер с точки зрения объемов полученного хлеба. Также они подчеркивали негативные последствия антикулацкого крена в аграрной политике для общего хозяйственного состояния советской деревни. Их аргументация не была воспринята Сталиным и большинством членов ЦК партии.

Контраргументы против «правой оппозиции» и аргументы сталинской группировки в дискуссии о причинах кризиса хлебозаготовок и принятия чрезвычайных мер для его преодоления были в концентрированном виде изложены в речи Сталина на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. В дальнейшем ее основные мысли будут неоднократно воспроизводиться Сталиным в различных выступлениях и статьях и лягут в основу генеральной линии партии на ускоренную индустриализацию страны с помощью сплошной коллективизации крестьянских хозяйств.

Начиная свое выступление на пленуме, Сталин указал на главный вопрос политической повестки дня: «об источниках развития

нашей промышленности». Напомнив об особенностях советской страны в отличие от капиталистических стран с их колониями, займами и т. д., он отметил, что крестьянство платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но еще и «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности» и «недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты». «Это и есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти “ножницы” между городом и деревней», — говорил И. В. Сталин участникам пленума [10, с. 319—321].

Далее он подверг критике аргументы оппозиции об опасности разрыва смычки рабочего класса с середняком из-за неудовлетворения последнего «ситцем» и другими необходимыми ему товарами. «Мы даем крестьянству не только ситец, — указывал И. В. Сталин, — мы даем еще машины всякого рода, семена, плуги, удобрения и т. д., имеющие серьезнейшее значение в деле поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства... улучшая это хозяйство, механизмируя его, подымая его рентабельность и подготавливая почву для объединения разрозненных крестьянских хозяйств в крупные общественные хозяйства...» [10, с. 322].

Особое внимание И. В. Сталин уделил чрезвычайным мерам в хлебозаготовках, подчеркнув, что именно эти меры «спасли страну от общехозяйственного кризиса, а применить их заставил «дефицит в 128 млн пуд. хлеба к январю этого года, который мы должны были восполнить до распутицы». «Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии хлебных резервов этак миллионов в 100 пудов для того, чтобы выждать и интервенировать рынок, или при отсутствии достаточных валютных резервов для того, чтобы вывезти из-за границы большие партии хлеба?» — обратился Сталин к участникам пленума, в том числе своим критикам, и сам же ответил: «Ясно, что не могли. А что было бы, если бы мы не восполнили этот дефицит? У нас был бы теперь серьезнейший кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии» [10, с. 325].

Охарактеризовав непосредственные причины кризиса хлебозаготовок и назвав чрезвычайные меры его преодоления вынужденными

объективными обстоятельствами, И. В. Сталин указал на глубинную причину «хлебных затруднений»: нерентабельное, малотоварное, прогрессирующее в сторону мельчания и распыленности крестьянское хозяйство, уступающее вдвое по товарности довоенному сельскому хозяйству при почти равных посевах и урожайности основных зерновых культур [10, с. 328]. Выходом из ситуации, по мнению Сталина, должно было стать развитие трех форм хозяйства на селе: поддержанных со стороны государства машинами, удобрением, агрономической помощью мелких и средних хозяйств; созданных путем постепенного объединения беднейших и середняцких хозяйств на базе новой техники колхозов и укрепленных материально и организационно совхозов. Таким образом, ни о какой насильственной коллективизации или приоритете колхозов над остальной деревней в данной программной речи Сталина не говорилось. Более того, он осудил и сами «чрезвычайные меры» в хлебозаготовках, отметив при этом их целесообразность и необходимость в особых случаях [10, с. 328—329].

В выступлении Н. И. Бухарина на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. суть кризиса хлебозаготовок была сведена к не состоявшемуся в июле — августе 1927 г. повышению цен на основные зерновые культуры, а также к организационным просчетам в планировании и осуществлении хлебозаготовок [10, с. 328—329]. Он призвал сталинское руководство к совершенствованию работы партии и государства. Кроме того, и на пленуме, и чуть раньше Бухарин считал непродуктивным сведение всех проблем деревни к «кулацкой опасности». В частности, в письме Сталину от 1—2 июня 1928 г. он констатировал: «Если все дело в кулаке, то как же с 900 миллионами, которые теперь признаются мифическими? А если хлеба у нас вообще мало, то как же нас «регульнул» кулак? Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию? И правильно ли вообще, что колхозы у нас должны расти на нищете и дроблении? Остается ли курс на вовлечение мелких сбережений или устарел? На подъем индивидуальных хозяйств или это тоже устарело?» [5, ф. 17, оп. 2, д. 726, л. 93].

В результате состоявшейся острой дискуссии июльский пленум отменил чрезвычайные меры, подтвердил сохранение нэпа, были решено повысить заготовительные цены на хлеб. В итоговой резолюции пленума указывалось, что основой «затруднений на хлебном фронте» стало «нарушение рыночного равновесия», которое своди-

лось к «более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров». Применительно к кулаку было сказано, что «низкий налог для имущих слоев деревни», «неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства» создали почву для кризиса хлебозаготовок. В результате «капиталистические элементы» воспользовались допущенными ошибками «для подрыва хлебозаготовок», что, в свою очередь, вынудило партию прибегнуть к чрезвычайным мерам [15, с. 184].

Наряду с принудительными хлебозаготовками в 1928 г. усилился налоговый пресс на крестьянство. Важной причиной хлебозаготовительного кризиса было признано недообложение кулаков и зажиточных крестьян. Еще в ходе своей поездки в Сибирь, на совещании в Барнауле И. В. Сталин заявил что «Сельхозналог в этом году мал, деревня над ним посмеивается и с полным основанием: его надо повысить и довести на весь Союз до 450 миллионов рублей» [5, ф. 558, оп. 11, д. 118, л. 84]. В результате сумма сельскохозяйственного налога на 1928/29 г. была увеличена до 400 млн руб. (по сравнению с 354,2 млн руб. в 1927/28 г.) при сохранении значительных льгот для колхозов и освобождения от обложения бедноты (35%), что означало резкое увеличение налога на зажиточно-кулацкие хозяйства [16, с. 186]. Следует отметить, что с 1928/29 окладного года сельхозналог стал определяться по доходу, приходящемуся на единоличное хозяйство в целом, а не как ранее — на каждого входящего в него едока. Нововведение привело к увеличению платежей многолюдными крестьянскими хозяйствами, которые, как правило, были более зажиточными. Также выросла «крутизна» прогрессии шкалы ставок [15, с. 185].

С 1928 г. тяжким бременем для крестьян стало так называемое самообложение — налог для местных нужд в денежной и натуральной форме, введенный постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке самообложения населения» от 7 января 1928 г. и дополненный постановлением ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. Он принудительно раскладывался на все хозяйства общины по решению большинства сельского схода или уполномоченного им органа. На практике самообложение вылилось в действия местного сельского актива по наложению дополнительных выплат на кулацкие и зажиточные хозяйства, что наряду с хлебозаготовками фактически разорвало их [17, №8, ст. 73].

Накануне сплошной коллективизации из крестьян тянули жилы и с помощью всевозможных займов (займа на укрепление крестьянского хозяйства и т. п.), которые формально были добровольными, но на практике всеми способами навязывались крестьянам [18, № 3, ст. 24; № 14, ст. 117, 118; № 22, ст. 192]. Например, имели место случаи отказа сельсоветов выдавать справки, регистрировать браки в ЗАГСе лицам, не имеющим облигаций крестьянского займа [9, с. 698—700].

Об отношении крестьян к налоговой политике советской власти на завершающем этапе нэпа очень точно высказался в январе 1928 г. крестьянин Каменского района Запорожской области Иванисов: «Компартия, правительство и рабочий класс смотрят на крестьянство не как на что-то дорогое, без которого нельзя обойтись в движущих силах нашей, а значит, и международной революции, а как на кошелек-самогряс» [9, с. 698—700].

Казалось бы, что «чрезвычайщина» ушла в прошлое и в соответствии с решениями июльского пленума ЦК ВКП(б) не будет допущено повторения хлебозаготовительного беспредела первой половины 1928 г. В частности, несколько повысились цены на хлеб (на пшеницу они увеличились с 85 коп. до 1 руб. за пуд, на рожь — с 55 до 68 коп., на овес — с 48 до 58 коп.) [15, с. 194]. Оптимизировалось распределение промтоваров и были упорядочены сроки их завоза в хлебпроизводящие районы, кредитная и налоговая политика увязывалась с интересами заготовок, ужесточались правила снабжения населения хлебом с целью недопущения его перерасхода, ставилась цель создания государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва [19, с. 353]. О том, что сталинское руководство действительно не желало новых чрезвычайных мер в хлебозаготовках, свидетельствовало постановление СНК СССР «О проведении заготовок хлеба нового урожая» от 19 июля 1928 г., в котором местные органы власти обязывались «немедленно прекратить»: а) «все способы принудительного изъятия хлеба у крестьянства, как то: обход дворов и обыски с целью изъятия хлебных излишков, внесудебные аресты и другие взыскания, а также привлечение к судебной ответственности крестьян за задержку выпуска хлеба на рынок»; б) «всякого рода запретительные меры в отношении базаров, выставление заградительных отрядов, понуждение крестьян, привозящих хлеб на базары, к продаже его государственным или кооперативным организациям» [10, с. 355]. Успеху хлебозаготовительной

компания должна была способствовать и дальнейшая централизация заготовительного аппарата: 13 июня 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об образовании акционерного общества «Союзхлеб» путем слияния АО «Хлебопродукт» с региональными государственными заготовительными и мукомольными организациями [7, ф. 5240, оп. 9, д. 192, л. 226—227].

Но все кардинально изменилось из-за гибели озимых посевов на Украине, Северном Кавказе и в Центральном Черноземье [20, № 1, с. 111]. В результате в июле — августе 1928 г. резко снизились объемы общесоюзных хлебозаготовок. Возникший недобор частично компенсировался высоким урожаем зерновых культур в Сибири, на Урале и в Поволжье, но осенью 1928 г. ситуация резко ухудшилась: из-за дефицита хлеба начался рост рыночных цен на муку, а с ноября — на зерно [15, с. 196].

Первой реакцией сталинского руководства на новый кризис хлебозаготовок стало решение о снижении плана заготовок для юго-западных регионов СССР при некотором его увеличении для Сибири. Также был снижен и общесоюзный план с 628 млн до 600 млн пудов [10, с. 442; 15, с. 201]. Но это не дало результата. В потребляющих районах страны усиливался дефицит хлеба. В ряде районов с октября 1928 г. были установлены нормированные выдачи муки и низших сортов печеного хлеба для городского населения. В декабре 1928 г. в Брянской и Смоленской губерниях фактически были введены хлебные карточки [15, с. 201], а 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК санкционировало введение карточной системы по всей стране [21, с. 6; 22, № 9—10, с. 12].

Ухудшалось продовольственное положение не только в городе, но и в пораженных недородом районах страны. С конца зимы 1928/29 г. органы ОГПУ фиксировали факты опуханий и смертей от голода в южных округах Украины и серьезные продовольственные трудности в центральных областях РСФСР [9, с. 875—887].

Чтобы изменить ситуацию, 17 января 1929 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) резко повышаются хлебозаготовительные задания для Сибирского и Нижне-Волжского краев, Уральской и Средне-Волжской областей, Казахстана и Башкирии [15, с. 203]. В советской деревне начинается новая волна «чрезвычайщины» на хлебозаготовках. Снова на места направляются эмиссары ЦК, выпускаются директивы о выполнении плана «во чтобы то ни стало» [5, ф. 17, оп. 3, д. 714, л. 10—13; оп. 113, д. 669, л. 230]. Как и в начале 1928 г., на

первый план снова выдвигается кулак как «злостный укрыватель хлеба», с которым следовало вести борьбу с помощью 107-й статьи [10, с. 59]. По размаху и силе удара вторая волна «чрезвычайщины» в деревне не уступала первой и даже превосходила ее [9, с. 851—855]. Ведущим методом очередных принудительных хлебозаготовок стал одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталиным так называемый урало-сибирский метод [5, ф. 17, оп. 3, д. 731, л. 4; д. 1837, л. 5—6], когда изъятия хлеба в крестьянских хозяйствах конкретных селений осуществлялись по решениям сельских сходов и собраний активистов, а также к несподобкам применялось «кратирование», то есть пятикратный штраф за срыв хлебозаготовок [23, р. 78—103]. Подобные действия получили широкое распространение в Уральской области и Сибирском крае и по сути своей являлись очередной «продразверсткой» [15, с. 225].

Как и в предыдущие хлебозаготовки, активным исполнителем «чрезвычайных мер» выступил бедняцкий актив [9, с. 865]. Хотя «урало-сибирский метод» встретил противодействие большинства крестьянства на всех этапах его осуществления (срыв собраний, отказ голосовать, отказ от получения извещений о вывозе излишков и т. д.), следует отметить, что в сибирской деревне он имел значительную поддержку со стороны крестьян. Сказалась более сильная дифференциация, а также традиционный конфликт между старожилами и новоселами (неприписанные крестьяне, «голодобеженцы») [15, с. 237—241].

Очередной кризис хлебозаготовок, новая «чрезвычайщина» и острый продовольственный кризис в стране стали предметом жаркого обсуждения на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в Москве 18—22 апреля 1929 г. Лидеры «правой оппозиции» А.И. Рыков, Н.И. Бухарин и М.П. Томский подвергли резкой критике действия сталинистов в советской деревне, их «антикулацкий настрой», назвав уральские инициативы «своеобразной продразверсткой», выполняемой в «порядке общественной инициативы» и малоэффективной с точки зрения количества полученного хлеба [21, с. 80, 170, 171, 330—332]. В качестве выхода из ситуации было предложено отказаться от «чрезвычайщины» в хлебозаготовках и для снижения остроты продовольственного кризиса закупить зерно за границей в пределах 50—100 млн пудов, а затем в течение трех лет постепенно выправлять ситуацию в сельском хозяйстве с помощью различных организационных мер, в том числе повышения закупочных цен на сельхозпродукцию [21, с. 493].

Сторонники И. В. Сталина и сам вожь категорически отвергли данные предложения, указав в своих выступлениях, что они ставят под угрозу темпы индустриализации, распыляя валютные ресурсы. В частности, приостановка строек из-за переброски валютных средств на иные цели вызовет неизбежный отток в деревню десятков тысяч крестьян, что еще больше усугубит продовольственный кризис в стране [24, с. 16—17]. Предлагаемый импорт хлеба аграрной страной, по мнению сталинистов, мог негативно сказаться на международном престиже государства и тем самым поставить под сомнение его кредитоспособность. Имеющиеся валютные резервы, а также кредиты надлежало использовать только для приобретения промышленного оборудования. Повышение закупочных цен рассматривалось как уступка зажиточному крестьянству в ущерб интересам рабочего класса и деревенской бедноты. В качестве причины введения «чрезвычайных мер» назывался недород хлебов на Украине, Северном Кавказе и в ЦЧО, а также «кулацкое сопротивление» хлебозаготовкам [21, с. 251—253, 345, 493—494]. При этом И. В. Сталин заявлял, что на основании имеющихся фактах о перегибах, которые он осуждает, нельзя «охаивать всю политику» [21, с. 673—674].

После апрельского пленума, закрепившего победу сталинской группировки в борьбе за власть, линия на завершение хлебозаготовки любой ценой и на основе «урало-сибирского метода» была продолжена [5, ф. 17, оп. 3, д. 738, л. 9]. Вторая половина 1929 г. стала периодом еще большего обострения ситуации в советской деревне на почве хлебозаготовок. Ее ухудшению способствовал очередной недород, поразивший основные зерновые районы страны.

О резком усилении социальной напряженности в деревне в результате продолжения очередных принудительных хлебозаготовок и усиления налогового пресса на крестьянство в целом сообщалось в докладной записке Секретно-оперативного отдела ОГПУ «Предварительные итоги борьбы с контрреволюцией на селе в 1929 г.» от 15 января 1930 г. В ней отмечалось, что в 1929 г. за участие в «контрреволюционной деятельности» (терроре против активистов, выступлениях против хлебозаготовок, злостной контрреволюционной агитации, вредительстве в отношении колхозов и т. д.) было арестовано 95 208 чел. При этом число учтенных ОГПУ фактов «кулацкого» (крестьянского) террора в 1929 г. (8278 случаев) превысило уровень 1928 г. в 8 раз, 1927 г. — в 9,2 раза, 1926 г. — в 11,6 раз [8, ф. 2, оп. 5, д. 389, л. 109; 9, с. 1017]. Более половины всех террористических случаев (4688) выпало на август — ноябрь, то есть на пик хлебозаготовительной кампании.

В докладной записке говорилось, что в 1929 г. в деревне произошел резкий подъем числа массовых выступлений против политики государства. В частности, было зарегистрировано 11 900 случаев по сравнению с 709 в 1928 г. и 63 в 1926—1927 гг. Рост массовых выступлений произошел «за счет возрастания числа выступлений на почве хлебозаготовок» [9, с. 1018].

В условиях нарастания крестьянского недовольства и в связи с «террористическими акциями кулачества» ОГПУ весь 1929 г. проводило мероприятия по изъятию оружия в деревне. Были конфискованы тысячи винтовок, револьверов, десятки пулеметов, гранаты и т. п. Незаконно хранящие оружие и скупающие его «в уголовных и иных целях» лица подвергались большим штрафам и привлекались к судебной ответственности [8, ф. 66, оп. 1, д. 196, л. 73; д. 197, л. 148]. В результате к началу сплошной коллективизации советская деревня была обезоружена и, в отличие от 1917 г. и периода гражданской войны, не имела сил для вооруженного сопротивления политике власти.

Момент истины состоял в том, что, несмотря на отчаянные усилия, использование всей мощи административно-репрессивного аппарата и пропагандистской машины государства, хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. позволила получить менее 600 млн пудов зерна и вывезти за границу всего 26,1 млн пудов (табл. 2, 3).

Таблица 2

Заготовки хлеба в 1913, 1922—1927 гг., млн пудов

Кампании	Всего поступило хлеба в распоряжение государства	
	млн пудов	% к 1913 г.
1913 г.	1300	100
1922/23 г.	429,6	33,0
1923/24 г.	397,2	30,5
1924/25 г.	274,7	19,0
1925/26 г.	496,0	38,1
1926/27 г.	727,5	56,0
1927/28 г.	630,0 (план 750)	48,4
1928/29 г.	594,6	45,7

Источники: [10, с. 28; 27, с. 41; 28, с. 204; 29, с. 267].

Таблица 3

Динамика хлебного экспорта из урожаев 1923—1927 гг., млн пудов

Год	1913	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Хлеб, млн пудов	602,9	171	22,1	125	150	5,6	26,1

Источники: [10, с. 20; 28, с. 201—202; 30, с. 22].

Из приведенных в таблицах цифр видно, что в годы нэпа зерно-вое хозяйство в СССР, основанное на труде единоличных крестьянских хозяйств, достигло предела своей товарности и лишь наполовину приблизилось к дореволюционному уровню по этому показателю. Новые хлебозаготовки, разворачивающиеся в условиях недорода и растущего крестьянского («кулацкого») противодействия, в лучшем случае гарантировали государству прежнее количество товарного хлеба. Между тем в 1929 г. их план на 100 млн пудов превышал заготовки 1928/29 г., и перед сталинским руководством стояла неотложная задача найти средства для форсированной индустриализации. В противном случае необходимо было ее приостановить [24, с. 17]. Выход из ситуации был найден на путях сплошной коллективизации.

Необходимо подчеркнуть, что по этому пути советская деревня уже шла в годы нэпа. Но в 1929 г. темпы колхозного строительства, которое всячески поощрялось советским государством налоговыми льготами и целевой поддержкой кредитами и сельскохозяйственной техникой, резко возросли. Этому способствовала и постоянная пропаганда в СМИ. К июню 1929 г. в колхозах состояло уже более миллиона крестьянских хозяйств, или примерно столько, сколько первоначально планировалось достигнуть к концу первой пятилетки [4, с. 33]. Факты действительно «бурного роста» колхозов по инициативе крестьян, а не под давлением власти фиксировались летом 1929 г. органами ОГПУ в большинстве регионов страны. Более того, отмечались многочисленные случаи проникновения в колхозы «кулацко-зажиточного элемента» с целью укрытия от налогов и хлебозаготовок и даже создания собственных «лжеколхозов» [9, с. 894—902]. К 1 июня 1929 г. на территории РСФСР было организовано 11 районов сплошной коллективизации, большинство из которых находи-

лось в Уральской области, Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях [8, ф. 66, оп. 1, д. 196, л. 167—168]. По сводкам ОГПУ, осенью 1929 г. рост колхозного движения продолжался. В основном в колхозы вступала деревенская беднота и активисты, рассчитывая в условиях недорода получить помощь от государства семенами, продуктами и техникой. Основная масса крестьян-середняков занимала выжидательную позицию, поскольку хотела видеть хозяйственные результаты новых колхозов. Кулаки и зажиточные середняки в большинстве своем относились к колхозному движению враждебно, подтверждением чего были установленные ОГПУ многочисленные случаи поджогов ими колхозных посевов, порчи колхозного имущества, нападений на колхозных активистов [5, ф. 17, оп. 3, д. 761, л. 17; 9, с. 963—982].

В значительной степени рост колхозного движения в 1929 г. подталкивался административными мерами региональных властей, уже привыкших действовать в режиме «перегибов» и чутко воспринимавших политическую конъюнктуру, как, например, в Хоперском округе Нижне-Волжского края [25, с. 194]. Но факт активного вступления в колхозы крестьян в это время отрицать нельзя. Тем не менее сделанное Сталиным в ноябре 1929 г. заявление в статье «Год великого перелома» о том, что удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов, конечно, не соответствовало действительности [26, с. 125]. Основная масса крестьян на тот момент все еще оставалась единоличниками и не желала вступать в колхозы. Но сталинское заявление о «великом перелома» преследовало иную цель — стимулировать на местах административные усилия партийно-советского аппарата по организации колхозов, чтобы затем иметь основания для провозглашения курса на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств путем раскулачивания врагов советской власти и колхозного строя. Именно так в конечном итоге и случилось в 1930 г.

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Список источников и литературы

1. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018.

2. *Кондрашин В. В.* Социальная напряженность в советской деревне в годы нэпа как фактор политической нестабильности и предвестник сталинской коллективизации // Региональное измерение аграрной модернизации в России : матер. VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16—17 сентября 2020 г.). Саранск, 2020.

3. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4.

4. *Ивницкий Н. А.* «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.

5. *Российский* государственный архив социально-политической истории.

6. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

7. *Российский* государственный архив экономики.

8. *Центральный архив* Федеральной службы безопасности России.

9. *Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939* : документы и материалы : в 4 т. Т. 2 : 1923—1929. М., 2000.

10. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939* : документы и материалы : в 5 т. Т. 1. М., 1999.

11. *Известия ЦК КПСС.* 1991. № 5.

12. *Архив* Президента Российской Федерации.

13. *Сталин И. В.* Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии. Из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г. (Краткая запись) // Соч. Т. 11.

14. *Государственный архив* Российской Федерации.

15. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010.

16. *Данилов В. П.* Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927 гг. М., 1977.

17. *Собрание узаконений РСФСР.* 1928.

18. *Свод законов СССР.* 1928.

19. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4.

20. *Экономическое обозрение.* 1929.

21. *Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б).* 1928—1929 гг. М., 2000. Т. 4.

22. *Хлебный рынок и хлебный экспорт.* 1929.

23. *Taniuchi Yu.* Decision-making on the Ural-Siberian Method // Soviet History, 1917—53. N. Y., 1995.

24. *Голод в СССР. 1929—1934* : в 3 т. Т. 1 : 1929 — июль 1932. Кн. 1. М., 2011.

25. *Ивницкий Н. А.* О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 — весна 1930 г.) // Исторический архив. 1962. № 2.

26. *Сталин И. В.* Год великого перелома // Собр. соч. Т. 12.

27. *Конъюнктура* народного хозяйства СССР и мирового в 1925—26 г. М., 1927.

28. *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

29. *СССР за 15 лет.* М., 1932.

30. *Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г.* (Сборник обзоров по важнейшим отраслям народного хозяйства РСФСР в 1924—25 г.). М., 1926.

Трудовые ресурсы фермерских хозяйств в 1990-е годы (на материалах областей Центрального Черноземья)

В статье на основе материалов единовременных обследований фермерских хозяйств областей Центрального Черноземья, а также социологических опросов и интернет-форумов фермеров проводится анализ состояния трудовых ресурсов крестьянских (фермерских) хозяйств в 1990-е гг.

The article analyzes the state of labor resources of peasant farms in the 1990s on the basis of the results of one-time surveys of farms in the Central Chernozem region, as well as the materials of sociological surveys and Internet forums of farmers.

Ключевые слова: аграрная реформа, Центрально-Черноземный экономический район, фермерские хозяйства, трудовые ресурсы, наемные работники.

Keywords: agrarian reform, Central Chernozem economic region, farmers farms, labor resources, wage workers.

Крестьянские (фермерские) хозяйства (далее — КФХ), созданные в ходе аграрной реформы 1990-х гг., несмотря на сложный процесс становления, смогли занять свое место среди производителей сельскохозяйственной продукции. В 1991—1992 гг. их доля в сельхозпроизводстве была еще крайне мала и составляла 1—2% по разным видам растениеводческой продукции и 0,2—0,3% по отраслям животноводства, но уже к концу пореформенного десятилетия она увеличилась в 3—4 раза [1, с. 444, 446, 447, 449, 451, 453].

Раскрыть состояние трудовых ресурсов фермерских хозяйств в пореформенное десятилетие позволяет анализ результатов их единовременных обследований, которые хранятся в фондах текущих архивов НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса ЦЧР и областных комитетов статистики, а также данных социологических опросов, материалов с информационных порталов и форумов фермеров.

В первой половине 1990-х гг. применение наемного труда фермерами практически отсутствовало. Основу фермерского сектора составляли семейные хозяйства, поэтому к трудовым ресурсам КФХ прежде всего относились члены семей фермеров. В тот период залогом успеха фермерского хозяйства во многом являлась способность самого фермера, а также членов его семьи совмещать в себе функции «управленца, производственника, снабженца и бухгалтера» [2, с. 134].

Результаты выборочных и сплошных обследований фермерских хозяйств, проведенных областными управлениями статистики по состоянию на 1 января 1993 г., показали, что в 1992 г. в Липецкой области в 1405 фермерских хозяйствах на постоянной основе трудилось около 5—6 тыс. человек, в Тамбовской области в 3654 хозяйствах — 6432 человека [3, с. 2; 4, с. 1]. В Курской области в 360 хозяйствах, попавших в выборочное обследование, работало 870 постоянных работников из числа членов семей фермеров [5, с. 3].

В среднем во всех областях Центрального Черноземья на одно фермерское хозяйство приходилось 2 постоянных работника (изредка 3—4, как, например, в Пичаевском и Токаревском районах Тамбовской области) [4, с. 6]. Только в единичных случаях фермеры использовали на сельскохозяйственных работах наемный труд. Так, в Курской области в 1992 г. факты найма рабочей силы фермерскими хозяйствами имели место лишь в 13 из 28 районов [5, с. 16]. При этом работники привлекались исключительно для выполнения работ временного и эпизодического характера.

Большое количество финансовых и материальных проблем (высокие цены на сельхозтехнику, горюче-смазочные материалы, семена и удобрения, налоговые выплаты, немалые процентные ставки по кредитам), а также трудности социально-адаптационного характера (настороженное и скептическое отношение селян, препятствия со стороны местных властей) ставили фермеров в условия, когда они могли рассчитывать только на себя. По этой причине в анкетах единовременного обследования за 1992—1993 гг. среди факторов, тормозящих развитие фермерства, владельцы КФХ ни разу не упомянули нехватку трудовых ресурсов. Средств на оплату труда наемных работников у них не было.

В 1994 г. в результате резкого изменения государственной политики в отношении фермеров, когда под предлогом равенства всех форм собственности и хозяйствования государство отказало им в предоставлении мер дополнительной поддержки, в развитии фермерского движения наступил кризис, повлекший за собой прекращение деятельности большого числа КФХ. Постепенно, оправившись

от потрясения, фермерство вновь стало набирать обороты. К концу 1990-х гг. доля фермерских хозяйств в сельхозпроизводстве выросла до 4—5 % по растениеводству и 0,3—0,5 % по отраслям животноводства [1, с. 444, 446, 447, 449, 451, 453].

Во второй половине 1990-х гг. основу трудовых ресурсов КФХ по-прежнему составляли члены семей фермеров. В 1999 г. в областях Центрального Черноземья в среднем на одно фермерское хозяйство приходилось от 2 до 4 работников из числа родственников фермеров. В основном это были лица трудоспособного возраста от 30 до 50 лет. Соотношение мужчин и женщин среди них составляло примерно 60 и 40 % соответственно (табл. 1).

*Таблица 1***Половая структура членов КФХ по областям ЦЧР, %**

Область	Мужчины	Женщины
Белгородская	51,3	48,7
Воронежская	60,4	39,6
Курская	71,2	28,8
Липецкая	60,8	39,2

Источник: [8, оп. 7, д. 12].

Уровень образования членов семей фермеров, постоянно работавших в КФХ, был невысоким. В среднем по областям Черноземья высшее образование имели лишь 15,7 % членов КФХ, среднее специальное — 25,3 % (табл. 2).

*Таблица 2***Уровень образования членов КФХ по областям ЦЧР, %**

Область	Образование членов КФХ	
	Среднее специальное	Высшее
Белгородская	21,6	11,4
Воронежская	22,6	13,5
Курская	31,0	22,4
Липецкая	29,5	16,4
Тамбовская	21,8	14,9

Источник: [8, оп. 7, д. 12].

Примечательно, что такие работники довольно высоко оценивали свой профессиональный уровень и не стремились его поднимать. В 2000 г. в Тамбовской области только 14,9% опрошенных работников из числа членов семей фермеров отметили для себя необходимость повышения квалификации [7, с. 13].

Рост производства фермерских хозяйств требовал привлечения дополнительных трудовых ресурсов, в основном за счет найма рабочей силы. Этому же способствовали еще два обстоятельства. Во-первых, по мере развития фермерского движения главам хозяйств все труднее становилось совмещать несколько специальностей [2, с. 134]. Постоянно менявшаяся ситуация в налоговой сфере, сложности с составлением бухгалтерской отчетности, необходимость глубокого знания нормативно-правовой документации, потребность в квалифицированной ветеринарной помощи обуславливали необходимость привлечения специалистов. Во-вторых, в 1996—1998 гг. наметилась тенденция к увеличению размеров фермерских хозяйств (табл. 3).

Таблица 3

Средний размер КФХ по областям ЦЧР, га

Область	1991	1998
Белгородская	29	41
Воронежская	54	53
Курская	51	69
Липецкая	42	60
Тамбовская	37	52
В среднем по ЦЧР	43	55

Источник: [8, с. 2; 9, с. 15].

Первые годы аграрной реформы показали, что маленькие размеры КФХ не способствовали созданию эффективных товарных хозяйств. По этой причине во второй половине 1990-х гг. фермеры стали увеличивать свои земельные угодья за счет аренды земли. Появились хозяйства очень крупных размеров. В Липецкой области в 1999 г. из 172 обследованных фермерских хозяйств 19 имели площадь от 400 до 1200 га. Некоторые из них представлены в таблице 4.

Таблица 4

Район	КФХ	Площадь, га
Грязинский	«Целина», с. Петровка	419
	«Лед», с. Сухоборье	1080
Добровский	«Победа», с. Каликино	1017
Измалковский	«По коневодству», с. Чернава	584
	«Березка», с. Пречистено	450
Липецкий	«Спектр», с. Ивово	419
	«Май», с. Ленино	630
Становлянский	«Восход», с. Красная Пальна	498
	«Рассвет», с. Большая Поляна	632
Хлевенский	«Речное», с. Отскочное	903
Чаплыгинский	«Поле», с. Кривополянье	480
	«Дубрава», пос. Роцинский	966

Источник: [6, оп. 7, д. 12].

Рост размеров КФХ повлек за собой более активное привлечение фермерами наемных работников. В 1998—1999 гг. наемный труд применялся уже в 18—20% фермерских хозяйств [7, с. 14; 6, оп. 7, д. 12]. В Липецкой области, как и в других областях Центрального Черноземья, функционировали хозяйства с большим количеством работников (табл. 5).

Таблица 5

Количество наемных работников в крупных КФХ Липецкой области

КФХ	Количество наемных работников, чел.	
	1998	1999
<i>Добринский район</i>		
«Аренда»	30	17
«Родник»	—	12
<i>Задонский район</i>		
«Радуга»	8	8
<i>Липецкий район</i>		
«Спектр»	11	18

КФХ	Количество наемных работников, чел.	
	1998	1999
<i>Тербунский район</i>		
«Березка»	6	6
<i>Хлевенский район</i>		
«Виктория»	5	6
«Речное»	7	19

Источник: [6, оп. 7, д. 12].

Процесс найма работников в фермерские хозяйства был непростым, об этом свидетельствуют публикации самих фермеров на интернет-форумах: «Вопрос о наемных работниках... очень сложный и болезненный» [10]. Анализ данных публикаций и результатов социологических опросов позволил выявить ряд особенностей найма фермерами рабочей силы в пореформенное десятилетие:

1. Официально факт найма работников в фермерские хозяйства нигде не фиксировался. В первые годы реформы такого рода отношения «на внутридеревенском уровне» чаще всего воспринимались не как работа по найму, а как своего рода соседская взаимопомощь [7, с. 14].

2. Большинство фермеров не имели финансовой возможности оплачивать труд наемных работников, поэтому они применяли натуроплату фуражным зерном, путем оказания сельскохозяйственных услуг (вспашка огорода, заготовка сена) или предоставления работникам возможности бесплатного проживания и питания: «Мы искали работника пять лет. В этом году нашли. Кормим, одеваем, курево и проживание. Не пьет, живет рядом (у меня два дома)... пасет стадо» [10].

3. Между фермером и наемным работником отсутствовало четкое разделение работы на «грязную» (физическую) и «чистую». Глава хозяйства выполнял те же виды работ, что и нанятый им работник.

4. Преобладало привлечение наемных работников к выполнению разовых или временных работ: «Иногда приходится нанимать доярку, рассчитываем раз в неделю, проблем нет» [10]. Наемный труд на постоянной основе распространения не получил.

5. Квалифицированный наемный труд в фермерских хозяйствах использовался редко. В Тамбовской области лишь 12% опрошенных фермеров сказали, что испытывают в этом объективную потребность [7, с. 13].

6. Отношение сельских жителей к наемному труду в ходе реформы постепенно менялось. Если сначала его считали чем-то постыдным и недостойным квалифицированного работника, то к концу 1990-х гг. по объективным причинам практика найма на работу в фермерское хозяйство стала восприниматься естественно.

7. Фермеры в основном испытывали потребность в найме неквалифицированных работников, поскольку рабочая сила, как правило, требовалась им лишь для выполнения несложных сельскохозяйственных операций. При найме работников владельцам КФХ важно было сделать это своевременно и недорого, даже если «рабочая сила оказывалась худшего качества». При этом у них сохранялась возможность при необходимости заменить одних работников другими. Избыток неквалифицированной рабочей силы, образовавшийся на селе в пореформенный период, легко позволял им это делать.

8. Найти хорошего непьющего работника для выполнения неквалифицированного труда было трудно: «Я нанимаю 7 лет работников. У всех одна проблема — пьянство. Я тоже их одевал, обувал, но — увы» [10]. Низкая трудовая дисциплина являлась причиной частой сменяемости кадров в фермерских хозяйствах и, как следствие, постоянной потребности в новых работниках. В 2001 г. из-за проблем с трудовой дисциплиной фермерами Тамбовской области было уволено около 20% от общего числа постоянных наемных работников и более 80% от общего числа временных работников [7, с. 13].

Таким образом, несмотря на то что в 1990-е гг. основу трудовых ресурсов КФХ составляли члены семей фермеров, на протяжении всего пореформенного десятилетия проходил процесс становления института найма рабочей силы и формировался слой потенциальных наемных работников фермерских хозяйств.

Список источников и литературы

1. *Регионы России*. М., 1999.
2. *Огаркова Н.Н.* Современные проблемы развития крестьянских хозяйств России // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

3. *Липецкое* областное управление статистики. О развитии крестьянских (фермерских) хозяйств // Текущий архив ГНУ НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса ЦЧР.

4. *Тамбовское* областное управление статистики. О деятельности крестьянских хозяйств на 1 января 1993 г. (по данным сплошного обследования) // Текущий архив ГНУ НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса ЦЧР.

5. *Курское* областное управление статистики. О деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в 1992 г. (данные обследования) // Текущий архив ГНУ НИИ экономики и организации агропромышленного комплекса ЦЧР.

6. *Текущий* архив Липецкого областного управления статистики. Оп. 7. Д. 12 (Экономическая деятельность КФХ (Анкеты выборочного обследования) от 2000 г. Первичный учет).

7. *Сазонова Д.Д., Сазонов С.Н.* Фермерство на Тамбовщине: состояние и тенденции развития // Социологические исследования. 2006. №7. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/sazonovy.pdf> (дата обращения: 18.10.2020).

8. *Крестьянские* (фермерские) хозяйства РФ на 1 января 1998 г. / ВЦ ГКС РФ. 28-202 №1. 15 января 1998 г. // Текущий архив Государственного комитета статистики РФ.

9. *Крестьянские* (фермерские) хозяйства РФ на 1 января 1993 г. / ВЦ ГКС РФ. 28-202 №1. 17 января 1993 г. // Текущий архив Государственного комитета статистики РФ.

10. *Наемные* работники // Главный портал для фермеров и владельцев ЛПХ. 28.09.2013. URL: <https://www.ya-fermer.ru/nayomnye-rabotniki> (дата обращения: 24.07.2013).

**О вкладе академика РАН В. В. Милосердова
в аграрную науку, сельскохозяйственное производство
и аграрную историю страны**

В статье обобщается многолетняя трудовая и научная деятельность академика РАН В. В. Милосердова в государственных и научных учреждениях, его вклад в аграрную науку, сельскохозяйственное производство, аграрную историю страны.

The article summarizes the long-term work and scientific activity of Academician of the Russian Academy of Sciences V. V. Miloserdov in state and scientific institutions, his contribution to agricultural science, agricultural production, and the agricultural history of the country.

Ключевые слова: В. В. Милосердов, академик, сельскохозяйственное производство, хозяйство, аграрная наука, аграрная история.

Keywords: V. V. Miloserdov, Academician, agricultural production, agriculture, agricultural science, agricultural history.

В 2005 г. Уральская сельскохозяйственная академия (Екатеринбург) издала книгу «Владимир Васильевич Милосердов — ученый, организатор науки, публицист». Это был сборник избранных статей академика тогда еще РАСХН В. В. Милосердова, приуроченный к его 75-летию. В предисловии, подготовленном академиками РАСХН Э. Н. Крылатых, А. И. Костяевым, членами-корреспондентами РАСХН Г. В. Беспехатным, А. Н. Сёминым (в настоящее время все четверо — академики РАН) и другими экономистами-аграрниками, была представлена трудовая и научная деятельность В. В. Милосердова [1, с. 4—6]. В последующие его юбилеи на электронных и бумажных страницах российских журналов, сайтах НИИ, занимающихся аграрными проблемами, приводилась информация о В. В. Милосердове преимущественно из предисловия к этой книге.

В. В. Милосердов, чье детство с 10 лет прошло в глухом селе Моисеево-Алабушка Тамбовской области после смерти отца, погибшего в 1941 г. при защите Ленинграда, начал свою трудовую деятельность по окончании отделения экономики Белорусского государственного института народного хозяйства в качестве председателя районной плановой комиссии Пуховичского райисполкома Минской области. В 1955 г. он был приглашен на должность младшего научного сотрудника в Институт экономики АН БССР и поступил в аспирантуру. Одной из первых серьезных работ начинающего ученого стала объемная статья «Животноводство и кормовая база» (1957 г., в соавторстве), помещенная отдельной главой в труде АН БССР «Вопросы развития сельского хозяйства». В 1959 г. в сборниках трудов Института экономики АН БССР, а также в республиканском журнале «Сельское хозяйство Белоруссии» появились сразу 4 научные статьи аспиранта В. В. Милосердова [3, с. 479]. Они раскрывали основное содержание его кандидатской диссертации «Эффективность улучшения лугов и пастбищ», работая над которой он исходил пешком не только всю Белоруссию, но и те районы Прибалтики, где имелся положительный опыт работы с культурными пастбищами. Будучи аспирантом, в 1960 г. он направил записку в ЦК Компартии Белоруссии, Министерство сельского хозяйства заготовок и Госплан БССР «О необходимости работ по улучшению естественных сенокосов и закладке культурных пастбищ». Вторая записка уже кандидата экономических наук (1961) В. В. Милосердова называлась «О совершенствовании планирования закупок сельскохозяйственных продуктов» (1962) [3, с. 478, 479]. Молодой экономист-аграрник делал предложения по повышению эффективности кормовой базы республики за счет более рационального использования лугов и пастбищ, их коренного улучшения, по совершенствованию планирования закупок сельскохозяйственных продуктов.

В первой половине 1960-х гг. появились его научные публикации уже по специализации, планированию размещения и развития сельхозпроизводства. В статье, опубликованной в 1963 г. в центральном журнале «Вопросы экономики», он предложил авторскую методику планирования закупок сельхозпродуктов, в другом авторитетном издании, «Экономика сельского хозяйства», в том же году изложил свои критерии в оценке хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. В докладах на Всесоюзных совещаниях, а также на меж-

дународном симпозиуме в Венгрии в 1967 г. молодой ученый обосновывал предложения по планированию размещения и развития сельхозпроизводства [3, с. 477, 478].

После упразднения сектора сельского хозяйства в АН БССР В. В. Милосердов перешел трудиться в Вычислительный центр Госплана БССР. Работая начальником отдела оптимального планирования, совместно с математиками разрабатывал экономико-математические модели размещения государственных закупок сельхозпродукции, оптимизации кормовых рационов и кормопроизводства, распределения минеральных удобрений по территории Белоруссии. Вскоре эти модели нашли практическое применение не только в этой республике, но и в соседних Украине и Литве. Когда при ЦК КП Белоруссии организовываются курсы «повышения экономических знаний», 34-летний экономист-математик получает приглашение читать курс лекций по применению математических методов и вычислительной техники в планировании и организации сельхозпроизводства. На основе лекционного материала, подготовленного ученым, в 1965 г. в издательстве «Высшая школа» (Минск) выходит в свет его учебное пособие «Математические методы в экономике и организации сельского хозяйства». Это был первый в республике труд экономико-математического направления [3, с. 477].

В начале 1965 г. В. В. Милосердов впервые получил предложение принять участие в международной конференции. В Берлине он выступил с докладом о практическом применении вычислительной техники в решении задач размещения плана закупок сельхозпродукции. Спустя год в научном сообщении на Всесоюзном совещании во Всесоюзном научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства (ВНИЭСХ, Москва) ученый впервые изложил опыт применения математических методов в распределении плана сельхозпродуктов в БССР. В 1968 г. на Международном конгрессе в Венгрии, в котором участвовали экономисты-аграрники и экономисты-математики из 19 стран, В. В. Милосердов выступил с докладом «Разработка глобальных моделей оптимального планирования сельского хозяйства в СССР» [3, с. 477]. К этому времени он уже являлся сотрудником ВНИЭСХ.

Руководство ВНИЭСХ обратило внимание на экономиста-математика, и в 1967 г. при содействии тогдашнего министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича состоялся его переезд в Москву.

В. В. Милосердов становится самым молодым руководителем наиболее крупного подразделения ВНИЭСХ — отдела экономической кибернетики [3, с. 37].

Объективное распределение государственных закупок продовольствия, равно как и специализация сельскохозяйственного производства, являлось в те годы одной из центральных задач аграрной политики советского государства. Разработанная В. В. Милосердовым модель оптимального размещения плана закупок сельхозпродукции становится очень актуальной и востребованной благодаря тому, что она позволяла производить весь объем товарной сельхозпродукции на меньшей площади и при меньших затратах труда и средств.

По заключенным договорам отдел экономической кибернетики стал проводить расчеты планов закупок по союзным республикам, областям России, а также по районам Тамбовской области — малой родины ученого. Данные решения нашли поддержку в Госпланах РСФСР и СССР. В результате коллегия Госплана СССР приняла разработанную В. В. Милосердовым методику размещения закупок сельхозпродукции и опубликовала ее в качестве типовой. С целью практического использования Минсельхоз СССР в 1968 г. издает отдельной брошюрой его «Методику планирования заготовок сельскохозяйственных продуктов» [3, с. 38].

Во второй половине 1960-х гг. В. В. Милосердова все чаще приглашают для участия в научных конференциях, симпозиумах, конгрессах, в том числе за рубежом. Его научные разработки, доклады принимаются в фундаментальные зарубежные издания. Так, доклад «Экономико-математические методы в сельском хозяйстве» включается отдельной главой в коллективный научный труд «Оптимальное планирование в размещении заготовок сельскохозяйственных продуктов», изданный в ГДР (1968). В 1969 г. В. В. Милосердов становится автором главы «Оптимизация плана размещения закупок сельскохозяйственных продуктов в стране» в другом иностранном коллективном научном труде, «Применение математических методов и ЭВТ в экономике сельского хозяйства», изданном в Варшаве [3, с. 475].

В марте 1969 г. Госплан СССР и Минсельхоз СССР утверждают методику и модель, предложенную В. В. Милосердовым для разработки оптимального плана-прогноза развития, размещения и специализации сельскохозяйственного производства. В 1970 г. проблемный

совет ВНИЭСХ рекомендует его методику оптимального размещения государственного плана заготовок сельскохозяйственных продуктов для практического применения. На рубеже 1969/70 гг. это было весьма актуально, поскольку при составлении плана развития народного хозяйства СССР по разделу «Сельское хозяйство» на 9-ю пятилетку (1971—1975) в Госплане СССР возникла конфликтная ситуация. Вопреки подготовленным расчетам отдела сельского хозяйства руководитель сводного отдела народнохозяйственного плана Госплана Н. П. Лебединский направил в Политбюро ЦК другие, завышенные, заведомо невыполнимые показатели производства отдельных видов сельхозпродукции. Каждая сторона отстаивала свою методику расчетов. Только обращение ряда работников Госплана СССР лично к Л. И. Брежневу, поддержанное профильными министерствами и ведомствами, позволило скорректировать показатели производства сельхозпродукции [2, ф. 4372, оп. 66, д. 3818, л. 4, 101, 102].

Успешно защитив диссертацию «Планирование размещения государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов», доктор экономических наук (1971) В. В. Милосердов возглавил секцию оптимального планирования сельского хозяйства в ВНИЭСХ [3, с. 40]. С этого времени начинается самый плодотворный период его научной деятельности. Одна из работ ученого включается в книгу «Экономические модели и количественные методы планирования сельского хозяйства», изданную на английском языке в штате Айова (США). В 1971—1977 гг. десятки его статей размещаются в центральных журналах СССР («Плановое хозяйство», «Экономика сельского хозяйства», журнале СЭВ «Международный сельскохозяйственный журнал»), в различных изданиях на родине, а также за рубежом (Чехословакия, Венгрия, Польша) [3, с. 470—473] — и это при том, что ему вскоре пришлось возглавить Институт кибернетики, где надо было решать не только научные, но и организационные, кадровые, хозяйственные вопросы.

В 1973 г. по инициативе тогдашнего министра сельского хозяйства Д. С. Полянского коллегия министерства утверждает В. В. Милосердова директором Всесоюзного института кибернетики. Возглавляемый им научный коллектив координирует работы по использованию экономико-математических методов в сельском хозяйстве страны. Это направление начинает активно развиваться в странах социалистического лагеря. После создания международного Координационного центра СЭВ ученого назначают в нем уполномоченным представителем от СССР [3, с. 41].

После доклада на Международной научной конференции «Проблемы оптимальные планирования агропромышленного комплекса» в Гарвардском университете (1977) по предложению заместителя заведующего сельхозотделом ЦК Ю.В. Седых Милосердов переезжает в Ленинград. Здесь в рамках реализации комплексной программы развития Нечерноземной зоны РСФСР постановлением Госкомитета СМ СССР по науке и техники (ГКНТ) было создано сначала отделение ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР, а затем Научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства. Это вполне соответствовало интересам ученого, который ранее активно выступал инициатором создания этого НИИ. В течение 1977—1981 гг. он был первым его директором. На плечи экономиста-математика, экономиста-аграрника, члена-корреспондента ВАСХНИЛ (1978) легла огромная ответственность не только за формирование структур нового НИИ, рациональное включение в его состав региональных отделов, созданных в Ленинграде, Вологде, Орле, Пскове и Москве, но и за налаживание связей с производством, плановыми, хозяйственными и партийными структурами. Помогали наработанные ранее связи с союзным и республиканским плановыми органами [3, с. 42—43]. Вскоре возглавляемый ученым новый институт стал головным научным учреждением при разработке комплексных программ развития сельского хозяйства, в частности развития картофелепродуктового подкомплекса.

К исследованиям привлекались и другие российские НИИ, к примеру институты картофелеводства, механизации и т. п., что позволяло увязать все составляющие цикла производства: семеноводство, систему удобрения, обработку почвы, хранение, переработку и реализацию сельхозпродукции. В.В. Милосердов отмечал позднее: «Это положительно отличало такие исследования от традиционных экономических разработок. Институт быстро прошел организационный период и был одним из немногих в то время научных учреждений, которые вели научные исследования по широкому спектру проблем развития региональных и отраслевых агропромышленных комплексов» [3, с. 42—43]. Учеными НИИ были «обоснованы предложения по совершенствованию методов экономического стимулирования сельхозпроизводства, созданию районных агропромышленных объединений, развитию сельского хозяйства и промыслового хозяйства Крайнего Севера, рациональному использованию трудового потенциала села, использованию экономико-математических методов в плановой практике» и др. [3, с. 42—43].

Результаты исследований и разработок НИИ направлялись в Совет министров РСФСР и Госплан РСФСР, ГКНТ, плановые и хозяйственные органы областей и автономных республик Нечерноземья. Некоторые из них были учтены при подготовке нового постановления ЦК КПСС и СМ СССР по дальнейшему развитию агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР (1981), а позднее и в работе ЦК, когда В. В. Милосердов организовал сбор всей информации о производственной деятельности колхозов и совхозов страны для Вычислительного центра ЦК. Это облегчило ему дальнейшее проведение расчетов соотношения кормов и продуктивности в животноводческой отрасли.

Об авторитете НИИ, возглавлявшегося В. В. Милосердовым и ставшего главным научным учреждением в регионе, свидетельствует тот факт, что в рамках координации научных исследований отделение ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР провело в 1979 г. сессию-конференцию на тему «Основные направления специализации, концентрации производства и совершенствование управления АПК на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». На сессии присутствовали член Политбюро ЦК Г. В. Романов, руководящие работники Минсельхоза РСФСР, управлений сельского хозяйства Нечерноземья. К этому важному научно-практическому форуму Милосердов и его коллеги подготовили рекомендации по Нечерноземной зоне РСФСР «Основные направления развития специализации, интеграции, концентрации сельскохозяйственного производства». Позднее В. В. Милосердов отмечал, что подобное научное мероприятие «позволило уточнить направление исследований и сформировать конкретные предложения для сельскохозяйственного производства разных областей региона» [3, с. 42—43]. Также он добился открытия в 1979 г. на базе НИИ совета по защите докторских диссертаций, что способствовало привлечению в этот научный центр ученых и квалифицированных специалистов.

Огромный объем административной, организационной работы не оставлял много времени директору НИИ на подготовку большого количества публикаций. Однако его статьи по проблемам дальнейшего развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР публикуются в центральных периодических журналах («Плановое хозяйство», «Экономика сельского хозяйства»), в издании Координационного центра СЭВ — «Международном сельскохозяйственном журнале», а также в сборниках материалов по итогам научных конференций.

В 1981 г., в последний год работы В. В. Милосердова в должности директора НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР, его исследование «Проблемы дальнейшей специализации сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» вошло в качестве отдельной главы в коллективный труд «Планирование и управление продовольственным комплексом Нечерноземной зоны РСФСР» [3, с. 468]. До настоящего времени Нечерноземную зону России Владимир Васильевич ласково-уважительно именует «Нечерноземка».

Позднее в монографии «Аграрная политика и проблемы развития АПК» (1990) В. В. Милосердов представил подробный анализ аграрной политики государства в 1970—1980-е гг. как в стране в целом, так и в Нечерноземной зоне РСФСР. По мнению экономиста-аграрника, «с начала 70-х гг. развитие сельского хозяйства пошло по экстенсивному пути. Длительное время в отрасли сохранялись неэффективные пропорции в технической базе. Из-за ведомственной разобщенности и недостатков планирования продолжали нарастать диспропорции между звеньями АПК, в частности отставали мощности по хранению и переработке продукции, что вело к большим ее потерям и снижению качества. Крайне отрицательное влияние на аграрную экономику оказывал постоянный рост оптовых цен на материальные ресурсы. Это стало одной из главных причин роста себестоимости продукции» [4, с. 89].

В. В. Милосердов считал главными причинами низкой отдачи возрастающего объема финансирования сельского хозяйства во второй половине 1980-х гг. «отсутствие тщательно взвешенной, научно-обоснованной аграрной политики, отвечающей радикально изменившимся условиям и потребностям общества, рассогласованность отдельных звеньев хозяйственного механизма, противоборство одновременно действующих старых и новых его элементов. Крайне медленно улучшалось социальное положение крестьян» [5, с. 233]. Он отмечал, что «к концу 70-х годов резко сократились возможности вовлечения в общественное производство новых работников. По ряду объективных причин заметно уменьшились темпы роста капитальных вложений, усилилась неэквивалентность межотраслевого обмена. Нарастала несогласованность в работе предприятий и организаций разных министерств и ведомств... Принимаемые в то время меры не давали положительных результатов, экономическая обстановка в большинстве регионов неуклонно ухудшалась» [4, с. 86].

Прежде всего это касалось Нечерноземной зоны РСФСР. С 1970 по 1983 г. численность сельского населения в трудоспособном возрасте сократилась здесь на 1,8 млн чел. (21%), тогда как в целом по РСФСР — на 10%. Миграция сельского населения отрицательно сказалась не только на колхозах и совхозах, сократилось производство и в личных подсобных хозяйствах Нечерноземья. За 10 лет (1971—1980) производство картофеля сократилось здесь на 4,6 млн т, овощей — на 427 тыс. т, молока — на 2 млн т, мяса крупного рогатого скота — на 60 тыс. т [4, с. 86]. По подсчетам В. В. Милосердова, чтобы восполнить это сокращение за счет общественного сектора, требовалось дополнительно 3,4 млн га пашни, 1,4 млн ското-мест, 3,6 млрд кормовых единиц кормов, 1,6 млрд руб. капитальных вложений в животноводство.

К важнейшим причинам нарастания проблем в российском Нечерноземье Милосердов обратился в работе «Аграрная политика России — XX век» (2002). Уже избранный академиком ВАСХНИЛ (1990), глубоко вникнув в социально-экономические проблемы региона, работая директором ВНИЭТУСХ, В. В. Милосердов дал более подробный анализ причин нарастания проблем в сельском хозяйстве на протяжении рассматриваемого периода.

В 1981 г. В. В. Милосердов возвращается в Москву и по предложению председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова занимает должность заместителя начальника сводного отдела АПК Госплана. Именно здесь, имея доступ к межотраслевым балансам, он и «почерпнул» огромное количество информации о состоянии аграрного сектора экономики, отдельных его отраслей, смог заниматься важной научной работой — определением места АПК в народном хозяйстве, взаимосвязей отдельных его отраслей. За небольшой период времени работы в Госплане ученый опубликовал 8 статей в журналах и газете «Правда».

Проработав в Госплане СССР менее года, В. В. Милосердов был приглашен на работу в ЦК, где его уже оценили как высококвалифицированного экономиста-аграрника. Еще до этого по просьбе В. И. Болдина, помощника секретаря ЦК по сельскому хозяйству М. С. Горбачева, ученый несколько раз готовил предложения для его начальника по совершенствованию структуры АПК и хозяйственного механизма его отраслей. Став помощником М. С. Горбачева наряду с А. П. Луциковым и В. И. Болдиным, он активно принялся за работу. В круг его обязанностей, оговоренный с М. С. Горбачевым, входила подго-

товка предложений по структуре АПК, совершенствованию системы управления и экономического механизма хозяйствования комплексом. Милосердов занимался анализом взаимоотношений между отраслями, определением места АПК в народном хозяйстве и разработкой мер по повышению его эффективности. Он писал статьи, доклады, выступления М. С. Горбачева на совещаниях, конференциях, готовил материалы по аграрным вопросам, выносимым на обсуждение Политбюро ЦК [3, с. 59]. В. В. Милосердов принимал участие в подготовке документов пленума ЦК в мае 1982 г., но имел свою точку зрения на его решения, которую позднее излагал в трудах по аграрной истории. К примеру, оценивая неутешительные итоги реорганизации управления АПК после пленума 1982 г., он отмечал низкую эффективность предпринятых государством мер, в частности по организации деятельности районных агропромышленных объединений (РАПО), которые, по его оценке, не были в состоянии повлиять на нарастающий кризис в аграрном секторе экономики. Материально-технические ресурсы, капитальные вложения, фонд заработной платы по-прежнему устанавливали министерства и ведомства, несмотря на полученное право РАПО изымать и перераспределять часть выделяемых предприятиям материально-технических ресурсов. Не удалось простимулировать заинтересованность предприятий-смежников в конечных результатах работы АПК. И самое главное, по мнению академика, заключалось в том, что коренные экономические процессы в АПК не были задействованы. В целом же, по его мнению, решения майского пленума ЦК КПСС носили «печать времени и имели компромиссный, половинчатый характер» [4, с. 110].

Как вспоминает В. В. Милосердов, в записках, а также в «кабинетных» общениях он пытался донести до М. С. Горбачева свое глубокое убеждение в том, что одной из главных причин низкой эффективности АПК является сохраняющаяся диспропорция между отраслями, сферами, республиками и регионами. Несомненно, что работа над социально-экономическими проблемами Нечерноземной зоны РСФСР давала о себе знать. Как отмечал академик, в расчете на 1 га пашни сельхозпредприятия Прибалтики получали в 2,8 раза больше инвестиций, чем хозяйства РСФСР, а по материальным ресурсам — в 4—5 раз больше. «Ресурсы распределялись не исходя из эффективности, а на основе того, кто напишет более жалостливую бумагу. Определенную роль тут имели и политические мотивы — подтянуть экономику прибалтийских республик до уровня соседних сканди-

навских стран», — отмечал В. В. Милосердов [3, с. 54]. Зачастую же кураторы отдельных регионов страны, работавшие в отделах ЦК, лоббировали их интересы по объемам финансовых и материально-технических ресурсов, в том числе в АПК. В. В. Милосердов предлагал направлять инвестиции в регионы в соответствии с их отдачей, а также под конкретные целевые программы, способные поднять уровень сельскохозяйственного производства.

Милосердов стремился убедить М. С. Горбачева и в том, что недостаток мощностей по хранению и переработке сельхозпродукции приводит к огромным ее потерям. Настаивал на необходимости скорейшего перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития, прежде всего животноводческой отрасли, продукция которой была в стране особо дефицитной. Вместо погони за количеством поголовья скота, служившим одним из показателей для оценки хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, он предлагал решить вопрос с дефицитом кормов для скота, обеспеченность которыми составляла лишь 65—70%. Это привело бы и к значительному сокращению расход зерна на корм скоту, которые к этому времени значительно превышали затраты зерна на изготовление хлебобулочных и макаронных изделий [3, с. 60].

В выводах, представленных М. С. Горбачеву, отмечалось, что при снижении количества скота будет ликвидирован его недокарм, повысится продуктивность. Одновременно сократится дефицит кадров в отрасли, уменьшатся капитальные вложения на строительство помещений для скота, а также расход кормов на производство единицы животноводческой продукции. В итоге повысится эффективность всей отрасли [3, с. 64]. В 1970-е гг. около 80% прироста продукции животноводства получали за счет роста поголовья и только 20% — за счет роста продуктивности. Чтобы выполнять Продовольственную программу по производству животноводческой продукции, требовалось увеличить поголовье скота почти на 40 млн условных голов, выделить для строительства новых помещений 44 млрд руб. и привлечь в отрасль 1,8 млн новых работников [3, с. 66].

Воспользовавшись своим «служебным положением», ученый убедил М. С. Горбачева и секретаря ЦК по экономике Н. И. Рыжкова, что вся информация (350—400 показателей) о хозяйственной деятельности колхозов и совхозов страны должна поступать не только в Госкомстат СССР, но и в Вычислительный центр ЦК. Руководя экономической постановкой задачи (той или иной группировки сель-

хозпредприятий), В. В. Милосердов всего за полгода добился разработки более 50 группировок. После этого начались практические расчеты: по отдельным регионам, включая российское Нечерноземье, республикам и областям. В итоге было рассчитано расходование кормов на 1 ц привеса по сельхозпредприятиям, разбитым на отдельные группы. К примеру, выяснилось, что в разных хозяйствах расходы кормов для КРС варьировались от 9,6 до 18,8 ц кормовых единиц. Кроме того, удалось выявить, что 56% кормов в Нечерноземной зоне РСФСР шло только на поддержание жизни животных, а не на рост их продуктивности.

Выводы В. В. Милосердова были отражены в подготовленном общем докладе М. С. Горбачева по проблемам АПК, в предложениях о целесообразности перехода животноводства на интенсивный путь развития. Однако выводы и предложения ученого Горбачевым были вычеркнуты. Это повторилось и в следующем докладе, после чего Милосердов перестал включать эти проблемы в доклады для секретаря ЦК, тем более что «шеф» не раз упрекал его в чрезмерной напоказности в вопросе интенсификации в отрасли. Как позднее вспоминал В. В. Милосердов, противникам интенсификации легко удавалось убедить М. С. Горбачева отказаться от нее. «Мне приходилось вновь и вновь доказывать, казалось бы, уже доказанные вещи. Я несколько раз заводил разговор о необходимости постепенно освобождаться от части функций центра и более заинтересованно решать хозяйственные вопросы на местах. Но эта проблема им просто не воспринималась» [3, с. 68].

Будучи более двух лет (1982—1985) помощником секретаря ЦК по сельскому хозяйству, а затем консультантом отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК (1985—1988), Владимир Васильевич активно содействовал формированию и оформлению состава и структуры АПК. В 1983 г. по решению Комиссии Политбюро ЦК В. В. Милосердов в составе небольшой рабочей группы (Н. Е. Кручина — первый заместитель заведующего сельхозотделом ЦК, П. А. Паскарь — первый заместителя председателя Госплана СССР, В. И. Манякин — первый заместитель начальника ЦСУ СССР) по поручению М. С. Горбачева принял участие в формировании состава и структуры АПК [3, с. 60]. В итоге АПК был разделен на три сферы. В первую сферу были включены совокупность отраслей (подотраслей) промышленности, обеспечивающих средствами

производства сельское хозяйство, легкую (в части первичной обработки сырья), пищевую и мясомолочную промышленность, а также заготовительную систему. В эту же сферу входили тракторное и сельскохозяйственное машиностроение для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов, химическая и микробиологическая промышленность. Вторую сферу составили сельхозпроизводство (растениеводство и животноводство), производственно-техническое, агрохимическое, ирригационно-мелиоративное и ветеринарно-санитарное обслуживание сельского хозяйства, а также лесное хозяйство. В третью сферу вошла совокупность отраслей и производств, обеспечивающих заготовку, транспортировку, хранение и переработку сельскохозяйственного сырья [5, с. 33, 34].

В докладе М. С. Горбачева на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам АПК (26—27 марта 1984 г.), который готовил и В. В. Милосердов, именно с его «подачи» была дана оценка роли и значения АПК в экономике страны: «Агропромышленный комплекс тесно связан с другими отраслями экономики, оказывает большое влияние на эффективность и темпы их роста. Процесс этот взаимозависимый: около 90% основных фондов сельского хозяйства имеет промышленное происхождение. Вместе с тем велика и отдача отраслей АПК. Достаточно сказать, что на долю сельского хозяйства сейчас приходится 27—28% общего объема произведенного национального дохода страны» [6, с. 13].

В 1983—1984 гг. В. В. Милосердов вместе с начальником управления сельским хозяйством ЦСУ СССР Л. И. Ващуком занимался подготовкой к изданию первого статистического сборника по АПК. Он состоял из следующих разделов: 1) состав агропромышленного комплекса; 2) структура АПК по сферам и его место в народном хозяйстве; 3) сравнительная эффективность производства в отдельных сферах АПК; 4) отраслевая структура АПК; 5) продуктовые подкомплексы АПК; 6) производство, потребление и использование основных продуктов АПК и др. В соответствии с постановлением ЦК и СМ СССР сборник вышел в свет в 1985 г. (по отчетным данным за 1984 г.) [3, с. 61].

После избрания М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК В. В. Милосердов на «прощальную беседу» с ним не был приглашен. Новый секретарь ЦК по сельскому хозяйству Е. К. Лигачев отказал Н. К. Байбакову в переводе ученого-экономиста в Госплан и вместо

этого предложил Милосердову временно поработать консультантом отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК. По всей видимости, ему хотелось какое-то время «держать» ученого рядом.

О времени работы (1985—1988 гг.) в должности консультанта в ЦК КПСС Милосердов в своих воспоминаниях писал: «После напряженной работы в качестве помощника секретаря ЦК я оказался в тихой заводи, где изредка приходилось кому-то что-то писать. Неоднократные попытки вырваться из отдела не давали результатов. Писать статьи не поощрялось. От меня требовали писать для других. За пять с лишним лет работы в ЦК я не опубликовал ни одной статьи, хотя работал как вол. А хотелось быть настоящим ученым. Ведь какой ты ученый, если не публикуешься. Это что-то вроде внуха в науке» [3, с. 89].

Будучи консультантом в ЦК, Милосердов начал работать над книгой «Аграрная политика и проблемы АПК» (1990) с надеждой, что после перехода на другую работу он сможет ее издать. Эта монография написана им не только как экономистом-аграрником, но уже и как историком-аграрником, она стала первым подобным трудом среди десятков других работ по аграрной истории, подготовленных за последнюю четверть века.

В 1988 г. по приглашению нового председателя Госплана СССР Ю. Д. Маслюкова В. В. Милосердов вновь работает в должности заместителя, далее первого заместителя начальника сводного отдела АПК, а затем экономического советника Госплана СССР. Ю. Д. Маслюков положительно оценил предложения Милосердова по обеспечению пропорциональности между производством, хранением и переработкой сельхозпродукции, совершенствованию экономических отношений между отраслями и сферами АПК, изменению методов оценки работы сельхозпредприятий. Милосердову поручали писать доклады, выступления, готовить предложения по совершенствованию системы управления АПК [3, с. 89, 90].

В 1991 г. ученый был избран академиком-секретарем Отделения ВАСХНИЛ, затем академиком-секретарем Отделения земельной реформы и землеустройства РАСХН [1, с. 6]. В 1992 г. Милосердов назначается директором Всероссийского НИИ экономики, труда и управления сельским хозяйством (ВНИЭТУСХ). Совместно с тогдашним губернатором Орловской области Е. С. Строевым он выступил научным руководителем в разработке программы реформи-

рования областного АПК. В основу программы был положен комплекс проектов формирования интегрированных и кооперативных структур, создания агрофирм и агрохолдингов. В общей сложности были разработаны и внедрены в разных районах области 24 проекта по развитию кооперации и межотраслевой интеграции, восстановлению и развитию материально-технического потенциала, финансовому оздоровлению неплатежеспособных предприятий и др. [3, с. 47]. «Впервые в экономической науке были разработаны типовые проекты, включающие в себя рабочие проекты, привязку их к конкретному региону, предприятию, научное сопровождение» — так оценили работу В. В. Милосердова в Орловской области академики РАН Э. Н. Крылатых, А. И. Костяев и Г. В. Беспехотный [1, с. 6].

Руководя коллективом ВНИЭТУСХ до 2003 г., Милосердов одновременно подготовил и издал ряд книг, опубликовал в центральных периодических журналах десятки научных статей [3, с. 461—464].

С самого начала проведения в стране аграрной реформы 1990-х гг. В. В. Милосердов отмежевался от «реформаторов». В научных трудах этого периода он отстаивал принципы многоукладной экономики, приоритетности крупного производства перед мелким, создания интегрированных рыночных структур в АПК, государственного регулирования продовольственного рынка. Целый ряд работ он посвятил проблеме обеспечения продовольственной безопасности России, земельным отношениям, организации агропромышленных объединений.

Начиная с 1990-х гг. Милосердов подготовил множество публицистических статей. Его публикации 1992—2010 гг.¹ стали первой реакцией на попытки окружения Е. Гайдара осуществить «кавалерийскую атаку» по развалу АПК страны. Работы Милосердова этого периода представляют собой достойный вклад академика в решение тогдашнего руководства страны отказаться от намеченных форсированных планов и поручить Минсельхозу РФ разработать трехлетний план реализации аграрной реформы [3, с. 461—464].

¹ Статьи «А нужен ли нам калач заморский?», «Сколько же длиться “великому посту?”», «Двадцать рублей за стакан молока», «Опять к “чрезвычайщине”», «Чем будем убирать хлеб» и другие, напечатанные в газете «Правда», а также «Прыжок в рынок», «У кого в головах разруха», вышедшие в центральных журналах «АПК, экономика, управление» (1992, № 3), и «Переход АПК на рыночные отношения» — в «Вестнике Российской академии сельскохозяйственных наук» (1992, № 7).

В этих публикациях, а также в трудах по аграрной истории России В. В. Милосердов всегда стоял на защите крестьянства. В своих воспоминаниях он недаром отметил: «С детства привитое понимание трудиться, знание деревенской жизни и ее проблем сформировали во мне стремление защищать деревню, бороться за правду и справедливость в решении важных аграрных проблем» [3, с. 34].

Начиная с монографии «Аграрная политика и проблемы развития АПК» (1990), а также целого ряда других публикаций 1990-х гг. В. В. Милосердов выступает уже не только как экономист-аграрник, но и как историк-аграрник. В первой книге своего двухтомного труда «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее» (1999) он проанализировал аграрную историю страны с момента зарождения крепостного права, тенденции экономического развития в дореформенный период, остановился на характеристике сущности и хода крестьянской реформы, ее итогах. В центре его научных изысканий оказались столыпинская аграрная реформа, а также крестьянский вопрос на основных этапах истории Советского государства. Второй том этого научного труда практически целиком посвящен аграрной реформе 1990-х гг. в России. Его труды «Крестьянство России в глобальном мире» (2008), «Многострадальная судьба российского крестьянства» (2009), «Судьба российского крестьянства» (2011), «Продовольственная безопасность и меры по ее обеспечению» (2015), «Этапы развития аграрной политики в советский период» (2016) и десятки других публикаций заняли достойное место, став важными вехами в освещении страниц аграрной истории России.

Академик В. В. Милосердов — активный участник семи международных научно-практических конференций «Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI в.», прошедших в 2009—2021 гг. в Коломне и Москве.

Объем статьи не позволяет более подробно остановиться на анализе всех трудов академика по различным проблемам аграрной истории России. В одной из публикаций мною предпринята первая попытка анализа взаимоотношений власти и крестьянства в работах В. В. Милосердова [17, с. 100—111]. Нет сомнений в том, что в скором времени научное наследие академика В. В. Милосердова будет более основательно изучаться как экономистами-аграрниками, так и историками-аграрниками. На протяжении трех десятилетий к его трудам активно отсылают в своих монографиях известные историки-аг-

рарники Е. А. Бекейкин, С. А. Козлов, В. В. Наухацкий, Н. А. Серогодский, В. Н. Томилин [7—14], а также соискатели ученых степеней [15; 16].

В ноябре 2020 г. на сайте ВНИОПТУСХ, бывшего ВНИЭТУСХ, которым в 1992—2003 гг. руководил и продолжает в нем трудиться научным сотрудником академик В. В. Милосердов, была размещена информация такого содержания: «Сотруднику филиала, академику РАН, Заслуженному деятелю науки РФ Милосердову Владимиру Васильевичу 15 ноября 2020 г. исполнилось 90 лет. Это принципиальный ученый, организатор аграрной науки, активный участник решений и событий в жизни нашей страны и российского села, публицист. Его труды включены в полнотекстовую базу данных “Выдающиеся ученые экономисты-аграрники России” ЦНСХБ».

Список источников и литературы

1. Владимир Васильевич Милосердов — ученый, организатор науки, публицист : сб. избр. ст., посвященный 75-летнему юбилею. Екатеринбург, 2005.
2. *Российский* государственный архив экономики.
3. Милосердов В. В. Собр. соч. Кн. 5 : Воспоминания и размышления о настоящем и будущем. М., 2010.
4. Милосердов В. В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990.
5. Милосердов В. В., Милосердов К. В. Аграрная политика России — XX век. М., 2002.
6. Резервы аграрной экономики. Материалы Всесоюзного совещания по проблемам агропромышленного комплекса. М., 1984.
7. Бекейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства среднего Поволжья: 1953—1991 (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Саранск, 2017.
8. Козлов С. А. Аграрная модернизация Центральной Нечерноземной России в конце XIX — начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012.
9. Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965—1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов н/Д, 1996.
10. Наухацкий В. В. Целинная кампания Н. С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д, 2018.
11. Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965—2000. Ростов н/Д, 2003.
12. Серогодский Н. А. Аграрные преобразования периода перестройки: цели, методы, результаты. 1985—1991. Славянск-на-Кубани, 2011.

13. *Серогодский Н. А.* Продовольственная программа и социально-экономическое развитие села (1980—1990 годы). Ростов н/Д, 2003.

14. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009.

15. *Власов С. Д.* Аграрная политика государства в условиях реформирования российского общества. 1990—2000-е годы : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2013.

16. *Суворова Е. А.* Совершенствование и организация системы управления агропромышленным комплексом СССР в 1982—1991 гг.: региональный аспект (по материалам Московской области) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2016.

17. *Шевельков А. И.* О взаимоотношениях власти и крестьянства в трудах В. В. Милосердова (К 90-летию академика РАН Владимира Васильевича Милосердова) // IX Бартеневские чтения : матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 2020. С. 100—111.

ОБ АВТОРАХ

Баринова Екатерина Петровна, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар.

E-mail: berscoll@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Жиров Николай Анатольевич, канд. ист. наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец.

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Краснодарский социально-экономический институт, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Кабытов Пётр Серафимович, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Козлов Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Комиссаренко Аркадий Иванович, д-р ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

E-mail: arkadiy109@rambler.ru

Кондрашин Виктор Викторович, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: vikont37@yandex.ru

Ланской Григорий Николаевич, д-р ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Липецкий филиал Финансового университета при правительстве РФ, Липецк.

E-mail: inna.logunova.12@gmail.com

Милосердов Владимир Васильевич, д-р экон. наук, академик РАН, Москва.

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikulin@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа.

E-mail: mrodnov@ufanet.ru

Смирнова Ольга Алексеевна, канд. ист. наук, Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Оренбург.

E-mail: oasmirmoff@rambler.ru

Степанова Лилия Геннадиевна, канд. ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Суханова Наталья Ивановна, д-р ист. наук, Московский государственный областной университет, Москва.

E-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Черников Сергей Васильевич, канд. ист. наук, Липецкий государственный технический университет, Липецк.

E-mail: zserg72@gmail.com

Шевельков Анатолий Иванович, канд. ист. наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна.

E-mail: shevelkov51@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 27

Под редакцией
Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 12.04.2022 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,1
Тираж 250 экз. (1-й завод 55 экз.). Заказ 39

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6